

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ
РОССИЙСКИЙ ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦДУМ РОССИИ**

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ЯМИНЕВА

**МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

УФА 2012

УДК
ББК
Я

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Башкирского государственного педагогического университета*

Яминева Светлана Александровна

Межконфессиональный диалог и проблемы формирования толерантного сознания в молодежной среде: монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. – 12 п.л.

Монография посвящена проблемам формирования установок толерантного сознания в молодежной среде. Произведён анализ понятий «толерантность», «веротерпимость», рассмотрены пути формирования межконфессионального диалога как возможности противостояния экстремизму и ксенофобии. Указаны причины и пути этнической и конфессиональной идентификации молодежи, её отношение к исламу и православию. Рекомендуется всем специальностям, где изучается духовное бытие человека.

Рецензенты:

1. Д.ф.н., профессор Канапацкий Александр Яковлевич (Москва. Россия).
- 2 Д.ф.н., профессор Телебаев Газис Урысбекович (г. Астана. Казахстан)

Работа выполнена в рамках проекта

Комплексной программы «Содействие развитию мусульманского образования»,
Утвержденной Правительством РФ от 14.06.2007 №775-р. под руководством д.ф.н., профессора Валерия Семеновича Хазиева

ISBN

© Издательство БГПУ, 2012
© С.А.Яминева, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Воспитание толерантности как основы формирования гражданской позиции молодежи	4
ГЛАВА 1. ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ТИП МИРОВОЗЗРЕНИЯ И АКТУАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ	9
§ 1. Толерантность как понятие, разнообразие подходов в его определении	9
§ 2. Проблемы толерантности в современной межкультурной коммуникации: формы противодействия ксенофобии и экстремизму	29
§ 3. Религиозная терпимость как путь оздоровления общества. Свобода верить и не верить	58
§ 4. Конфессиональная толерантность и поиски идентичности современной молодежи	68
ГЛАВА 2. МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ И ПУТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ	71
§ 1. Диалог как фактор гуманизации поликонфессионального общества	71
§ 2. Православие и толерантность	75
§ 3. Россия и исламский мир: основные проблемы и перспективы сотрудничества	82
§ 4. Поликонфессиональный диалог в Башкортостане: социально-культурная и правовая практика	95
§ 5. Проблема реализации свободы совести и духовно-нравственное воспитание молодежи	104
§ 6. Толерантность в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
ЛИТЕРАТУРА	139

ВВЕДЕНИЕ

Воспитание толерантности как основы формирования гражданской позиции молодежи

Обучение в высшем учебном заведении – это не только процесс усвоения знаний, умений и навыков, необходимых для овладения будущей профессией, но и формирование гражданской позиции молодого специалиста. Формировать гражданскую позицию молодежи в отсутствие в современной России национальной идеи задача крайне сложная. Советские идеологемы, разрушенные в 90-е годы прошлого столетия, не заменились сколько-нибудь внятными концепциями, которые могли бы стать основой становления гражданской позиции личности. В условиях идеологического вакуума в настоящее время в Российской Федерации наблюдается рост экстремизма и ксенофобии, причиной которых являются низкий уровень доходов населения, бедность регионов страны, незаконная миграция, высокий уровень преступности и т.д. В столь непростой социально-политической и экономической ситуации лозунг «Россия для русских» является, к сожалению, основной формой выражения национальной идеи и, одновременно, некой формулой для решения вышеперечисленных проблем.

Попытаемся рассмотреть состояние проблемы воспитания толерантности в современной России и предложить некоторые пути ее решения. Советом при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека предложен проект государственной Программы «Гражданское образование населения РФ на 2006-2010 годы»[90]. В частности, в ней отмечается, что «Образование, направленное на воспитание демократической гражданственности, – протекающий на протяжении всей жизни процесс и результат передачи и усвоения знаний, умений и навыков, формирования ценностных ориентаций и качеств личности, направленный на:

а) укрепление уважения прав человека и основных свобод, осознание прав и обязанностей человека, норм поведения и ценностей, этических и моральных норм внутри сообщества;

б) полное и всестороннее развитие человеческой личности и чувства человеческого достоинства;

в) содействие взаимопониманию, толерантности, равенству мужчин и женщин и дружбе между всеми нациями, коренными народами и расовыми, национальными, этническими, религиозными и языковыми группами;

г) обеспечение для всех людей возможности активно и эффективно участвовать в жизни свободного и демократического общества, основанного на принципах демократии и верховенства закона;

д) строительство и поддержание мира, возможностей диалога и разрешения конфликтов между людьми, достижения консенсуса, общения и взаимодействия;

е) обеспечение социальной справедливости и устойчивого развития в интересах человека».

В числе других составными частями гражданского образования являются:

– обучение правам человека;

– воспитание толерантности.

Обучение правам человека и воспитание толерантности – процесс взаимосвязанный, т.к. толерантность (терпимость) – это особая ценность прав человека, она утверждает уважение к чужому мнению, к различным формам самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Толерантность вытекает из факта уважения прав других людей. Она вырастает из убеждения, что все свободны иметь собственное мнение, веру, свободны от предрассудков, каждый вправе критиковать мысли и действия других людей и власти, а также внимательно прислушиваться к критике. Она неразрывна с признанием за каждым права на творчество, на культурную самобытность, свободный выбор нравственности, с правом иметь индивидуальный облик, вести собственный образ жизни.

Толерантность несовместима с ксенофобией, особенно со способами ее активного выражения – национализмом и экстремизмом. Истоки национализма – резкое различие между «своими» и «чужими». «Чужой» всегда враг. В Советской России ликвидации и жестокой дискриминации люди подвергались чаще по политическому (классовому, идеологическому) признаку (помещики, «белые» офицеры, «враги народа» и др.). Теперь же социальные и экономические проблемы все чаще этнизируются и ответственность за них переносится на «чужие» этнические общности. Жесткая конкуренция в экономической, социальной и политической сферах сменила советскую идеологию «дружбы народов».

Анализируя данную проблему, нельзя не отметить, что в России ксенофобия помолодела. Данные ВЦИОМа говорят о том, что в начале 90-х годов XX века молодежь демонстрировала наибольший уровень этнической толерантности, а ныне – наибольшие этнические фобии и страхи. Неофашистские группировки, движение скинхедов создаются из подростков и молодежи. Большинство преступлений на почве национальной ненависти происходит, к сожалению, при активном участии молодых исполнителей. И если раньше социальный портрет участника подобных мероприятий представлялся выходцем из неблагополучных слоев населения, то сейчас участниками экстремистских акций все чаще становятся студенты (вспомним хотя бы недавний теракт на Черкизовском рынке).

Многочисленные социологические и культурологические исследования показывают ошибочность трактовки радикальных умонастроений как явления маргинального. Вирусом ксенофобии заражена значительная часть нашего общества. Под воздействием некоторых СМИ и безответственных заявлений должностных лиц в общественном сознании формируется представление об этнической преступности. Так, например, одну нацию стали обвинять в торговле наркотиками, другую – в организации терактов и похищении людей, третью – в бандитизме (пример тому – недавняя антигрузинская кампания). В погоне за сенсациями СМИ создают психотравмирующие ситуации для населения. У детей некоторых этнических групп формируется потребность в мести, которая реализуется ими в повседневной жизни. Причем, если взрослые могут договориться друг с другом, то дети вырастают с чувством мести и становятся фанатиками в каком-либо движении экстремистского толка.

Кроме того, национализм проник не только в СМИ, но и в некоторые школьные и вузовские издания. Учебники истории, культурологии, этнологии

пестрят теориями о «несовместимости этносов», грядущем «столкновении цивилизаций». Выдвигая подобные аксиомы, авторы даже не задумываются, что формируют у учащихся «культурный фундаментализм» или «культурный расизм» («под культурным фундаментализмом понимается представление о культуре как необычайно устойчивом, незыблемом феномене, наделенном якобы и неизменными ценностями, не только формирующими личность, но и с железной последовательностью определяющими ее поведение и представление в течение всей жизни»).

Национал-патриотические партии, претендующие на формирование русской национальной идеи, пропагандируют патриотизм как ненависть к врагам (при этом врагами, в зависимости от радикальности партии и задач, перед ней стоящих, могут называться Запад, Америка, «инородцы», инаковерующие, мигранты и т.д.). Вместе с тем, существует критерий, позволяющий отличать патриотизм от национализма. Патриотизм – это любовь к своему отечеству, к своему народу. Национализм – это прежде всего ненависть к чужому отечеству и к другому народу. Язык патриотизма – это язык любви. Язык национализма – это язык вражды[137, с.183-292].

Таким образом, мы видим, что формирование гражданской позиции молодежи в современном российском обществе, – задача крайне сложная. К сожалению, вышеуказанная Программа «Гражданское образование...», направленная на самые широкие слои населения РФ, в настоящее время так и не утверждена. Не ставя своей задачи рассуждать о причинах этого, отметим, что определенные шаги по гражданскому образованию современных школьников и обучение их правам человека предпринимаются. В рамках школьной программы введен курс «Права человека». Состояние дел в сфере вузовского образования, к сожалению, показывает, что в современных стандартах высшего профессионального образования не заложено отдельной учебной дисциплины, направленной на овладение студентами столь необходимыми для жизни в гражданском обществе знаниями. Между тем, актуальность данного вопроса не вызывает уже ни у кого сомнения. К счастью, некоторые вузы самостоятельно определяют приоритеты такого воспитания. Так, концепция развития Московского открытого социального университета, утвержденная ученым советом университета 26 декабря 2006 года, в целях совершенствования воспитательной работы ориентирует преподавателей на достижение следующих задач: «формирование у обучаемых гражданской ответственности, правового самосознания, духовности и культуры, толерантности как уважения, принятия и понимания богатого разнообразия культур мира, национальных традиций и способов проявления человеческой индивидуальности»[52, с.27-29].

Формирование гражданской позиции, на наш взгляд, должно происходить в процессе овладения основными дисциплинами учебного плана, а также реализовываться в ходе внеучебной деятельности студентов. Важно определить не только содержание, но и форму подачи информации, так как «старая система аргументации в пользу «дружбы народов» и все призывы к «толерантности» в России уже не работают», по той причине, что данная идеология практиковалась еще во времена СССР, но той страны и тех людей уже не существует.

Обучение правам человека – это совершенно особый предмет, который выходит за рамки традиционно изучаемого в высших учебных заведениях курса правоведения. Права человека воплощают идеалы реального уважения личности и ее достоинства и ассоциируются с практическим гуманизмом[14, 80].

Обучение правам человека выполняет важные образовательные и воспитательные функции:

- философско-культурологическая, которая направлена на преодоление узконационального мышления, предрассудков и стереотипов по отношению к другим народам и их культурам;

- образовательно-правовая, смысл которой в повышении правовой культуры учащихся путем расширения знаний не только национальных, но и международных правовых норм, элементов правоотношений и правовых институтов, формирование умения творчески использовать эти знания для решения социально-правовых проблем.

- воспитательно-формирующая, ориентированная на глубокое восприятие и осмысление прав человека, представлений, оценок, требований, личностного отношения и преобразования их в устойчивые убеждения и прочные навыки сознательного гуманного поведения;

- психолого-развивающая, которая в процессе усвоения прав человека пробуждает и совершенствует интерес к себе, к своему внутреннему миру, к познанию своего «я», системе потребностей, интересов, установок, что составляет психологическую основу самовоспитания и самосовершенствования;

- коррекционная, которая направлена на диагностику отклоняющегося поведения (агрессивность, насилие, нетерпимость, жестокость) и его коррекцию психолого-педагогическими средствами.

Важно иметь в виду, что содержание обучения правам человека отличается высокой степенью междисциплинарности. Цели, задачи, функции свидетельствуют, что эта новая для высшего образования учебная область должна находиться на стыке многих учебных дисциплин: истории, философии, политологии, социологии, культурологии, религиоведения, социальной психологии, педагогики, естественнонаучных предметов. Эта междисциплинарность позволяет включить разделы, касающиеся прав человека, в традиционные дисциплины наряду с введением системного курса. Таким образом, специфику обучения содержанию прав человека возможно реализовывать в следующих формах:

- предметной, где основу составит дисциплина «Права человека»;

- межпредметной, где основное содержание прав человека можно включить в ряд учебных дисциплин гуманитарного (история, философия, политология, культурология, религиоведение, социальная психология, педагогика) и естественно-научного циклов (концепции современного естествознания и др.).

Кроме того, формирование гражданской позиции должно быть отражено в различных формах внеучебной познавательной и воспитательной деятельности студентов. В основу обучения правам человека положена идея полноценного участия личности в решении общественно значимых задач общества. Она предполагает сочетание формирования навыков социальной практики с глубоким усвоением основ наук. Одним из интенсивных методов социальной прак-

тики является социальное проектирование. Основная цель социального проектирования – создать условия, способствующие формированию у студентов собственной точки зрения по обсуждаемым проблемам. Социальное проектирование представляет собой незаменимую сферу применения гражданских компетентностей.

Оценивание в области прав человека представляет совокупность знаний, умений и навыков мышления и действия и ценностных ориентиров. Ключевым компонентом в этой триаде являются умения (навыки), поскольку гражданин выступает прежде всего как социальный деятель, способный решать общие задачи. Знания и ценностные ориентиры проявляются лишь в действии. Чтобы проверить, обладает ли студент определенной компетентностью, необходимо увидеть, как он действует, решая общественно значимые задачи.

В рамках воспитания толерантности как составной части гражданской позиции молодого специалиста необходимо, на наш взгляд, проводить различные по форме и содержанию мероприятия. В числе таковых можно назвать, например:

- проведение анкетирования студентов с целью выяснения мнений учащихся по проблемам экстремизма и национализма и др.;
- введение в обучение курсов этнопсихологии и народной педагогики, организация вечеров национальной культуры для создания определенной информационной базы в данной области;
- организация круглых столов и конференций по наиболее острым проблемам в сфере политики, экономики и др.

Таким образом, задача формирования гражданской позиции современного специалиста крайне актуальна, но также и трудна. Причем, как и любая воспитательная задача, она может быть реализована только при активном эмоциональном включении обучаемых в образовательный процесс. А этого возможно достигнуть лишь при том условии, что со студентами будут работать люди, равнодушные к судьбе современной России.

ГЛАВА 1. ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ТИП МИРОВОЗЗРЕНИЯ И АКТУАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

§ 1. Толерантность как понятие, разнообразие подходов в его определении

Пожалуй, редкое слово вызывает сегодня в России столько споров и противоречивых оценок, как недавно привнесенное в наш язык иноземное понятие «толерантность» [6, с.31-44]. Одни видят в нем для нашей страны вожделенный «пропуск в семью цивилизованных народов». Другие – смертельную угрозу, способную добить все уцелевшие еще мировоззренческие устои русской души, принудительно подавив любые попытки общественного сопротивления этому. При этом на голову обывателя низвергается силами СМИ такой жуткий пропагандистский коктейль из «злых русских скинхедов», «убиенных таджикских девочек», «разрешенных везде, кроме России, гей-парадов» и т.п., что разобраться в том, «кто такая толерантность и с чем ее едят», простой человек просто не в состоянии. А разобраться стоило бы...

Слово толерантность среди других слов, обозначающих нормативность идеала ненасилия в социальных системах, является одним из наиболее востребованных в современном интернете, к примеру, в поисковой системе Google на 14 октября 2011 года можно было найти около 6 800 000 документов по теме «толерантность», тогда как «терпимость» – 1 600 000, а «веротерпимость» – 1 400 000 [113]. Согласно «Википедии», слово толерантность появляется в русском языке в либеральных изданиях XIX века. Так, к примеру, М.М. Стасюлевич в «Опыте исторического обзора главных систем философии истории», опубликованном в 1866 г., писал: «Как же следует действовать и мыслить, чтобы не нарушать справедливости в этом мире? Tolerance – вот главное правило того, кто действует там, где все ошибаются» [114].

Вместе с тем, данная «лексическая единица» не зафиксирована ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, ни в других толковых словарях XVIII-XIX веков. Данное слово на русский язык обычно переводилось как «терпимость», семантические особенности которого были представлены в словарях, к примеру, В.И. Даля и Брокгауза-Ефрона, у Даля – «терпеливый начальник, учитель, спокойный, рассудительный, великодушный, снисходительный», «в терпении является сила и величие духа, терпение же есть признак кротости, смирения, снисхождения», тогда как нетерпение – «спешливость, непостоянство, опрометчивость, горячность, запальчивость, требовательность» [34]. Содержательная статья «Терпимость, понятие» Э. Радлова в Энциклопедическом Словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона фокусируется преимущественно на веротерпимости, актуальной в свете Указа «Об Укреплении Начал Веротерпимости» от 17 апреля 1905 года. Современные словари производят это слово от лат. *tolerantia* (терпение, терпимость), выделяя три основных значения, первые два из которых гуманитариям, среди которых это слово сегодня наиболее распространено, могут показаться странными:

1) иммунологическое состояние организма, при котором он неспособен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохра-

нении иммунной реактивности к другим антигенам. Проблема толерантности имеет значение при пересадке органов и тканей.

2) Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды[93].

3) Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению. Более детальные исследования выделяют больше тонких различий в двух группах значений – медико-физиологического и социально-этического характера.

1. Выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам.

2. Отсутствие или ослабление реагирования на к.-л. неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию.

3. Привыкание организма к воздействию какого-либо агента (например, химического вещества), так что вводимая доза уже не производит желаемого эффекта и ее приходится повышать.

4. Неосуждение, терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям.

5. Терпимость по отношению к критике другими своих идей, позиций и действий и т.д.

6. Непредубежденность в оценке людей и событий.

7. Умение спокойно, без враждебности воспринимать чужие взгляды, убеждения, традиции, характеры, культуру и религию.

8. Уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения многообразия к единому целому, и преобладанию какой-либо одной точки зрения.

9. Принятие другого таким, какой он есть.

10. Уважение прав человека.

11. Признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность.

12. Умение принять, стерпеть недолжное.

13. Умение принимать без протеста к чужому.

14. Позволение другому существовать.

15. Прекращение состояние ссоры, вражды с кем-либо.

16. Активное отношение к «другому», подразумевающее сознательное признание прав и свобод «другого», деятельное допущение существования другого.

17. Крайняя степень бесчувствия, патологическое отсутствие реакции на унижения, притеснения, этноцид и геноцид народа, к которому принадлежишь.

18. Спокойное, снисходительное отношение к недолжному.

19. Выжидание, перенесение неприятного.

20. Непротивление[1,31, 61, 66, 68].

Параллельно с эволюцией социально-этического значения слова «толерантность», оно приобрело значение технического термина в физиологии и медицине, затем исчезает в 30-е годы XX века, возвращаясь только в его конце, в связи с демократическими изменениями в стране, обострением межнациональ-

ных и межконфессиональных противостояний, обсуждением проблем прав человека и ненасилия в обществе. Так, Л.В. Никифорова отмечает, что в 2009 году Электронный каталог Российской национальной библиотеки по запросу «толерантность» выдавал 525 ответов – монографии, сборники, учебные пособия, авторефераты диссертаций, причем до 1999 г. преобладают работы по медицине: 84 против 8 изданий гуманитарной тематики, последние приходятся только на 1990-е гг. (медицинская тематика толерантности прослеживается по каталогу с 1971 г.). Книг гуманитарного характера со словом «толерантность» в заглавии в 1994 г. – 1, в 1995 г. – 1, с 1997 по 1999 гг. еще 6. В 2000 г. уже 14 гуманитарных против 4 медицинских. В дальнейшем на медицинском фронте ситуация остается стабильной, количество изданий в году колеблется от 4 до 6. В гуманитарных науках ситуация резко, почти «лавинообразно» меняется и можно сказать, что «слово «толерантность» буквально вломилось в научный язык». На 14 октября 2011 года изданий уже 850, а из них только диссертаций – 215.

Филологические исследования показывают, что в русском языке толерантность рассматривается в двух аспектах: она понимается, во-первых, статично, как отношение и соотносится со словами «терпимость», «выносливость», «отсутствие реагирования» и т.п., а во-вторых, динамично, т.е. именно как «реагирование», «деятельность», «поведение», соотносясь со словами «ненасилие», «неосуждение», «смирение» и т.п. Последнее коррелирует с «христианскими заповедями возлюбите ближнего своего, не противьтесь злу, нести свой крест», тогда как в «советском тоталитарном государстве толерантность как уважение к людям других политических взглядов, терпимость к иному мировоззрению, иной вере, иному мнению считалась недопустимым качеством», что возможно, и стало причиной «полного отсутствия слова толерантность в толковых словарях советской эпохи», поскольку именно словари «были проводниками языковой политики государства, слово, представляющее идеологическую опасность, не должно было включаться в лексикон рядовых носителей языка».

Б.И. Аболин полагает, что «впервые данная лексема появляется в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова 1940 года и трактуется как «отвлеченное существительное к «толерантный», терпимость», при этом слово «толерантность» снабжено пометой «книжное»[1]. Присутствует оно и в «Словаре иностранных слов», объясняясь как «терпимость к чужим мнениям и верованиям». Затем оно приводится в Большом Академическом словаре 1963 года, где уже имеет помету «устар.», а помета «книжн.» отсутствует. Так, едва стать «книжным», слово превратилось в «устаревшее», поскольку, видимо, непримиримость в этот период была более приемлема для идеологической политики власти, чем «толерантность».

Широкое распространение в русском языке слово «толерантность», как полагает Л.В. Никифорова, фактически получает только в XXI веке, поскольку даже в переводах на русский язык международных правовых документов (ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ) вплоть до 2002 года термин «толерантность» не звучал, это слово «еще царапало слух, несло в себе какой-то механический оттенок и нуждалось в уточнении», переводясь как слово «терпимость».

К примеру, важнейший международный документ – «Декларация принципов толерантности» утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, – даже на официальном сайте бюро ЮНЕСКО в Москве размещена под названием «Декларация принципов терпимости», а в самом тексте документа не встречается слово «толерантность». Иначе, т.е. именно как «Декларация принципов толерантности», название документа переведено на сайте проекта «Толерантность»[77, с.63-70].

Именно сегодня, в последние 10 лет, практически на наших глазах, происходит конструирование новых семантических полей данного термина, заимствованного русской лексической системой из международного социально-политического, этического и юридического лексикона, формирующихся в напряженной «борьбе текстов» вокруг его значений, разделения близких понятий, обогащения его как положительными, так и отрицательными коннотациями, отражающими реалии современного отечественного социокультурного контекста. В таких условиях естественно, что, как показывают Л.В. Никифорова и другие филологи, перевод слова «толерантность» словом «терпимость» далек от корректности, поскольку отражает только некоторые аспекты сложившихся коннотаций в русском и европейских языках, неотделимых от развития русской и европейских культур. Именно обращение к культурно-историческому контексту помогает понять, как происходило этимологическое и семантическое становление данного термина, возникающего на основе латинского слова «*tolerantia*», представляющего собой имя существительное, производное от глагола «*tolerare*» – нести, держать, сносить, терпеть, выносить, т.е. подчеркивается момент «выдержки», т.е. «удержания» ситуации. Таким образом, терпимость и терпение объединяются по семе «выжидание, перенесение неприятного», но различаются по ситуативной семантике: «терпение» – физический процесс организма, а «терпимость» – душевное, психическое состояние, и филологически слово «*tolerantia*», ключевой семой лексического значения которого является «выдержка», коррелирует с силами души, в то время как *patientia* – к терпению тела».

В происходящих от латыни английском языке и других языках германской группы «толерантность» переводится преимущественно как «веротерпимость», «лояльное отношение к чужой религии», «допущение религиозной свободы», в то время как в русском, славянском языке, в культурном контексте которого отсутствовали коннотации с религиозными расколами (протестантизмом), это «способность мириться с чем-либо неприятным», «спокойное, снисходительное отношение к недолжному». Синонимом здесь является *indulgence* (Declaration of Indulgence – Декларация религиозной терпимости в Англии в 1672 г.), имеющий значения «снисхождение», «потакание», «привилегия», «милость»[141].

«Большой англо-русский словарь» приводит термины «*indulgence*» и «*tolerance*», первый из которых переводится как «снисхождение, снисходительность, терпимость»; «потворство, потакание, поблажка»; «потворство своим желанием, потакание своим слабостям, «привилегия, милость»; церковное «индульгенция, отпущение грехов»; коммерческое «отсрочка платежа», а второй как «терпимость»; финансовое «допустимое отклонение от стандартного разме-

ра и веса монеты); технический «допуск» и медицинское «устойчивость» [16, с.497-1010].

В Оксфордском словаре английской этимологии возникновение понятия «толерантность» как *tolerance* относится к XV веку, а *tolerantion* – к XVI веку. В XV веке оно использовалось еще в смысле выносливости, способности переносить боль. В XVI веке добавляются значения «разрешение», «сдержанность», «воздержанность». Во второй половине XVI века понятие «толерантность» появляется в Германии как дозволение, уступка в вопросе о религиозной свободе [144].

В XVII веке термин употребляется и в смысле возможности отправления иного религиозного культа, появляются знаменитые «Письма о толерантности» Дж. Локка («*Letters Concerning Toleration*», 1689-92), навеянные столетием религиозных войн в Европе между католиками и протестантами (1524-1648). С этого периода слово *tolerance* используют преимущественно в связи с идеей веротерпимости.

Филологи в целом выделяют два «лексико-семантических варианта», один из которых принадлежит полю «свойство, качество», а другой – полю «отношение». В первом употреблении актуализирован психологический аспект понятия, выражается внутреннее свойство личности: способность относится к числу высоких душевных качеств личности наряду с такими близкими категориями, как великодушие, добро, сердечность, чуткость, отзывчивость, душевность, мягкость, готовность помочь. Второе понимание терпимости представляет собой отношение: «терпимое, мягкое отношение к слабостям и недостаткам другого», что носит характер амбивалентности: терпимость может быть со знаком «плюс» (терпимость к чужому мнению, к неудобствам) и со знаком «минус» (терпимость к беспорядкам, к нарушению норм общественной морали) [88].

О специфике семантики отечественного слова «терпимость» свидетельствует и то, что Л.В. Никифорова в каталоге Российской национальной библиотеки нашла только 14 книг со словом «терпимость» в заглавии, причем из них ровно половина оказалась изданиями XIX века, среди которых только книга В. Берви-Флеровского «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» имеет гуманитарный характер, тогда как остальные шесть посвящены «санитарному состоянию домов терпимости», а 7 книг 1990-2000-х гг. – проблемам межрелигиозных отношений [17]. Важную роль в распространении термина в начале XXI века сыграла «Декларация принципов толерантности» ЮНЕСКО (1995) и тот факт, что Правительство РФ 28.08.2001 приняло Федеральную программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001-2002 гг.). В Уральском межрегиональном институте общественных наук в эти же годы возник проект «Проблема толерантности в современной цивилизации», начались исследования по данной проблематике в филологии, педагогике, психологии, философии, социологии и истории во многих городах России.

Современная ситуация с ее этническими, религиозными и социальными, конфликтами, противоречивыми тенденциями на обретение собственной идентичности перед лицом вызовов глобализации и мультикультурализма, сделали

востребованным именно термин «толерантность», который оказался на острие борьбы вокруг особого и пока еще не утвердившегося в общественном сознании феномена, который для одних стал обозначением цивилизационных ценностей «конструктивного диалога» и «уважения позиций и интересов людей другой культурной, национальной, религиозной или социальной среды», тогда как для других воплощением «антиценностей», «предательством», «приспособленчеством», агрессией и экспансией «толерастов», «сатанизмом» и «пропагандой греха» [94].

Проблематичность толерантности отмечают и авторы академических публикаций, предупреждающие, что «риторика толерантности позволяет дистанцироваться от реальных процессов современной культуры, перевести проблему в русло культурной несовместимости», при этом «само слово монополизировало научный дискурс и не дает нам возможности обсуждать эти или другие проблемы в иных ракурсах», порождая, порой, своего рода «театр абсурда», когда, к примеру, в одной из программ повышения квалификации по толерантности у организаторов родился такой примечательный слэнг: «оттолерантили еще пять групп». Сегодня «призыв быть толерантными вообще, со всей той степенью абстрактности, которой это слово наделено сейчас в нашем языке, означает необходимость принимать не только Другого, но вообще любые новые воздействия», что «подразумевает наличие компетентных, которые эти различия будут конституировать, провоцировать, сигнифицировать», отсутствие которых угрожает последствиями, явными в контексте физиологического значения этого термина, где «иммунологическую толерантность называют иммунологической безответственностью или ареактивностью».

В результате встает проблема систематизации и концептуализации существующих исследовательских представлений, основанием для которых служит «Декларация принципов толерантности» [36], где приводится определение понятия и термина «толерантность»:

СТАТЬЯ 1 – ПОНЯТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

1.1 Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности.

Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2 Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3 Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма,

от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных актах в области прав человека.

1.4 Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

Толерантность характеризуется фундаментальной «апорией», которая заключается в том, что «толерантный человек нетолерантен к нетолерантности» выступающей как убеждение того или иного члена сообщества в истинности именно своего мировосприятия и поведения, исторически связывавшегося с конфессиональной идентичностью или идеологией. Ю. Хабермас полагает, что решение этого парадокса требует умения обращаться к плану «двусторонней перспективы», когда от участников требуется умение вообразить себе «перспективу другой стороны» и признание самой возможности сотрудничества «по поиску истины», т.е. согласие в том, что, как признает Конституция РФ и «либеральное сообщество», истина носит открытый характер, не принадлежа ни одной из сторон «по природе», т.е. разногласия в обществе неустраимы, однако разногласия разногласиям рознь и если дискуссии в теологии или науке предполагают возможность обретения той или иной согласованности в понимании «научной истины» или «положения личности в Вечности», однако, особенно когда дело касается «смирения» перед разногласиями с фашистами, расистами, педофилами и т.п., такое примирение оказывается невозможным, поскольку при этом «мы осуществляем критику предрассудков и предубеждений и боремся против дискриминации, а не за «толерантность» для подобающего ответа».

М.Б. Хомяков формулирует эту разницу в определении понятий как различие «сильного и слабого» определения: «В слабом определении под толерантностью понимается вообще любое ненасильственное допущение существования другого, от уважения и принятия до вынужденного прагматического дозволения иному существовать или даже безразличного отношения к другому». Но в таком подходе М.Б. Хомяков видит возможную потерю смысла использования понятия «толерантность» вообще, поскольку под ним понимается слишком много очень разнородных явлений, и с этим выводом можно согласиться. Ведь если речь идет о морально неприемлемом действии или мнении – это одно (традиционное поле применения толерантности), если же о чем-то морально нейтральном, просто «ином», отличающемся – это совершенно другое, и здесь пригодным будет скорее понятие «уважение», нежели «толерантность» (тем более что первое не по одному разу используется в подавляющем большинстве источников, рассматривающих проблему толерантности).

При таком «слабом» определении происходит чрезмерное расширение объема понятия, за счет чего почти исчезает специфическое содержание, которое в итоге оказывается совпадающим с содержанием других понятий (напри-

мер, уже упоминавшегося «уважения»). Таким образом, «слабое» определение, по сути, означает скорее отказ от использования понятия «толерантность», поскольку оно теряет свой смысл и становится дублирующим, излишним.

Сильное же определение, по М.Б. Хомякову, характеризуется попыткой «...максимально сфокусировать это понятие, отличив его от безразличия, с одной стороны, и безоговорочного принятия, с другой» [126, 127, 128]. В качестве примера такого подхода исследователь берет концепцию П. Николсона, чье определение толерантности уже давалось выше. Однако если принимается это «сильное» определение, сохраняющее специфику толерантности, снимается только одна сложность, а на ее место приходят многочисленные новые [78].

Во-первых, возникает необходимость определиться, о чем идет речь в требовании толерантности: о невмешательстве во мнения или в действия другого. Если речь идет о мнениях, то здесь в целом обоснованна ссылка даже на достаточно старую аргументацию Дж. Локка, которого называют одним из авторов либеральной концепции толерантности в целом. Дж. Локк рассматривает прежде всего вопросы веротерпимости в контексте государственной политики, поэтому толерантность у него предстает не как этическая категория, а как одно из прав – «право на терпимость», – но сути аргумента это не меняет [79].

В основе концепции Дж. Локка лежит идея выделения области частного, принадлежащего только человеку – и мысль о том, что это частное, никоим образом на его качества гражданина не влияющее, должно быть безразлично правителю (а через него и закону) и оставаться личным делом только самого человека, решаясь между ним и его собственной совестью, между ним и богом. Чтобы пользоваться «правом на терпимость» в своей «частной жизни», по Дж. Локку, человек должен разделять взгляды общества на государственную власть, управление и «общественное благо» и действовать на их основе. В ином случае (пример Дж. Локка – современные ему католики) терпимости его взгляды не заслуживают. На этом основании он и выделяет три области, по отношению к которым может решаться вопрос о терпимости.

Первая – «...все спекулятивные мнения и богопочитание; они явно имеют право на всеобщую терпимость, на которое не должен покушаться правитель». Для Дж. Локка область веры и связанных с ней обрядов совершенно безразлична по отношению к политике и государственной власти, это область отношений с богом, а не с правителем, и поэтому никакой правитель не должен касаться этих вопросов и не имеет права ни к чему принуждать человека.

Вторая область – это «...некоторые мнения и действия, которые при естественном ходе вещей грозят человеческому обществу полным разрушением, как то мнение... что если правитель не реформирует веру, то это могут сделать подданные... а среди действий всевозможные надувательства, несправедливости и т.д.; и все это правитель не должен терпеть ни под каким видом».

Третья же – «...род мнений и действий, которые сами по себе не приносят человеческому обществу ни вреда, ни пользы... практические мнения и все действия, касающиеся безразличных вещей, все они имеют право на терпимость только до тех пор, пока не посягают на пользу общественности или каким-либо образом не досаждают правительству».

Применительно же к проблеме мнения и действия Дж. Локк пишет, что правитель имеет право запретить опубликование мнения, если оно направлено на подрыв власти, и запретить законодательно действия, вытекающие из этого мнения, однако не должен пытаться силой изменить его само, потому что «...насильственное насаждение мнений мешает людям уяснить их, ибо прививает им неодолимое подозрение насчет того, что те, кто так, силой, вербует прозелитов, не несут истины, а лишь преследуют собственные интересы и ищут власти... наказание и страх могут побудить людей к притворству; не убеждая их разума, они едва ли способны заставить их воспринять мнение, но наверняка вызовут в них ненависть к особе своего притеснителя и сообщат им тем большее отвращение к тому и к другому...». С этим аргументом Дж. Локка в целом и можно согласиться [140].

Если же мы переносим этот принцип невмешательства силой в морально неприемлемое так же и на действия, то получаем одну из самых больших сложностей почти всех концепций толерантности – так называемый «логический парадокс». Он состоит в том, что «...допущение морального зла не может быть моральным благом» (причем сходная мысль была высказана еще Фомой Аквинским): если мы не препятствуем тому, что с нашей точки зрения морально неприемлемо, то наш поступок не является моральным, а в «сильном» определении говорится, что толерантность (то самое «невмешательство в морально неприемлемое») есть добродетель, то есть «...фундаментальное моральное понятие, характеризующее готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру...». Отказ от вмешательства в творящееся зло не может быть добром, и само определение толерантности оказывается внутренне противоречивым.

В итоге остается либо отказаться от понятия «толерантность» вообще, сочтя его неудачным, либо выбрать «слабое» определение, которое, как уже было показано выше, слишком расплывается в объеме, теряя свое содержание, либо попытаться, оставив суть (невмешательство в то, что кажется «неправильным»), как-то снизить или принять обнаруженную противоречивость.

Один из распространенных способов – указание на то, что толерантность по отношению к «этому» конкретному морально неприемлемому позволяет избежать большего зла, либо что значимость объекта толерантности меньшая, чем значимость самой толерантности как добродетели. Например, «...Вы вправе вызвать милицию, если сосед далеко за полночь продолжает шумно веселиться. Но можно, сделав сознательное усилие над собой, проявив великодушные, воздержавшись от осуждения и исполнения своего гражданского долга (есть ведь соответствующая правовая норма), в милицию не звонить и на соседа не жаловаться». В данной ситуации ценность толерантности оказывается выше, чем ценность пресечения неприемлемых действий (хотя и это, собственно говоря, спорно). Однако такой способ снятия противоречия тоже приводит к сложностям, главная из которых – необходимость «взвешивать» и искать основания этого «взвешивания»: почему по отношению к одним явлениям толерантность оправданна и необходима, а по отношению к другим недопустима, как определить, когда еще нужно быть толерантным, а когда «уже хватит»?

Описанная сложность обычно обозначается как вопрос о границах толерантности. Подавляющее большинство исследователей сходятся на мысли, что эти границы есть, и толерантность нельзя считать добродетелью, имеющей абсолютную и первостепенную ценность. Даже П. Николсон, который определяет толерантность как невмешательство силой в мнения или действия другого, ниже оговаривается, что «...практической проблемой здесь является способность отличать выражение мнений, к которому всегда следует относиться толерантно, от действия на основе этих мнений, которое вовсе не всегда нужно терпеть», а также «Толерантность допускает ограничение, когда это необходимо для защиты тех моральных ценностей, которые ее оправдывают» [78].

Однако мало кто дает какой-либо практический и работающий критерий различения допустимого и недопустимого. Можно, вслед за, например, К. Поппером, говорить о «нетерпимости к нетерпимости» или вслед за К.П. Гречко о том, что «...можно согласиться с миллевским принципом вреда, гласящим: «Единственное оправдание вмешательства в свободу действий любого человека – самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесен другим» [33], но понятие «вред» – слишком расплывчатое, и зависит от исходной системы ценностей, в которой этот предполагаемый вред рассматривается.

А все это к тому же накладывается на сложившуюся в современном мире и в современной философии ситуацию, которую, например, А. Макинтайр описывает следующим образом: «...люди сейчас говорят, думают и действуют так, как будто эмотивизм был верен, независимо от того, какие теоретически взгляды проповедают», эмотивизм же философ определяет как доктрину, согласно которой «...все оценочные суждения и более точно, все моральные суждения, есть ни что иное, как выражение предпочтения, выражения установки или чувства, если они носят моральный или оценочный характер», то есть «...в нашем обществе нет способов установления предпочтений среди моральных требований, моральные аргументы сами по себе кажутся неразрешимыми» [65]. В итоге оказывается, что вследствие этого в современном мире почти невозможно каким-либо способом, кроме произвола, определить «иерархию» ценностей, а значит, и решить вопрос о допустимости толерантного отношения к тому или иному явлению. Все согласны с тем, что к каким-то явлениям нельзя относиться толерантно, однако у всех оказываются разные списки этого «не подлежащего толерантности», и как-то соотнести эти списки, выяснив и решив, что в них нужно оставить, а что из них исключить, не представляется возможным, потому что аргументы разных сторон оказываются несравнимыми, потому что отсутствует основание, по которому можно было бы сравнивать, ведь, соглашаясь с А. Макинтайром, все так или иначе, осознанно или бессознательно считают, что моральные суждения основываются на чувствах и предпочтениях, а «о вкусах не спорят», ибо бессмысленно.

Попыткой преодолеть эту сложность служит идея о том, что для реализации толерантного отношения, необходимо сместить акценты, переместив фокус рассмотрения с действия или мнения, которое должно стать (или не стать) объектом толерантности, на человека, являющегося носителем этого действия или мнения. В итоге, к этому аргументу – аргументу о личности, о человеке – так

или иначе сводится весьма большая часть концепций толерантности, явно или неявно. Вот одно из описаний этого подхода: «...субъект толерантности временно «забывает» о своей несогласии, вернее, «переключает» свое внимание с оскорбительного для его морального чувства различия на личность ее носителя, в котором он видит представителя человеческого рода, то есть индивида, участника общей человеческой природе. Эта природа, в свою очередь, определяется нормативно: не как некоторая общая сущность, но как права, одинаковые для всех членов человеческого рода». И здесь идея толерантности приходит к одному из своих самых устойчивых оснований – к концепции прав человека. Каждый человек обладает набором прав, которые никто не должен нарушать. В числе этих прав – и право на свободу, в том числе и свободу совести, свободу выбора убеждений и жизни в соответствии с ними, при этом «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека». Как пишет М.Б. Хомяков, «история показала, что дискурс прав человека и индивидуальной автономии является самым стабильным, твердым основанием толерантности» [129].

Однако и тут тоже возникают достаточно серьезные сложности. Считается, что классическая концепция прав человека, на которой строится современное их понимание, сформировалась в XVII-XVIII вв. В числе тех, кто внес наибольший в нее вклад, называют, например, Дж. Локка. Он выделил три основные природные права личности (на жизнь, свободу и собственность), непреложность которых связана с тем, что они даны Богом [42]. Однако такое обоснование вряд ли будет столь же влиятельным в современном секуляризованном и изрядно утратившем веру, «децентрированном» постмодернистском мире. Поэтому концепция прав человека, религиозные основания которой сейчас не озвучиваются, и повисает в воздухе.

Кроме того, западную концепцию прав человека критикуют представители исламских культур: «...Исламская доктрина не признает врожденных прав человека, которые бы являлись атрибутом человека как представителя вида *homo sapiens* – все права принадлежат Аллаху, который дарует их людям... женщины и немусульмане неравны в правах с мужчинами-мусульманами, т.е. не могут пользоваться гражданскими правами в том же объеме» [141].

Но даже и в европейском общественном сознании вопрос о правах человека и их природе остается дискуссионным. Среди других претензий к философским основаниям концепции прав человека, помимо ее «религиозного корня», также идут «...присущие ей натурализм, гипертрофированный рационализм, отсутствие идеи развития, правовой дуализм и др.» [140].

То есть в современном западном мире действуют «так, как будто» концепция прав человека имеет прочное философское обоснование, однако это не так, в ее основаниях очень много спорного. И все эти проблемы концепции прав человека рикошетом бьют и по концепции толерантности, выбивая из-под нее почву. Либеральная концепция толерантности на данный момент находится в глубоком кризисе. Большая часть попыток ее обоснования буквально рассыпается, несмотря на все оговорки, уточнения и попытки введения дополнительных аргументов *ad hoc*.

Поэтому многие приходят к мысли о том, что единое обоснование для нее и невозможно. Например, М.Б. Хомяков, который утверждает, что «...обновленное понимание толерантности должно отказаться от поисков одной истинной во всех контекстах абстрактной модели и, вместе с ним, от попытки создания любого строгого формально-логического определения толерантности в «сильном» значении [130]. Плюрализм парадигм толерантности означает на деле множественность отношений, обозначаемых этим термином. Более того, эти отношения не могут быть сведены к некоему формально общему понятию и представляют собой некоторый контекстуально (то есть культурно) зависимый спектр отношений». Наиболее крайней здесь становится точка зрения, согласно которой толерантность вообще является злом сама по себе (например, П.Дж. Бьюкенен оценивает толерантность как позицию слабости, утраты жизненной энергии, отказа от истины и борьбы за нее, или Н. Гараджа, который указывает, что толерантность – это суррогат христианской любви и позиция, требование, несовместимое с существованием русской цивилизации) [26].

Таким образом, концепция толерантности находится в сложной ситуации, когда назрел либо отказ от нее как таковой (это связано со сложностями философского обоснования идеи и с ее изначальной внутренней противоречивостью, или – при другой трактовке – с ее «избыточностью», с тем, что «толерантностью» обозначают явления, для которых существуют другие «достаточные» понятия), либо существенное изменение самого понимания толерантности.

Философские аспекты толерантности исследуются многими авторами, однако, в религиозоведческой справочной литературе, хотя религиоведение и относится у нас сегодня к философским наукам, этот термин, возникший в Европе именно в связи с религиозным контекстом, либо вообще не используется, либо заменяется термином «веротерпимость», либо определяется через последний, в связи с чем представляется необходимым обратиться к проблематике дискуссии Ю. Хабермаса с кардиналом Йозефом Ратцингером, нынешним Папой Римским Бенедиктом XVI, где Хабермас утверждал, что сейчас необходим переход к «постсекулярному» обществу, основой которого станет новый тип коммуникации, «двусторонний процесс обучения», в котором секулярное общество сможет «обогатиться» религиозными понятиями для укрепления мотивации, а Ратцингер в ответ на это отмечал, что в современных условиях невозможно создать некую универсальную модель взглядов, которая обусловила бы развитие всего мирового сообщества, что более реалистичным является признание «культурной полифонии» [123].

Другой известный полемист с Ю. Хабермасом и современный социальный философ Н. Луман, в котором признают «крупнейшего социолога и правоведа современности», причем «социологов такого масштаба после второй мировой войны было совсем немного, и ничто не предвещает появления в ближайшем будущем фигуры даже не равновеликой, а хотя бы только сопоставимой с ним по дарованию и продуктивности». Он утверждал, что «людей невозможно распределить по функциональным системам так, чтобы каждый из них принадлежал только к одной системе, т.е. участвовал бы только в праве, но не в экономике, только в политике, но не в воспитательной системе». Основные дифференциации

лежат уже не столько между мной и Другими, но внутри самой личности, толерантность становится внутренним выбором, к примеру, между собой-отцом, собой-сыном, собой-воспитателем, собой-мыслителем, собой-правоведом или собой-верующим [61]. Иначе говоря, члены любой религиозной общины не могут быть отделены от государства, так как они являются не только членами такой функциональной социальной подсистемы как религия, но и всех других подсистем государства и, более того, всего мирового сообщества, с его СМИ, светской наукой, экономикой, Конституциями и нормами международного права.

Луман полагал, что «функциональные системы представляют собой самозамещающиеся упорядоченности. При этом каждая система предполагает, что другие функции выполняются где-либо еще. Поэтому не существует и возможностей какого-то взаимного управления, ведь это до определенной степени подразумевало бы передачу функций. То, что Шиллер констатирует для отношений политики с искусством или наукой, прототипически годится для всех внутрисистемных связей: «Политический законодатель может отгородить эту область, но господствовать в ней он не в силах». В отношениях функциональных систем друг к другу может присутствовать деструкция – в той мере, в какой они зависят друг от друга, – но не инструкция» [143].

Ю.А. Антоновский полагает, что «дискурс-дифференцированное общество получило иммунитет к конфликтам именно потому, что коллапс в одной сфере – скажем, в религиозном общении (межрелигиозные конфликты) или в искусстве (отказ от прекрасного как критерия произведения искусства и, соответственно, базиса эстетического общения и объекта для эстетических текстов) – уже не приводит к коллапсу во всех остальных сферах социального общения, как это было характерно для традиционных недифференцированных обществ, где отождествлялось все преступное-безобразное-ложное-бедное-нелюбимое-нездоровоебезбожное». Таким образом, «участники языковой коммуникации (личности) вынуждены участвовать в нескольких подсистемах общения», при этом «само это разобщение является мощнейшим фактором социальной интеграции, поскольку локализует и использует конфликты на уровне социальных систем, не позволяя им определять социальную динамику общества в целом» [9, с.314-317].

Религиоведение привносит в анализ проблем толерантности специфический ракурс, позволяющий выявить связи «религиозности» с проблемами формирования той или иной конфессиональной идентичности, которую государство готово принять в качестве «легитимной» и «легальной», достойной и допустимой в обществе. Сегодня мы наблюдаем очевидную конфронтацию и борьбу за доминирование различных идентификационных риторических проектов, стремящихся разделить граждан одного государства на национальные, религиозные, социально-экономические и т.п. категории тех или иных «воображаемых сообществ», нередко ведущих к росту социальной напряженности, конфликтам и, нередко, агрессивным актам в отношении «Других» сограждан.

Хорошо известно, что исторически «христианская интолерантность» сменила языческую терпимость к инаковерующим, которую, в свою очередь, сменили локковская «толерантность», открытая «личная религия» И.-В. Гете, «фе-

номенология духа» Г. Гегеля, подчеркивавшего важность в «ином» увидеть «свое», в низшем – высшее, в «псевдорелигии» – истинную религию, феноменологическое «*erone*», подводящее серьезное основание под диалог науки и теологии [27, с.29-34], антропологическое «*троеверие*» (магия-религия-наука) Б. Малиновского [68], и саму культурную ситуацию «Постмодернизма», предполагающего «признание многомерного образа реальности и множества типов равносущностных отношений, а также неустранимой множественности описаний и «точек зрения», отношения дополнительности и взаимодействия между ними», которой созвучны мысли митрополита Антония (Сурожского), который писал, что «иноверный, инославный, язычник по нашим понятиям, неверующий – если он всем сердцем и умом живет согласно своей вере и верит в то, что говорит, может сказать слово правды, и мы можем научиться чему-нибудь» [73, с.69-72], т.п., многообразие которых корректно с научной точки зрения, как представляется, позволяет описать концепция дифференциация «аутопоетических систем» Н. Лумана, где конфессиональная и национальная идентичность выступают как исторические символические системы, конструируемые элитами [61].

В таком теоретико-религиоведческом контексте толерантность выступает как идеал самооткрытости и ожидания открытости от Других к вечным тайнам бытия, положению человека в мире, т.е. гармоничного единения как созерцательности, всматривания в мир, «мировизирания» и, одновременно, как деятельной компетентности, обладания культурным багажом, знаниями магии-религии-науки постсекуляризма, т.е как признание каждого из нас, Себя и Другого, Своими, родственными «детьми в мироздании», своего рода «скоморохами Божиими» (Франциск Ассизский).

Понятие толерантности есть характеристика отношения между двумя или более субъектами общения. Толерантность и есть мера терпимости, присущая определенному ряду социальных отношений. Поэтому, предпочитая в России говорить по-русски, можно и нужно использовать слово «терпимость». Очевидно, что если речь идет о культуре, то имеется в виду присущие данной культуре образцы или стандарты общения, свойством которых и может являться упомянутая толерантность или терпимость. Иными словами она есть модус общения. Само требование терпимости, предъявляемое к общению, выступает как его необходимое условие в том случае, когда нарушены устоявшиеся стандарты или нормы. Это не есть некое абсолютное требование, напротив, оно всегда ситуативно и относительно. С одной стороны, это требование лишено смысла, когда речь идет о высших ценностях (например, ценности человеческой жизни) и смыслах (например, об истине). Терпимость по отношению к нарушению норм, охраняющих эти высшие смыслы и ценности, сама будет преступлением, реальным или символическим. Когда, например, выдвигаются требования религиозной терпимости, то при этом вопрос об истинности религиозных догм выносится за скобки.

С другой стороны, на другом конце оси, по отношению к нормам, регулирующим на социальном уровне малозначительные или неразличимые действия, она тоже лишается смысла. Требовать от человека терпимости относи-

тельно кулинарных предпочтений других людей бессмысленно, потому что, как правило, это не имеет в виду в процессе общения (конечно, если речь не идет о семейном круге, где эти предпочтения приобретают заметную важность). Иными словами, эта модальность общения есть не раз навсегда установленный «коэффициент», а, скорее, шкала, континуум, на одном краю которого неразличимость, а на другом – угроза жизненно важным нормам. Поскольку эта модальность имеет смысл только в случае потенциального конфликта, а в конфликте могут участвовать не две стороны, а гораздо более (он может затрагивать интересы многих), то и терпимость приобретает определенную многомерность: реализованная по отношению к одной из сторон, она может обернуться своей противоположностью к другим заинтересованным сторонам.

Надо сказать, что эта проблема приобрела значение именно в наше время в связи с теми трудностями, с которыми сталкиваются современные общества в процессе глобализации. Требование терпимости – это есть первый и, пожалуй, поверхностный ответ на «расширенное воспроизводство конфликта» (в параллель с идеей «управляемого хаоса») в жизненно важных сферах общения, точнее, невозможности общения. Имеются в виду этнические, межнациональные, религиозные, групповые (например, связанные с усиливающимися процессами миграции) и политические конфликты, которые стали не только постоянными, но и кровопролитными, очень опасными с точки зрения угрозы для существования человечества.

Очевидно, что исторически в разных культурах складывался также и различный стиль, режим общения, который выражается не только в повседневных обычаях, но и в самих социальных институтах, которые есть не что иное, как кристаллизованные стандарты общения.

Его участники, исполняя более или менее стандартные роли, действуют в русле, обозначенном определенным набором норм, фиксированных в кодексах (устных или письменных). В так называемых восточных обществах до вступления их в «западный мир» общение не требовало специального модуса «терпимости», поскольку оно в значительной степени было ритуализировано.

В ситуации общения мера терпимости характеризует стиль отношения между конкретными субъектами общения – личностями, группами, институтами, странами, то есть это характеристика вполне определенных стандартов социальных отношений. Масштаб приложения стандарта различен – от межличностного общения до глобального, именно его перенос с одного уровня на другой, из одной ситуации в другую, ему чуждую, вызывает конфликт. Вступают в конфликт – через посредство конкретных индивидов – абстрактные стандарты культуры.

Изменения стандартов происходят в своем ритме, не совпадающем с ритмами изменений ситуаций общения. В современном мире межкультурное взаимодействие обнаруживает стремление к согласованию как стандартов общения, присущих разным культурам, так и приведение многообразия ритмов к определенному различимому порядку. Сам факт, что о толерантности (терпимости) говорится столь много и часто, свидетельствует о такой заботе. С другой стороны, очевидно, что само это требование политически ориентировано, служит

вполне определенным интересам. Поэтому необходимо понять: 1) кто выступает в ситуации общения в качестве его субъектов; 2) на каком уровне (в каком масштабе) в этой ситуации общение регулируется культурным стандартом; 3) каким образом взаимодействуют разные стандарты; 4) есть ли какая-нибудь теоретическая возможность определить общий порядок такого взаимодействия, т.е. определить меру, нарушение которой разрушает возможность общения. Этот общий порядок и был бы правилом и оптимальной мерой терпимости.

Терпимость, выступая как ценность, есть структура сознания; при этом она есть ценность, нормативный аспект которой преобладает над самой положительной оценкой, т.е. это понятие существует преимущественно в модальности должного. Независимо от того, каковы истоки долженствования в данном случае, чем обеспечивается признание его в качестве ценности (например, определенным комплексом представлений и догматов какой-нибудь религии), в сознании эта ценность существует по тем принципам, по которым работает вообще сознание. Различие между индивидуальным сознанием и тем, что называют общественным сознанием (культурой), не столь существенно в этом случае. Требования терпимости практически всегда обращены к личности, это от нее требуется быть терпимой, но по отношению к чему? Субъектом в таком случае является отдельный человек, его «я», центр его сознания. Это у него надо создать такое качество, которое позволяет внешней для него среде действовать на этого субъекта вне зависимости от непосредственных, его собственных (осознаваемых в той или иной степени) интересов, что делает личность «открытой».

Открытость при этом положительно признается ценностью; однако, она же есть незащищенность. В среде, если это среда ситуации общения, присутствуют не только объекты, но и другие субъекты. Как утверждал Ж.П. Сартр, «Ад – это Другой». Таким образом, терпимость есть для самого субъекта мера незащищенности, для другого (субъекта-среды) она предоставляет дополнительные возможности действия в их общей среде. Иными словами, субъект, к которому предъявляются ожидания терпимости, должен перестать быть субъектом действия, он может оставаться созерцателем, наблюдателем, свидетелем, субъектом теоретического, абстрактного общения, ведь действует субъект именно тогда, когда его среда перестает быть терпимой, становится опасной.

Различение и отождествление «я» и «другого» (в личном аспекте или определенном в культурном стандарте, я говорю «отождествление», а не «идентичность»), потому что в русском слове «тождество», в самом его строении читается смысл то-же-самое, слово самим себя объясняет), очевидно, есть действие сознания. В реальности никакого тождества не существует, все ото всего различается (хотя бы по месту и времени, а, стало быть, и по всему остальному). Тождество можно было бы себе представить, если бы не было разотождествляющего времени (в вечности все самотождественно, это место тождественного). Суть времени не в том, что оно линия (стрела), даже не в том, как считали древние, что оно некая субтильная среда, а в его разотождествляющей непреклонной силе. В вечности либо вообще ничего нет, либо одно лишь пространство, что представить себе трудно. Но и не самотождественную реальность то-

же трудно представить. Сознание именно этим и занимается, оформляя ее в «картину», «структуру», «понятие», т.е. схватывая ее через посредство формы.

Миф – самая глубокая ступень познания (в отличие от современной науки, самой поверхностной); по самому способу представление знаний в нем всегда есть соединение многих форм, на поверхности разрозненных; миф – это статичное изображение превращения форм.

Подвижность форм, ощущение их текучести отменяет любое требование терпимости, оно здесь просто не нужно, ничто не тождественно, все течет. Всякий конфликт сам разрешается в потоке изменчивых форм. Разумеется, речь идет об архаичном, изначальном мифе, не интерпретированном. Миф дает вселенский масштаб отношений, в том числе и социальных. Отождествление происходит через жесткую, зафиксированную форму (стандарт). Это уже не мифологическое в собственном смысле слова (слово «миф» происходит от корня, означающего молчание) сознание, а религиозное. Для религии важна выраженная в тексте догма, стандарт понимания. Здесь нетерпимость к «другому» становится неизбежной. Проблема терпимости возникла именно тогда, когда пришлось осознать множественность религий и верований, столкнулись жесткие стандарты, а процесс глобализации довел необходимость такого осознания и поиска способа сосуществования разных культурных стандартов (в том числе и религиозных) до предела. Однако невозможно найти решения этой проблемы на уровне одного лишь желания мирного сосуществования. Ключ к решению нельзя найти там, где его нет. Он не в психологии, и не в этике, не в самих стандартах культуры. Он в понимании метафизической составляющей всех процессов, которые связаны с нашей проблемой. Форма («намарупа» в индуизме, имена-формы) лицевой стороной повернута к проявленному миру, а своей изнанкой – к не проявленному, к непроявленным бесконечным возможностям нас же самих, как существ, населяющих не только мир физический, но и метафизический. Форма существует как индивидуальное ограничение. Поэтому отождествления себя через форму служит «опространствлению» (отпечатывания в пространственной форме) нашего бесконечного существа, каким является каждый человек; время, размывающее лицевую сторону формы, сдвигает центр нашего тотального существа в сторону трансцендентного, в метафизическую его составляющую. Если человек отождествлен с какой-то формой, то он тем самым вырван из бесконечной возможности, пригвожден к пространству. Поэтому требование «идентичности» есть прямой тормоз, препятствие для духовного продвижения по ступеням посвящения (а с метафизической точки зрения таково предназначение человека).

Интересно, что Платон изгонял поэтов и актеров из идеального государства именно на том основании, что они теряют свою самотождественность (принимают на себя роли «другого»), а для неизменного состояния – идеального – необходимо прикрепление к одной и той же роли (форме). Если человек прикреплен к месту и форме, то он идеально управляем, не расшатывает жесткие социальные структуры.

Понятно, что это принципиально есть утопия. Хотя Платон, конечно, был посвященным, но его мысль, направленная на устройство социума, была традиционной лишь по внешней форме. Действительно, абсолютная определенность, «таковость» («человек таков, каков он есть») есть только в мире жестких форм, определить человека через приписывание его к какой-то форме есть то же самое, что исчислить, пересчитать, придать ему число, «номер» (кстати, согласно христианским представлениям, у адских духов нет имен, а только номера; у Марка Твена есть даже небольшой роман, скорее, повесть под названием «44-ый», и даже в двух вариантах). В традиционном обществе к пересчитыванию (фиксации в числовом ряду) относились с большой опаской. Форма-номер схватывает, защемляет человека, он замер в форме, окаменел, как Дон Жуан от пожатия «каменной десницы». Это возможно только в идеальной (виртуальной) реальности, которую и контролируют стандарты культуры.

Общение людей происходит не в их бесконечной неопределенности, а в сознании, через взаимодействие центров сознания, т.е. «я», это весьма ограниченное взаимодействие. Сознание же это есть мир тождеств, форм в их движении, мелькании, это материя времени. Все наши познавательные усилия сводимы к установлению в этом движении и мелькании порядка, постоянно нарушаемого и неустойчивого, поскольку этот порядок виртуальный, а не реальный, неведомый, вселенский. Он же, на самом деле, был целью идеального государства Платона. В нем конфликт устраняется за счет того, что порядок устанавливается навечно, что, понятно, невозможно. Конфликт в действительности можно ослабить только посредством разотождествления.

По-ступенно, т.е. от ступени к ступени, «я» разотождествляется со своим внешним обликом (в зеркале – не ты!), затем растворяется отождествление с физическим телом, возрастом, полом, именем, социальным положением, религией, убеждениями, затем – что довольно трудно, – прекращается отождествление со своей судьбой, прожитой жизнью, и, наконец, исчезает и само чувство «я». Люди, достигшие этого, не доступны ни для какого конфликта, они существуют в ином состоянии, нежели наше обычное состояние «дневного» сознания. Чем больше отождествлений (если в терминах буддизма, – привязанностей), чем они плотнее, тем теснее мир, опаснее конфликты, тем больше потребность в терпении, претерпевании среды с ее обстоятельствами и «другими» (ведь только в таком состоянии и есть другие, в состоянии посвящения других нет, все суть тоже ты, только на разных ступенях посвящения).

В обычном общении, которое насквозь пропитано долженствованием (нормами и ценностями), т.е. всегда принудительно, вступая в конфликт, невозможно избавиться от противостоящей стороны, от «другого». Обычный способ освобождения от другого это достижение власти над ним, установление отношений господства-подчинения (диалектика отношений «господин-раб» как основа развития сознания прекрасно представлена Гегелем в «Феноменологии духа»). Но такое избавление от конфликта (противоречия) порождает еще более сложный конфликт, и так до бесконечности. Даже предельное проявление власти, т.е. убийство «другого», не избавляет от его присутствия! Напротив, тогда

он навеки «прилипает» к своему убийце. Именно в этом суть заповеди «не убий!», не потому что это безнравственно, а потому, что путь к собственному освобождению лежит в обратную от убийства и от конфликта сторону. Одно убийство тенет за собой геометрическую их прогрессию. Возможно, что Гегель был прав, говоря, что развитие мира и сознания идет через противоречие, но путь освобождения лежит через разотождествление [27]. Но, как всегда, с метафизического уровня весьма трудно перейти на конкретный, повседневный, где действует правило «око за око, зуб за зуб».

Тактика управляемого хаоса, проводимая мировым «центром власти», возможна и реализуема тогда, когда по отношению к этому центру все становится «средой», в которой нет самодостаточных и самодействующих субъектов. Для этой тактики требование терпимости, абстрактно выраженное (т.е. такое, которое можно применить произвольно, смотря по обстоятельствам, к чему угодно), есть элементарное условие управления этим самым хаосом, создаваемым, разумеется, вполне организованным способом. События в политике и экономике, в культуре, интеллектуальной жизни ясно показывают вектор этих усилий – субъект власти и управления в глобальном мире может быть только один, все прежние более или менее самостоятельные субъекты должны через возвращение терпимости перестать быть действующими самостоятельно, превратиться в управляемую «среду», «экологичную» для властного субъекта. Эта конструкция воспроизводится в больших и малых масштабах, ее краткая формула: центр и окраина, точка и окрестности точки. «Окрестности», «окраина» – бессубъектны, о них можно говорить как об экологии для центра, точки-субъекта. Требование терпимости (толерантности) также становятся абсурдными, ведь «среда» должна по определению все терпеть, она бессловесна.

Непреходящая актуальность проблемы рационального обоснования феномена социальной справедливости, вызванная как различием представлений о предмете, так и многообразием аспектов проявления, вызывает необходимость осмысления и эпистемологического уточнения содержания самого понятия «социальная справедливость». Что в свою очередь обретает особую актуальность для позитивного разрешения проблемы утверждения демократического социально ориентированного государства в нашей стране. Попытаемся приблизиться к пониманию феномена через очевидную взаимосвязь социальной справедливости и толерантности.

Толерантность (лат. «терпимость») – качество, характеризующее отношение к другому как к равнодостоящей личности, предполагает настроенность на понимание и диалог, уважение права на отличие, плюрализм мнений. Социальную справедливость в самом широком смысле можно определить как общую нравственную санкцию, норму совместной жизни людей, рассматриваемую через призму различия желаний, интересов, обязанностей субъектов социальных отношений. Как уравновесить разновекторные интересы в обществе? Справедливо распределить ограниченные ресурсы? На первый взгляд, ответ очевиден – только будучи толерантным к другим, т.е. справедливым относительно своих ожиданий, отношений, последствий по-

ступков. Справедливые общественные отношения не представляются возможными без толерантных отношений в обществе [111, 112].

Исторически первым является метафизическое понимание справедливости. В античном варианте как соответствие всего сущего космическому порядку и гармонии, в средневековом – соответствие божественному закону. Аристотель, чьё учение о справедливости сохраняет своё значение до настоящего времени, различал справедливое двух родов: общая справедливость (как «совершенная добродетель» следуя высшему закону) и частная (как принцип поведения, где «...быть равным по отношению к другому справедливо...»). Частная справедливость Аристотеля, на наш взгляд, не что иное, как толерантное отношение к другому во всех сферах общественной жизни. Вторым выступает социально-правовое понимание справедливости в период Нового времени и эпоху Просвещения, когда идеал социальной справедливости основывался на естественном праве и договорном происхождении государства, что можно проследить в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта.

Новое время стало важнейшей вехой и для утверждения толерантности в ряду базовых социальных ценностей: сначала в форме веротерпимости, позднее – с позиций политического утилитаризма (как средство от социальной нестабильности) и, наконец, провозгласив ценность свободы слова и совести, узаконило саму вероятность иметь своё мнение, иную веру. Своеобразным идеалом стал категорический императив И. Канта: «Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом». Что в свою очередь отражает присутствие идеи толерантности при поисках идеала социальной справедливости в Новое время. Третья форма понимания социальной справедливости – нравственно-психологическая затрагивает нравственные и внутренние механизмы, формирующие чувство справедливости, выступающая у отдельных исследователей как честность (Дж. Роулз) или внутреннее правило, регулирующее поведение человека. Дж. Роулз выделил принципы справедливости: 1) принцип равной свободы, по которому каждый индивид должен обладать равным правом в отношении общей системы равных основных свобод, соотносимым со свободой всех; 2) принцип различия, в соответствии с которым социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы могли служить благу наименее преуспевающей части общества и одновременно относиться к позициям и должностям, открытым для всех при условии честного равенства возможностей. По М. Хаузеру, человек обладает врождённым «инстинктом нравственности», который естественным путём формируется у каждого ребёнка и основывается на неосознаваемых алгоритмах поведения. Отчасти эти способности сформировались под воздействием естественного отбора, иные были усовершенствованы в процессе антропогенеза и являются уникальными, присущими только человеку и его морали [2, 6].

Содержание понятия толерантность также может варьироваться в зависимости от контекста. С точки зрения этики концепция толерантности исходит из гуманизма, делая акцент на непреходящей ценности достоинств человека, в том числе отличий, поддерживающих богатство индивидуальных вариаций

единого человеческого вида. Если разнообразие людей, культур и народов выступает, как об этом писали ещё гуманисты итальянского Возрождения, как ценность и достоинство культуры, то толерантность, представляющая собой норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и готовность к принятию иных логик и взглядов, выступает как условие сохранения разнообразия, своего рода исторического права на непохожесть, инаковость.

В политическом плане толерантность интерпретируется как готовность власти допускать инакомыслие в обществе и даже в своих рядах, разрешать в рамках конституции деятельность оппозиции, способность достойно признать своё поражение в политической борьбе, принимать политический плюрализм как проявление разнообразия в государстве. Либеральная ценность толерантности не была постоянной, глубоко укоренившейся традицией российского общества. Спонтанно вырабатываемая в человеческом общении с целью самосохранения и выживания, она не часто превращалась в декларируемую и реализуемую через правовое общество норму. Традиции вечевой демократии, имевшие место в культуре народов России, не равнозначны повседневной либеральной нормативной культуре, поддерживаемой конституционным правом, становящимся основой мировоззрения масс. Такое общество предстоит ещё построить. Психологический смысл толерантности: приобретённая устойчивость, этническая устойчивость, предел устойчивости (выносливости) человека, устойчивость к конфликту, устойчивость к поведенческим отклонениям. Отдельно выделим межкультурную форму толерантности, приобретающую всё большую актуальность в современном мире, и особенно в странах с культурным, религиозным многообразием населяющих их народов, как наша страна.

Проблема социальной справедливости в условиях современного глобального мира рассматривается в последнее время на различного уровня научных форумах. С одной стороны, это происходит в результате переосмысления классических проблем морали, этических, эстетических норм и принципов. С другой стороны, проблема справедливости ставит проблемы, касающиеся процессов глобализации – новых и ещё недостаточно изученных в рамках науки и философии [2, с.28-30].

В современном мире проблема справедливости стала актуальной в контексте межкультурных отношений и взаимодействий, в рамках которых важнейшей ценностью в настоящее время выступает толерантность. Именно поэтому в современном мире складывается новая межкультурная форма понимания справедливости. Толерантность называют единственной добродетелью современного общества, но при этом смысл толерантности меняется и она становится образом жизни. Толерантность проявляется в умении понять позицию других, соотнести между собой не совсем совпадающие интересы, при этом пойти на уступки и компромиссы. Справедливость как толерантность в межкультурном понимании предполагает не только умение соотносить должное и сущее, но и способность соотносить между собой миры должного, сформированные различными культурными традициями. Таким образом, справедливость можно рассматривать как толерантность в рамках межкультурной формы её

понимания, а следование толерантности как следование справедливым – общепризнанным, общечеловеческим – принципам и правилам.

§ 2. Проблемы толерантности в современной межкультурной коммуникации: формы противодействия ксенофобии и экстремизму

Актуальность проблемы толерантности в современной межкультурной коммуникации обусловлена тем, что необходимым условием существования народов в современном мире является интеграция при признании суверенности и ценности каждого народа и его культуры.

Это означает, что взаимодействие народов и культур должно развиваться на основе такого принципа, который выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласованности, не прибегая к насилию, подавлению человеческого достоинства, а путем диалога и сотрудничества.

В настоящее время во взаимодействии народов и культур очевидно доминирование локальных интересов над общими. Иными словами подавляющая часть этнических групп отстаивает местные интересы, которые признаются приоритетными по отношению ко всем другим. В этой ситуации крайняя терпимость по отношению к членам своей группы сочетается с нетерпимостью ко всем остальным. При этом слабо осознается то, что поведение представителей других культур определяется иными ценностями и нормами. Оценивая чужую культуру по привычным стандартам и критериям своей собственной культуры, человек тем самым становится на позиции культурного центризма, суть которого заключается в убеждении, что чужая культура непременно хуже, чем собственная. Естественно, что такая точка зрения препятствует межкультурной коммуникации, ведет к возникновению конфликтов.

Один из путей постижения смыслов и границ толерантности – анализ ее противоположности – интолерантности или нетерпимости. Нетерпимость основывается на убеждении, что твое окружение, твоя система взглядов, твой образ жизни стоят выше остальных. Часто это не просто отсутствие чувства солидарности, это неприятие другого за то, что он выглядит, думает, поступает иначе, иногда просто за то, что он существует. Это некий индивидуальный или коллективный «комплекс превосходства», который, начинаясь с неприятия, отторжения и принижения иных форм образа жизни, может привести к различным проявлениям реализации этого комплекса, в том числе и к геноциду.

Нетерпимость определяет предпочтение подавления, а не убеждения. Это путь к господству и уничтожению, отказу в праве на существование тому, кто придерживается иных взглядов. Нетерпимости ненавистны любые инновации, так как они отвергают или изменяют старые модели. Ее результаты могут проявляться в широком диапазоне – от обычной невежливости и раздражения до этнических чисток и геноцида, умышленного уничтожения людей [6].

Проявления толерантности/интолерантности могут распространяться на различные аспекты жизни общества. Так принцип толерантности лежит в основании самого понимания целостности такого многообразного, многофункционального, всеохватного явления, как культура. Эта объективная историческая данность множественности форм выражения культуры, ее течений, направле-

ний обуславливает и сосуществование, сопричастие различных субъектов культурных традиций, которые далеко не всегда находятся в согласии и взаимопонимании. Толерантность в этих случаях предполагает поиски компромиссов, взаимной уступчивости во имя сохранения целого как высшего императива устойчивого функционирования культуры [11, с.205].

Другая сторона данной проблемы – динамика культурного процесса. Обращаясь здесь к сфере духовного производства, важно иметь в виду его творческое начало – то, что принято называть воплощением «человеческих сущностных сил», лежащих в основе развития науки, искусства, литературы и других отраслей культуры, других общественных и индивидуальных новаций. Само движение к новому, вырастая из старого, уже достигнутого, преобразуясь, тем самым становится иным, переходит в иное качество. Неизбежный конфликт между новым и старым по законам развития должен быть преодолен – преодолен так или иначе: либо в позитивном плане (созидательно), в русле толерантности (согласия), либо в негативном (разрушительной форме), в русле интолерантности, нетерпимости, враждебного противоборства, что оборачивается культурными потерями [15].

Наглядным практическим примером масштабного опыта международного взаимодействия культурных инициатив многих государств в целях их сближения в разных областях жизни может служить деятельность ЮНЕСКО (Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры), созданной еще в 1946 г. и тесно связанной с Организацией Объединенных Наций (ООН). Деятельность ЮНЕСКО исходит из принципа толерантного подхода ко всем участникам культурных проектов, которые охватывают широкий круг вопросов: ликвидация неграмотности и борьба с дискриминацией в области образования; воспитание молодежи в духе мира и международного взаимопонимания; содействие в подготовке национальных кадров интеллигенции; изучение национальных культур. В 60-х – начале 70-х гг. XX в. ЮНЕСКО по инициативе СССР, развивающихся и некоторых других стран приняла ряд решений, направленных на активизацию ее роли в борьбе за мир, против расизма и колониализма [11, с.212].

Так, реализация культурных проектов толерантно воздействовала на область политики. При всех трудностях и неудачах опыт более чем полувековой деятельности ЮНЕСКО оказался положительным. Ориентиры толерантности были проверены и в известной мере реализованы. Правда, полное снятие противоречия в самом противоречивом мире в принципе невозможно, даже в сфере культуры, наиболее благоприятной для сотрудничества.

В межкультурной коммуникации неизбежно разделение представителей всех культур на «своих» и «чужих». Такое разделение может привести как к отношениям сотрудничества, так и к отношениям конкуренции. Дело в том, что с первых контактов с представителями других культур человек быстро убеждается, что они по-другому реагируют на те или иные явления окружающего мира, у них есть собственные системы ценностей и нормы поведения, которые существенно отличаются от принятых в его родной культуре. В подобного рода си-

туациях расхождения или несовпадения каких-либо явлений другой культуры с принятыми в «своей» культуре возникает понятие «чужой» [2, с.11].

Тот, кто сталкивался с чужой культурой, переживал много новых чувств и ощущений при взаимодействии с неизвестными и непонятными культурными явлениями. Когда в коммуникацию вступают представители разных культур, то представители каждой из них в восприятии чужой культуры придерживается позиции наивного реализма. Им кажется, что их стиль и образ жизни являются единственно возможными и правильными, что ценности, которыми они руководствуются в своей жизни, одинаково понятны и доступны всем другим людям. И только сталкиваясь с представителями других культур, обнаруживая, что привычные модели поведения непонятны для других, индивид начинает задумываться о причинах своих неудач [2].

В межкультурной коммуникации классической является ситуация, когда при общении представителей различных культур происходит столкновение культурно-специфических взглядов на мир, в котором каждый из партнеров первоначально не осознает значения различий в этих взглядах, поскольку каждый считает свои представления нормальными, а представления своего собеседника ненормальными. Как правило, обе стороны не ставят под сомнение «свое само собой разумеющееся», а занимают этноцентристскую позицию и приписывают другой стороне глупость, невежественность или злой умысел [4]. Образно говоря, при взаимодействии с представителем другой культурой индивид как бы отправляется в другую страну. При этом он выходит за границы привычной обстановки, из круга привычных понятий и отправляется в незнакомый, но манящий своей неизвестностью другой мир. Чужая страна, с одной стороны, незнакома и кажется опасной, а с другой – все новое привлекает, обещает новые знания и ощущения, расширяет кругозор и жизненный опыт.

Восприятие чужой культуры, как показывают наблюдения, существенно различается у всех людей. Оно зависит от возраста человека, поведенческих установок, жизненного опыта, имеющихся знаний. Специальные исследования вопроса восприятия чужой культуры позволили выделить шесть типов реакции на чужую культуру и поведение ее представителей.

Во-первых, это отрицание различий культур, представляющее собой тип восприятия, основанный на уверенности в том, что все люди в мире разделяют (или должны разделять) одни и те же убеждения, установки, нормы поведения, ценности. Это типичная культурноцентристская позиция, согласно которой все люди должны думать и поступать так же, как представители моей культуры.

Во-вторых, защита собственного культурного превосходства – тип восприятия, в основе которого лежит признание существования других культур, но при этом складывается устойчивое представление о том, что ценности и обычаи чужой культуры представляют угрозу привычному порядку вещей, мировоззренческим устоям, сложившемуся образу жизни. Этот тип восприятия реализуется в утверждении очевидного собственного культурного превосходства и пренебрежения к другим культурам.

В-третьих, минимизация культурных различий – широко распространенный способ восприятия других культур, который заключается в признании воз-

возможности существования инокультурных ценностей, норм, форм поведения и поиск общих объединяющих их черт. Такой способ восприятия чужой культуры был господствующим в нашей стране в советский период ее истории, когда различия национальных культур, религиозных и этнических групп искусственно камуфлировались стереотипными общественными символами.

В-четвертых, принятие существования культурных различий – тип межкультурного восприятия, характеризующийся знанием особенностей другой культуры, благожелательным к ней отношением, но не предполагающий активного усвоения ее ценностей и достижений.

В-пятых, адаптация к чужой культуре – тип восприятия, выражающийся в позитивном отношении к ней, усвоении ее норм и ценностей, умении жить и действовать по ее правилам при сохранении собственной культурной идентичности.

В-шестых, интеграция в чужую культуру – тип восприятия, при котором инокультурные нормы и ценности усваиваются в такой степени, когда они начинают восприниматься как свои собственные, родные.

Совокупность указанных типов восприятия чужой культуры позволяет сделать вывод, что положительное отношение к межкультурным различиям требует преодоления культурной замкнутости, которая чаще всего является основой для негативных реакций на инокультурные явления [9, с.34].

В межкультурной коммуникации неизбежны проявления интолерантности. На сегодняшний день наиболее существенными проявлениями негативного отношения к представителям «чужой» культуры являются ксенофобия и этнополитический экстремизм.

В противодействии ксенофобии и этнополитическому экстремизму решающую роль должны играть меры раннего предупреждения психологической агрессии. Это осознали многие демократические страны мира, особенно те, которые пережили ужасы массового вовлечения людей в экстремистские организации. Здесь приняты специальные законодательные акты, направленные на пресечение не только самих насильственных действий, но и идеологической подготовки к ним. В стране с развитой демократической культурой и устойчивой политической системой обращают внимание на любые, даже сравнительно слабые по российским меркам, проявления экстремизма на ранних этапах его эскалации. В принципе на это же направлены и меры противодействия ксенофобии и экстремизму, принимаемые в Российской Федерации. Попробуем проанализировать это на следующих примерах.

В Российской Федерации существует система взаимосвязанных правовых норм, наглядно отражающая отношение законодателя к проблеме нетерпимости. Выражается она, прежде всего в декларировании принципов защиты прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ и действующих в развитие этих принципов норм уголовного и административного права [10].

Существующая система выглядит следующим образом:

1. В развитие ст. 19 Конституции РФ, декларирующей равенство граждан независимо от конфессиональной, национальной, языковой или иной принад-

лежности, действует охранительная норма ст. 136 УК РФ (Нарушение равноправия граждан).

2. Наряду со ст. 28 Конституции РФ, провозглашающей свободу вероисповедания, действуют Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» и охранительные нормы ст. 193 КоАП РСФСР (Нарушение законодательства о свободе совести и вероисповедания) и ст. 148 УК РФ (Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания).

3. В развитие п. 2 ст. 29 Конституции РФ, запрещающей пропаганду национальной, религиозной, расовой и социальной вражды, действует ст. 282 УК РФ (Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды).

4. В развитие ст. I Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него от 19 декабря 1948 г. (ратифицирована Президиумом ВС СССР 18 марта 1954г.) действует ст. 357 УК РФ (Геноцид).

Однако следует учитывать, что конституционные гарантии прав и свобод, продекларированные в ст. 19, 29, могут быть ограничены в условиях введения чрезвычайного положения, что следует из расширительного толкования п. 3 ст. 56. Можно констатировать, что данный пункт противоречит международным правовым нормам, которые закрепляют недопустимость отступления в случае введения чрезвычайного положения от стандартов, запрещающих дискриминацию на основании расы, национальности, языка, религии (п. 1 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.) [10].

Таким образом, необходима разработка предложений по внесению изменений в конституционное и уголовное право РФ, с целью повышения эффективности прямого действия Конституции РФ и уголовного законодательства в области защиты прав человека и гражданина.

Несомненно, что соблюдение законодательно закрепленных прав человека является только одной из правовых проблем на пути движения к толерантному обществу и проведения антидиффамационной политики. Основная проблема состоит не в недостаточности контролирующих или запрещающих нарушение гуманитарных стандартов норм, а в отсутствии правового поля для достижения согласия.

В связи с этим, наряду с координированной национальной, социально-культурной, образовательной политикой, а также регулирующими мерами в сфере средств массовой информации, направленными на создание рефлексивного гражданского общества и снижение в нем уровня агрессивности, возможны следующие правовые меры:

1. Разработка обоснованной концепции дальнейшего развития федеративных отношений, направленной на создание реальных условий для активного участия субъектов в законотворческой деятельности на федеральном уровне, а также законодательное регулирование договорного процесса разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и субъектами РФ.

2. Законотворческое совершенствование понятийного аппарата на уровне уголовно-правовых норм с целью повышения эффективности раскрытия и

дальнейшего судебного расследования по фактам, предусмотренным уголовно наказуемым составом ст.ст. 136, 148, 282 УК РФ.

3. Разработка концепции механизма превентивного разрешения конфликтов на национальной почве и создание правовой базы для функционирования гражданских институтов (органов местного самоуправления, негосударственных организаций, СМИ и т.п.) в процессе общенационального примирения, в том числе при переговорном процессе в условиях происходящего конфликта.

4. Введение комплекса правовых норм, закрепляющих принципы и повседневною практику толерантности не только на уровне базовых государственных нормативных актов, но и на уровне специализированных законов в области социальной политики: образование, институт семьи и защита прав детей, защита прав беженцев и вынужденных переселенцев. Закрепление данных норм необходимо произвести не только на уровне федерального законодательства, но и на уровне подзаконных актов и законодательства субъектов федерации, где возможно детальное раскрытие и усовершенствование механизмов правоприменения. Данные меры позволят расширить границы реализации правовых норм относительно конкретных жизненных случаев, а также ввести в юридическую практику понятийный аппарат «толерантной политики» [10].

Конечная цель правовой политики, включающей в себя законодательную и правоприменительную составляющие, состоит в создании динамичного и рефлексивного «правового поля толерантности», то есть комплекса действующих в различных областях права норм, не только несущих на себе регулятивную и охранительную по отношению к изменяющимся общественным отношениям функцию, но и выполняющую пропагандистскую задачу по распространению идей и принципов толерантного поведения [14].

Можно согласиться с теми, кто полагает, что в нынешних российских условиях наибольшую роль в противодействии экстремизму должны играть меры просветительского характера. Похоже, это осознают и федеральные власти, которые утвердили федеральную программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе». Однако и эта программа не имеет шансов стать действенным инструментом противодействия экстремизму до тех пор, пока не будет общественной поддержки.

Весь мировой опыт доказывает, что с такими укоренившимися общественными «болезнями», как экстремизм, коррупция, наркомания и другими, нельзя бороться только «сверху», только усилиями власти. Но если мы это признаем, то попадем в замкнутый круг: когда «верхи» не могут, а низы еще «не хотят» противодействовать экстремизму. Но та же история указывает и пути выхода из этого логического тупика, на самом деле мнимого [8].

Механизмы борьбы с идеологией экстремизма, по сути, те же, что и его эскалации. Экстремизм не навязывается сверху, во всяком случае, этого не происходит в современной России. Не вырастает он и снизу, поскольку негативные массовые стереотипы – это лишь «сырье» для экстремизма. Идеология экстремизма формируется на некоем среднем уровне, усилиями так называемых «эт-

нических и религиозных антрепренеров». Примерно так же должна формироваться и противостоящая ей идеология толерантности: ее основными проводниками может быть только интеллектуальная элита – антрепренеры или культуртрегеры толерантности [14, с.140].

В современной жизни рассматриваемые формы интолерантности порождают самые разные причины, и поэтому актуальной является проблема целенаправленного воспитания толерантности. Любая культура для своего сохранения и выживания должна осуществлять обучение и воспитание своих носителей собственным ценностям и нормам, причем воспитать их таким образом, чтобы они стали проводниками толерантности в отношении других культур, сохраняя и воспроизводя свои традиционные культурные отличия.

В условиях полиэтничности, многоязычия, поликультурности воспитание толерантности многопланово и приобретает чаще всего характер поликультурного образования, основными целями которого являются следующие: глубокое и всестороннее овладение культурой собственного народа как обязательное условие интеграции в иные культуры; формирование представлений о многообразии культур в мире и воспитание положительного отношения к культурным различиям; создание условий для интеграции в культуры других народов; формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур; воспитание в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения [1, с.38].

Основным образовательным принципом в достижении отмеченных целей может служить принцип диалога, который позволяет соединять в мышлении и деятельности людей различные, не сводимые друг к другу культуры, формы деятельности, ценностные ориентации и формы поведения. Данное значение диалога обусловлено тем, что: диалог рассматривается не только в качестве эвристического приема усвоения каких-либо знаний, но и как фактор, определяющий суть и смысл передаваемой информации; диалог придает реальный практический смысл взаимодействию культур, общающихся между собой; диалог становится постоянно действующей основой в развитии и взаимодействии культур.

Принцип диалога, распространяемый в сферу в межкультурной коммуникации, означает уважение и признание всех национальных культур в структуре современной мировой культуры. Здесь основным содержанием является формирование терпимого отношения к людям, различающимся по этническому, религиозному и иным признакам.

Этому могут помочь практические рекомендации, выработанные американскими исследователями К. Ситарамом и Р. Когделлом [5, с.244-245], которые можно назвать кодексом межкультурной коммуникации, поскольку они способствуют выработке толерантного отношения к чужой культуре: сознавать, что представитель какой-либо культуры не устанавливает мировых стандартов; относиться к культуре аудитории с тем же уважением, с каким относился бы к своей собственной; не судить о ценностях, убеждениях и обычаях других культур на основе собственных ценностей; всегда помнить о необходимости понимать культурную основу чужих ценностей; никогда не исходить из превосход-

ства своей религии над религией другого; общаясь с представителями другой религии, пытаться понимать и уважать эту религию; стремиться понять обычаи приготовления и принятия пищи других народов, сложившиеся под влиянием их специфических потребностей и ресурсов; уважать способы одеваться, принятые в других культурах; не демонстрировать отвращения к непривычным запахам, если те могут восприниматься как приятные людьми других культур; не исходить из цвета кожи как «естественной» основы взаимоотношений с тем или иным человеком; не смотреть свысока на человека, если его акцент отличается от твоего; понимать, что каждая культура, какой бы малой она ни была, имеет что предложить миру, но нет таких культур, которые бы имели монополию на все аспекты; не пытаться использовать свой высокий статус в иерархии своей культуры для воздействия на поведение других представителей другой культуры в ходе межкультурных контактов; всегда помнить, что никакие научные данные не подтверждают превосходства одной этнической группы над другой [13, с.106].

В формировании этих установок чрезвычайно важно, чтобы люди понимали необходимость как сохранения этнической и культурной идентичности, без которой невозможно нормальное психологическое самочувствие человека, так и развития мультикультурализма. Обе эти тенденции должны разумно и гармонично сочетаться друг с другом.

Только обладающий позитивной этнокультурной идентичностью человек способен к этнической и культурной толерантности, к жизни в современном, все более глобализующемся мире.

В моменты значительных потрясений и переломов, периодически возникающих в процессе развития любого общества и связанных с существенными деформациями условий и образа жизни людей, внезапно образующимся вакуумом ценностей, изменением материальных показателей, неясностью жизненных перспектив и неизбежным обострением противоречий, экстремизм становится одной из трудно изживаемых и наиболее опасных характеристик общественного бытия.

Экстремизм как социальный и культурный феномен является сложным и неоднородным явлением и все чаще он проявляется в политической, экономической, социальной, религиозной и других сферах жизнедеятельности российского общества. Среди причин его распространения – как общие, обусловленные социальными, экономическими, политическими факторами, так и специфические, связанные с конкретными условиями существования и с особенностями отдельных социальных групп [121].

Опыт развития событий в современной России и ряде республик бывшего Советского Союза показал, что роль, и значение экстремизма оказались явно недооцененными и это во многом способствовало целой серии трагических событий, неперенными участниками и жертвами которых были и молодые люди. В ситуации социальной неопределенности, нестабильности и социальной напряженности экстремальность молодежи может приобретать крайние, главным образом спонтанные черты, которые нередко перерастают в экстремистские настроения. Поводом к этому зачастую становятся попытки отдельных политических сил, государственных и общественных структур использовать мо-

лодежь в своих целях, провоцируя ее на экстремистские действия. Проблема агрессивного и экстремистского поведения молодежи становится все более актуальной в условиях российской действительности. Элементы экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества.

Молодежный экстремизм как массовое явление последнего десятилетия нашей жизни, выражающееся в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения или в отрицании их и возникает как экстремальная форма проявления группового сознания молодежи вследствие крайнего ухудшения условий жизнедеятельности [41, 50]. Так как современная молодежь проходит свое становление в очень сложных условиях ломки старых ценностей и формирования новых социальных отношений, когда все старые ценности девальвированы, а новые еще должны утвердиться, то она своеобразно реагирует на основные ценностные ориентации общества. Именно такое пренебрежение молодежью традиционными ценностями, ведет к обращению к помощи экстремистских действий для «скорейшего» решения жизненно важных проблем. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны включать следующие: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточную социальную зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

Особую тревогу вызывает ситуация в национальных республиках, где социально-экономические проблемы молодежи тесно переплетаются с кризисом идентичности, который находит свое отражение в распространении радикальных этноцентристских и религиозных взглядов [5].

Молодежь во все времена была подвержена радикальным настроениям, тем не менее, молодежный экстремизм – для России явление сравнительно новое. Протестная энергия молодого поколения – величина непостоянная, ее направленность определяются кризисным состоянием, общей нестабильностью, расколом общества. Экстремизм становится самодостаточным социальным фактором, по целям и разрушительному потенциалу равным, а в определенных условиях и превосходящим террористическую угрозу национальной безопасности государства. Особенно тревожит то, что деструктивные идеи национализма и религиозного экстремизма затрагивают именно молодых россиян.

Основными источниками молодежного экстремизма в России являются, прежде всего, социально-политические факторы: кризис социально-политической и экономической системы; социокультурный дефицит и криминализация массовой культуры; распространение социальных проявлений «ухода из жизни»; отсутствие альтернативных форм проведения досуга; кризис школьного и семейного воспитания. Все это позволяет утверждать, что основной круг проблем, с которыми приходится иметь дело молодежи в России, лежит в сфере конфликтных отношений, прежде всего в семье и в отношениях со сверстниками. Большую роль также играют личностные факторы.

Важно учитывать, что в настоящее время молодежный экстремизм растет более высокими темпами, чем преступность взрослых, экстремизм в России «молодеет» [22].

Большинство проявлений экстремизма в молодежной среде эксперты связывают со слабой государственной политикой, с несправедливостью при реализации социальной политики, с отсутствием реальной, а не показной государственной молодежной политики, с попустительством экстремизму со стороны государственных органов. Среди причин роста экстремистских проявлений эксперты назвали также специфические особенности современного поколения молодежи. Влияние этих особенностей на рост молодежного экстремизма эксперты связывают с недостатками воспитания и правового образования, с усиливающейся пропагандой насилия в СМИ, с «героизацией» образа экстремиста [135]. Очевидным фактом является то, что экстремизм, как и терроризм, не относится к преступлениям, имеющим тенденцию совершаться незаметно и скрытно, наоборот, это те виды преступления, которые рассчитаны на общественный резонанс, и, любая реклама, любое народное порицание – есть достижение необходимого эффекта. Поэтому СМИ доводят преступления экстремистов до желаемого успеха, являясь невольной «афишей», своего рода рекламой для организаций такого толка [121].

Борьба с молодежным экстремизмом предполагает целенаправленное совершенствование законодательной базы. Существует острая необходимость принять целый комплекс мер, направленных на дальнейшее развитие антиэкстремистского законодательства. Эффективным методом борьбы с групповым молодежным экстремизмом является мониторинг деятельности неформальных общественных объединений и отслеживание проэкстремистских настроений в средствах массовой информации и на открытых интернет-ресурсах. Необходимо воссоздать систему патриотического воспитания молодежи, привития ей иммунитета к экстремизму, национализму, религиозной нетерпимости [122].

Организация и проведение совместно с правоохранительными органами профилактических мероприятий по предупреждению массовых хулиганских проявлений со стороны неформальных молодежных объединений экстремистской направленности во время массовых молодежных мероприятий, все эти меры приведут к снижению уровня экстремизма в молодежной среде.

Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма превратился в одну из наиболее опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. События, происходящие в мире, свидетельствуют о том, что межконфессиональные противоречия придают терроризму особую остроту. Связь религии и терроризма – очень сложная проблема. С одной стороны, мировые религии несут мощный гуманистический потенциал, с другой стороны, реальность такова, что фундаментом многих террористических структур и организаций является религиозная основа. В настоящее время больше всего террористических действий в современном мире, совершается в связи с исламом.

Терроризм – это сложное, многогранное и многоуровневое социальное явление, что требует применения комплексного подхода к его анализу и привлечения политологов, социологов, экономистов, культурологов, религиоведов,

историков и других специалистов.

В российском праве (ст. 205 УК РФ) терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий. В праве США – как преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами, обычно с целью повлиять на настроение общества.

Теракты 11 сентября 2001 года существенно повлияли на аспекты социальной жизни, последовавший информационный взрыв оказали беспрецедентное воздействие на модификацию всего информационного поля. В связи с произошедшими террористическими событиями в средствах массовой информации субъекты террористических событий в газетном дискурсе были подвергнуты конфессиональной категоризации. Многократное употребление прессой клише «мусульманские террористы», «исламский терроризм» подталкивало читателя к идентификации терроризма с исламской религией. Вместе с тем, поставить знак равенства между исламом как большой традицией, как системой религиозных смыслов и практик и терроризмом нельзя. Стоит согласиться с тем, что об общеисламской ответственности за т.н. «исламский терроризм» можно говорить лишь в том же смысле, в каком говорят об ответственности христианства за крестовые походы или религиозные войны. Ясно, что в данном случае дело не в религии как таковой, а в политике, у которой есть, помимо других, и какой-то религиозный контекст [40,41].

Религия всегда выполняла функцию смыслополагания. Придавая тот или иной смысл действиям и поступкам индивида и/или группы религия приводит либо к стабильности, либо к деструкции. «Религиозная интерпретация мира есть средство овладения миром, освоения многочисленных смыслов окружающей действительности. Верование обеспечивает религиозное смыслозначение повседневной жизни людей. Религия задает иерархически построенную систему норм, в соответствии с которой одни действия позволены, другие запрещены, и тем самым определяет субъектно-моральные позиции по отношению к миру. Религиозность выступает побудительной силой, мотивом определенного рода социального действия, направленного на овладение миром». И совершенно очевидно, что мотив у тех людей, которые являются исполнителями террористических актов «с исламским оттенком», отличается от мотивации мирно настроенного мусульманина. Причины усвоения разных норм являются социальными.

С другой стороны функцию смыслополагания может выполнять не только религия (в данном случае мы используем традиционное понятие религии, как веры в сверхъестественные существа, а не иные расширительные трактовки данного термина), но и любая более или менее четко выстроенная идеология. И тогда различие в мусульманине-террористе и обычном мусульманине можно сравнить с различием между марксистом и ленинистом, социалистом-народн-

иком и социалистом-террористом [105].

Одним из основных мотивов обращения к терроризму является сильная потребность в укреплении личностной идентичности, что достигается принадлежностью к группе. Во-вторых, это мотивы самоутверждения. И третье, терроризм чаще всего является результатом идейного абсолютизма, убеждения в обладании высшей истиной, уникальным рецептом спасения своего народа или даже всего человечества.

Существование террористов, особенно людей слабого типа – это вера. Зачастую эта вера имеет именно религиозные корни. Но у террористов это религия – всегда идеология противопоставлений. Деление мира на «мы» и «они», на мусульман и неверных проявляется в крайней нетерпимости ко всякого рода инакомыслию. Террористы – это религиозные фанатики, обладающие, по их мнению, высшей и единственной истиной. Основная мысль лидеров исламского терроризма очень проста: против тех, кто не соблюдает законы ислама, надо сражаться. Кроме этого, утверждается мысль, что ислам находится в смертельной опасности, и источником этой опасности является Запад.

Особенностью религиозного терроризма является то, террористические организации, деятельность которых основывается на религиозной идеологии, обосновывают свою деятельность как борьбу за веру, основанную на неверной трактовке теологических первоисточников. Ислам – такая же тоталитарная идеология, только теперь не на базе марксизма-ленинизма, как было в России, или на идеях социализма, как в Германии XX века, а на основе религиозной доктрины ислама [106,116].

Таким образом, не только ислам, но даже и правильный ваххабизм, не являются религией терроризма, что подтверждается священными текстами Корана. Миротворческие мотивы и ценности можно найти и в других религиозных доктринах, например в христианстве, что не мешало использовать христианские догмы как оправдание обильного кровопролития на протяжении последних тысячелетий. Более того существует мнение, что посредством международного права всему миру навязывались христианские нормы. Неготовность части людей Востока воспринять эти ценности и стала одной из причин использования религиозного фактора международным терроризмом.

В каждой религии есть достаточное количество идеологических обоснований правомерности фактического террора по отношению к разного рода изгоям, неверным, язычникам и др. Иными словами, при определенных исторических условиях любая религия способна выступить в роли «религии терроризма», и ислам в данном отношении не является исключением.

Основой идеологических доктрин терроризма выступает экстремизм крайне радикального характера, который может быть как религиозным, так и светским [21, 82].

Попытка объяснить современную преступную террористическую деятельность нормами и догмами ислама совершенно несостоятельна. Священные тексты всех мировых религий, будь то христианство, ислам, иудаизм или буддизм, содержат положения самого разного содержания, но не призывают к циничной жестокости, убийствам невинных, незащитных людей. Нормы мусуль-

манских священных писаний не предусматривают нетерпимости к иноверцам, не предусматривают силовое распространение религии. Вместе с тем, они истолковываются неверно представителями экстремистских и террористических организаций, тем самым, оправдывая свои преступления, что является немаловажным аспектом пропаганды своей деятельности.

Религия может стать «корневой системой» терроризма в том случае, когда она выполняет функции политической идеологии и ложится на «подготовленную почву». Сочетание психологического типа личности с политической обстановкой в исламских странах и стало той почвой для развития исламского терроризма.

Негативную роль сыграл целый комплекс политических причин. Так, арабские государства, обладая огромными запасами нефти, являются «лакомым куском» для таких развитых стран как США, Великобритания и т.д.

Падение нравственности и правовую аномию общества так же можно назвать одним из условий, способствующих возникновению религиозного экстремизма. Не правильное толкование законов или вовсе их не знание, приводит людей к социальной отсталости, заставляя отвернуться от цивилизованных путей развития и обращаться к древним принципам общежития, многие из которых завязаны на принципе «кто сильнее, тот и прав».

Сильный диссонанс в культурных традициях и понятиях о нравственности, а так же развитые фривольные идеи, космополитизм, эмансипация в странах западной Европы и Америки не могли не вызвать негативного отношения на «традиционалистском» исламском Востоке, что явилось косвенным катализатором социальной напряженности и межкультурных конфликтов.

Причины и условия возникновения терроризма весьма разнообразны и носят системный характер, как правило, лишь собираясь в совокупности, образуют ту «критическую массу», которая приводит к появлению такого явления, как терроризм. Так, с нашей точки зрения точнее будет использовать термин «терроризма на основе религиозной идеологии», поскольку непосредственно религиозные факторы не являются причинами терроризма, а есть лишь его идеологическая база.

Поэтому представляется справедливым мнение А. Кырлежева о недостаточности конфессионального ресурса при решении проблем терроризма, произрастающего из исламских стран. «Когда институциональные религиозные авторитеты начинают обличать своих радикалов, призывая их к умеренности и благоразумию, то в ответ часто слышатся уже обличения в адрес самих религиозных лидеров: что они коррумпированы, что они за положение и власть отказываются от предельных ценностей религии. И в результате радикальное крыло религиозного сообщества только усиливается. Поэтому большой вопрос, насколько государство и общество могут рассчитывать на внутриконфессиональные ресурсы». Вышеобозначенное в полной мере относится и к т.н. «межконфессиональному диалогу», ресурсы которого еще меньше. Так, предполагается, что есть какие-то полномочные представители конфессиональных сообществ, которые могут выступать в диалоге от их имени, а затем транслировать результаты на все религиозное поле. Но самые положительные результаты та-

кого богословского диалога нельзя транслировать дальше – в религиозные массы. Потому что «религиозные массы не работают со сложными религиозными конструкциями, а работают с простыми».

Каждой исторической эпохе присущ «типичный конфликт», придающий особенность формам террористической активности. Революционный терроризм наиболее решительно представлен в XIX веке, XX век усиливает этнонациональные формы терроризма, в конце XX в. актуален «религиозный» терроризм. В настоящее время, в России доминирует специфическая форма терроризма, имеющая явно выраженную этнорелигиозную окраску.

Каковы же пути решения проблемы религиозного терроризма? Сегодня предлагается множество самых различных способов, в т.ч. и наиболее часто используемые – силовые. Но ясно, что применение силовых методов не решит проблемы терроризма, а лишь приведет к более изощренным технологиям террористических актов. Использование репрессивных мер против терроризма «может на время сбить температуру, но излечить болезнь оно не в состоянии». Также часто говорится об улучшении экономического положения государств «рассадников» терроризма. Стоит предположить, что улучшение экономической и политической ситуации сможет снизить уровень терроризма. Поскольку если для населения будут открыты каналы социальной мобильности, если уровень жизни будет достаточно высок, если люди не будут чувствовать себя униженными и ущемленными, то политико-экономический фактор снизит свое влияние. Но всегда останутся политические силы, которым выгодно разжигание террористической борьбы на религиозной или этнической почве.

Тогда остается еще один путь – это путь воздействия на личность, и прежде всего воспитание ее в рамках неприятия насилия, толерантности и ответственности. Что же такое восприятие человеком идеологии? Идеология становится той конструкцией, которая помогает ему смотреть на мир и оценивать его. Никакая идеология не возымеет своей силы, если человек будет не готов к ее воздействию. Поэтому только воспитание ответственной личности, отвергающей зло как таковое способно решить проблему терроризма. К сожалению, в настоящее время часть мусульманского населения разных стран не способно осознать, что между религиозно-этическим наследием ислама и искусственно созданной на его основе идеологией исламизма могут быть большие различия. Поэтому следует обратить особое внимание на противодействие информационной пропаганде со стороны террористических групп. Важную роль здесь играет информационная революция, широкое распространение электронных СМИ и возможность их превращения в инструмент манипуляции массовым сознанием.

В связи с этим, эффективный подход к снижению террористической угрозы включает в себя учет особенностей культуры, традиций, менталитета населения того или иного региона, а также разрешение социальных и экономических проблем в развивающихся регионах мира путем прямых и целенаправленных программ по развитию сектора малого и среднего бизнеса. Также на местах необходимо повышать уровень грамотности населения, как наиболее эффективного средства по предотвращению внешней пропаганды

религиозно радикальных идей.

В данном случае возможно два пути воспитания у населения чувства неприятия терроризма на религиозной основе:

– воспитание через распространение «правильной» религии (что например, пытаются провести в Чеченской республике);

– воспитание на основе светской рациональной культуры. Назаретян А. П. утверждает, что «широковещательные заявления, будто теракты совершают приверженцы «ненастоящей» религии, тогда как «настоящая» вера такого не допускает, – самообман. Профессиональные психологи готовы утверждать следующее. Если перед нами не ряженный, не политик-конъюнктурщик, «пиарящий» себя со свечкой перед телекамерами на потребу доверчивым избирателям, и не философ-доброхот с рассуждениями о «трансцендентальных силах», а человек, буквально верящий в загробный мир, то при определённых условиях превратить его в живую бомбу – технологически элементарная задача». Поэтому он предлагает распространение прежде всего светской культуры и воспитание человека в духе свободы и ответственности, в чем стоит с ним согласиться. Именно «этика ответственности», выражаясь языком М. Вебера, приводит к рациональному осмыслению человеком мира и всего происходящего. А вот «религиозные (и квазирелигиозные – национальные, классовые) идеологии всегда служили механизмом объединения людей в большие группы за счёт противопоставления другим людям. Поэтому их неизменным спутником оставалась реальная или потенциальная война».

Исследование проблем религиозности как фактора терроризма позволяет сделать следующие выводы:

1. Ряд внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов, сложившихся в рамках постиндустриального общества к концу XX – началу XXI в., предопределяют значительный рост проявлений терроризма, основанного на религиозной идеологии.

2. Ислам как фактор терроризма не отличается от иных религии по степени своего влияния. Не ислам является одной из основ терроризма, а использование любой религиозной идеологии в террористических целях.

3. Использование термина «религиозный терроризм» представляется не совсем корректным, поскольку роль при формировании террористического поведения играет не только религия, но и любая идеологическая схема, которая основана на определенных механизмах манипулирования человеком. На наш взгляд, более правильно было бы использовать термин «терроризм на основе религиозной идеологии». Применение конфессиональных методов борьбы с терроризмом малоэффективно, так как в большей степени речь идет не о религии, а о политике.

4. Важнейшими задачами в сфере предупреждения терроризма на основе религиозной идеологии являются:

– теологическое опровержение идеологических основ «религиозной правомерности» терроризма;

– обеспечение контроля за содержанием читаемых в мечетях проповедей, используя для этого прямые контакты с духовными лидерами и возможности

соответствующих структур по связям с религиозными объединениями при Правительстве и Президенте РФ;

– введение государственного контроля за направлением на учебу в зарубежные исламские центры и за работой иностранных преподавателей, которые в российских религиозных и светских учебных заведениях преподают связанные с исламом дисциплины.

В Российской Федерации понятия профилактики ксенофобии и экстремизма, а также понимание патриотического воспитания нередко трактуются как смежные, хотя у каждого из них есть своя специфика. Поэтому важно выделить те аспекты в деятельности государственных органов и их партнеров по профилактике экстремизму и патриотическому воспитанию, которые имеют непосредственное отношение к профилактике ксенофобии.

В законодательном обеспечении противодействия экстремизму в молодежной среде можно говорить о двух основных направлениях. С одной стороны, блок правовых актов, направленных главным образом на пресечение экстремистской деятельности. С другой, комплекс документов, направленных на профилактику экстремизма в молодежной среде, на создание условий для участия молодежи в жизни общества. В данной главе приводится лишь краткая характеристика первого блока законов, после чего следует анализ действующих программ и документов, которые определяют профилактические меры государственных органов.

Под экстремизмом понимается очень широкий набор действий. В частности, статья 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» определяет экстремистскую деятельность (экстремизм) как следующие виды деятельности:

а) насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

б) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

в) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

г) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

д) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

е) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

ж) воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

з) совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

и) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

к) публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

л) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

м) организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

н) финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Также важными понятиями, с которыми сталкиваются в своей работе государственные органы, работающие в сфере профилактики экстремизма, являются «экстремистская организация» и «экстремистские материалы».

Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

Экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской (орфография текста закона сохранена. – авт.) рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

При этом только пункты «в», «г», «д», и «з» можно отнести непосредственно к преступлениям, в основе которых лежит ксенофобия или даже ненависть. Поэтому эксперты в России и других странах называют эту группу преступлений преступлениями ненависти (hate crime). Но до сих пор вызывает вопросы в экспертном сообществе и претензии к Российской Федерации со стороны международных организаций, например, ООН, включение понятия «социальная группа» в текст УК. С одной стороны, преступления против предста-

вителей различных молодежных субкультур (готов, рэпперов, антифа и пр.), инвалидов и других трактуется как преступления ненависти по отношению с этим группам. С другой стороны, в связи с тем, что понятие «социальная группа» не имеет однозначного толкования ни в науке, ни в обыденном языке и никак не определяется в законе, то это создает основу для серьезных злоупотреблений. Решения суда в отношении бывшего пресс-секретаря президента Татарстана Ирека Муртазина (26 ноября 2009 года), который обвинен в возбуждении ненависти либо вражды по отношению к такой социальной группе, как «власть», яркий тому пример. Подобная практика может привести к обвинению в экстремизме всех критически мыслящих молодых людей, а также усиливает сложившуюся тенденцию, когда антиэкстремистское законодательство применяется в отношении представителей политической оппозиции, а не неонацистов и террористов, которые совершают тяжкие преступления.

К сожалению, ввиду такой структуры законодательства специфической работы по профилактике ксенофобии и преступлений ненависти не ведется, она рассматривается либо как часть профилактики экстремизма, либо как один из элементов деятельности по патриотическому воспитанию (в первую очередь, в деятельности органов системы образования). Эксперты аналитического центра «Сова» отмечают, что, в отличие от работы правоохранительных органов (в результате которой преступники попадают под суд, организованные группировки распадаются и т.п.), другие государственные органы в области противодействия ксенофобии и радикальному национализму ориентируются на продвижение толерантности и идеи «дружбы народов» (что хорошо само по себе, но не как мера противодействия ксенофобии), и крайне неэффективны.

Органами государственной власти ведется разнообразная работа по предотвращению проявлений политического и религиозного экстремизма в молодежной среде как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации, в том числе в сфере законодательства, в создании специальных комиссий и рабочих групп, разработке планов и стратегий, организации тематических мероприятий и т.п. Противодействие экстремистской деятельности в России осуществляется по двум основным направлениям:

- профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе, на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 года № 724 образовано Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации. К сожалению, министерство не предлагает никаких конкретных мер по профилактике экстремизма. В ходе Года молодежи в 2009 году эта тематика сводилась либо к мероприятиям военно-патриотической направленности в рамках направления «Толерантность», либо к общим словам о необходимости работать в этой сфере. В плане реализации Года молодежи была только одна позиция, связанная с профилактикой экстремизма: «организация региональных правовых школ по профилактике молодежного экстремиз-

ма и совершенствованию правового реагирования для государственных служащих, работников правоохранительных органов и лидеров молодежных общественных объединений». При Правительстве России образованы межведомственные комиссии, которые занимаются, в частности, вопросами предотвращения проявлений молодежного экстремизма. Их деятельность сводится к профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи. С 2006 года согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 года № 272 создана Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. С 2008 года согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 28 марта 2008 года № 216 создана Правительственная комиссия по профилактике правонарушений (в ред. Постановления Правительства России от 15 октября 2008 года № 763). Основные функции этих комиссий – координировать работу органов федеральной власти в данной сфере.

В МВД России в соответствии с Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 года № 1316 и Приказом МВД России от 31 октября 2008 года № 940 образован Департамент по противодействию экстремизму (ДПЭ МВД России). Он является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации, осуществляющим в пределах предоставленных полномочий нормативное правовое регулирование в сфере противодействия экстремистской деятельности, а также выполняющим иные функции в соответствии с нормативными правовыми актами МВД России. Основными задачами являются: участие в формировании государственной политики; участие в совершенствовании нормативного правового регулирования; организация борьбы с преступлениями экстремистской направленности. Также Постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2000 года № 925 утверждено положение о создании, реорганизации и ликвидации подразделений криминальной милиции. Согласно положению, в криминальную милицию в субъектах Федерации входят подразделения по противодействию экстремизму.

На основании проведенных в последние годы исследований ВНИИ МВД были разработаны рекомендации по борьбе с молодежным экстремизмом, которые сфокусированы на необходимости ужесточения законодательства, меры пресечения за преступления экстремистской направленности, повышенного контроля за молодежью и более серьезного регулирования Интернета (который предполагается рассматривать как СМИ). Только две рекомендации можно отнести к профилактическим, одна из которых предполагает разработку программы координации деятельности органов местного самоуправления, правоохранительных органов и других субъектов профилактики по разъяснению молодежи государственной национальной политики, административной и уголовной ответственности за разжигание межнациональной розни, экстремистские проявления. Вторая предлагает усилить патриотическое воспитание молодежи в образовательных учреждениях, а также «своевременно реагировать на отклонения экстремистской направленности в мировоззрении учащихся. При выявлении таких случаев привлекать психологов и сотрудников органов внутренних дел для проведения профилактических бесед с целью разъяснения сущности экстремизма и ответственности за данные противоправные деяния». С учетом

широты толкования понятия экстремизм, нам представляется, что в результате на педагогов могут быть возложены функции доносить на своих учеников в правоохранительные органы в случаях, когда они высказывают критические замечания по поводу общественно-политической ситуации.

Далеко не все экстремистские организации и движения являются сообществами, основанными на идеях ксенофобии и ненависти. Однако все движения, которые пропагандируют ненависть и ксенофобию, сегодня рассматриваются в России как экстремистские. В последние года исследователи и правоохранительные органы отмечают рост молодежного экстремизма, который выражен в росте количества преступлений, повышении уровня насилия, характер которого становится все более организованным. В ходе конференции в Екатеринбурге, состоявшейся в апреле 2009 года, заместитель генерального прокурора России В. Гринь заявил, что в России насчитывается более 200 экстремистских организаций, которые объединяют около десяти тысяч человек. Членами экстремистских группировок становятся, как правило, молодые люди 16-25 лет. Большинство из них учатся в вузах и средних специальных профессиональных учреждениях. Больше всего молодых экстремистов проживают в Москве, Санкт-Петербурге, Ростовской, Воронежской, Самарской, Мурманской, Нижегородской областях. Эксперты Центра «Сова», которые занимаются изучением непосредственно проявлений агрессивного национализма и ксенофобии, также отмечают эти тенденции в среде ультраправых в последние годы. К сожалению, с ультраправыми сегодня, в первую очередь, ведут противостояние правоохранительные органы и ряд общественных объединений и групп, а не органы по работе с молодежью и органы системы образования. В ряде регионов существуют особые целевые программы по борьбе с экстремизмом и терроризмом (например, в Пензенской области), однако они направлены на работу с организованными группами экстремистов и практически не предусматривают воспитательной профилактической работы с молодежью. В частности, в Пензе программа предполагает совместные выезды оперативных молодежных отрядов дружинников и сотрудников органов УВД по общежитиям, где проживают иностранные студенты, выездов по местам сбора «неформальных групп», оперативные мероприятия по выявлению несовершеннолетних, входящих в неформальные молодежные объединения.

Связь экстремизма с молодежными движениями точно отражена в возрастной структуре экстремистских группировок, где абсолютно преобладает молодежь. Основная масса террористов и экстремистов – люди до 30 лет. Одним из резервов различных экстремистских организаций является все более увеличивающееся количество безработной и полубезработной молодежи, оказавшейся в последнее время в особенно тяжелом положении. Возмущение, протест, назревшие у молодых людей при столкновениях с проблемами взрослой жизни, все чаще вызывают в молодежной среде различные, основанные на отчаянии, агрессивные настроения, которые принимают крайние, экстремистские формы. Кроме того, именно для молодежи привлекательны такие установки, как жертвенность, романтика, риска, иллюзорная значимость экстремистской деятельности, возможность самоутвердиться, почувствовать себя «спасителем

человечества». Таким образом, тяжелое положение молодежи в современном обществе, бескомпромиссность, свойственная этой возрастной группе, «революционизм», влекущий молодежь, делает экстремизм молодежным явлением.

Когда речь заходит о сущности экстремизма в молодежной среде, то в качестве наиболее острых проблем органами государственной власти признаются этническая и религиозная нетерпимость, ксенофобия, национализм в молодежной среде, что и должно определять принимаемые меры по профилактике и пресечению экстремизма. В то же время одним из главных инструментов решения проблем аналитикам Совета Федерации видится «новая государственная молодежная политика, основанная на социально-экономической и моральной поддержке молодежи государством и обществом. Ее цель – обеспечить доступность качественного образования, создать условия для воспитания, сохранения здоровья и трудоустройства подрастающего поколения, формирования у него гражданской ответственности и патриотизма». Помимо этого, предлагается разработать новую программу формирования установок толерантного сознания и профилактики экстремизма. Эти идеи озвучивались 2 апреля 2009 года на заседании правительственной комиссии по профилактике правонарушений в МВД России, где председатель комиссии, министр внутренних дел России Р. Нургалиев отметил, что огромную тревогу в последнее время вызывает рост случаев проявления экстремизма в молодежной среде. В этой связи большую роль в воспитании подрастающего поколения россиян должны играть такие направления, как толерантность, патриотизм, позитивный информационный настрой – то, что напрямую зависит от средств массовой информации.

В регионах России деятельность по профилактике экстремизма и пропаганде толерантности реализуется различными органами власти, общественными объединениями с разными акцентами, в зависимости от ситуации в регионе, наличия экспертов и консультантов, приоритета работы в этой сфере.

Тематика ксенофобии и воспитания толерантности не признается приоритетной при формировании межнациональной политики в Республике Башкортостан (далее – РБ). Администрация Президента РБ и Министерство культуры и национальной политики РБ ориентируют государственные и муниципальные органы власти на использование термина «дружба народов».

Никаких специальных программ по теме толерантности, равно как и по противодействию ксенофобии в деятельности государственных органов мы не обнаружили. В рамках национальной политики РБ проводится принцип положительной дискриминации в отношении башкир: разработана отдельная подпрограмма «Возрождение и развитие башкирского народа», являющаяся составной частью государственной программы «Народы Башкортостана» (в ред. Постановлений Правительства РБ от 16 мая 2003 года № 118, от 9 апреля 2007 года № 86). Задачи программы: создание системы государственных мер, направленных на укрепление традиций бесконфликтного проживания народов Республики Башкортостан, культивирование чувства республиканского патриотизма и выработка общего согражданства «башкортостанцев»; нейтрализация деструктивного воздействия экстремистских и радикальных организаций на

умы и чувства людей разных национальностей. Исполнители программы: Министерство образования Республики Башкортостан, Государственный комитет Республики Башкортостан по молодежной политике.

Действует президентская программа на 2007-2010 годы «Молодежь Башкортостана». В 2006 году была утверждена «Концепция развития гражданской, духовно-нравственной культуры и гражданской активности детей, подростков и молодежи «Молодежь – стратегический ресурс Республики Башкортостан» на 2006-2015 годы. Однако молодежной политики государственных органов в сфере профилактики ксенофобии в Башкортостане сегодня нет.

В республике работает группа педагогов и методистов из института повышения квалификации учителей, которые внедряют в образовательный процесс воспитание толерантности. В г. Кумертау несколько школ используют эти методики. Региональный общественный фонд «Международный стандарт» проводит в республике семинары и тренинги для педагогов и студентов, конкурсы работ для детей и конкурсы методических разработок для педагогов по проблематике толерантности.

Есть города и регионы, где деятельность по профилактике ксенофобии и этнического экстремизма среди молодежи является предметом особого внимания. Так, согласно постановлению «О дополнительных мерах по профилактике ксенофобии и этнополитического экстремизма в молодежной среде города Москвы», руководством города осуществляются различные меры по достижению социальной стабильности в сфере межнациональных отношений. Постановление предусматривает реализацию двух городских целевых программ – «Столица многонациональной России» (на 2008-2010 гг.) и «Молодежь Москвы» (на 2007-2009 гг.). Обе программы были направлены на профилактику ксенофобии и экстремизма в молодежной среде.

Программа «Столица многонациональной России» имеет целью формирование благоприятного климата межэтнического взаимодействия в городе Москве на основе уважения прав и свобод человека. Основные задачи программы: интернациональное воспитание молодежи; повышение образовательного уровня и специальных знаний учащихся образовательных учреждений, государственных служащих городских органов управления в области межэтнических отношений; формирование благоприятной информационной среды, способствующей развитию межэтнического взаимопонимания в обществе; укрепление консолидирующей роли города Москвы в укреплении общероссийского культурного пространства; повышение эффективности использования институтов гражданского общества в деле профилактики ксенофобии, экстремизма, а также в работе органов исполнительной власти города Москвы по интеграции и адаптации различных категорий мигрантов; диагностика этноконтактной ситуации в городе Москве; мониторинг межконфессиональных отношений в городе Москве, содействие сохранению межконфессионального мира и согласия.

Программа «Молодежь Москвы», цель которой заключается в создании условий для благоприятной адаптации молодежи к жизни в столичном мегаполисе с учетом индивидуальных особенностей и социального статуса моло-

дого человека. Программа направлена на борьбу против искажения фактов истории, деятельности религиозных сект, насаждения культа насилия, вседозволенности, нагнетания социальных межнациональных противоречий, навязывания стандартов субкультуры, равнодушного отношения к вредным привычкам, навязывания свободных и нетрадиционных сексуальных отношений, внедрения стереотипов асоциального поведения, вовлечения молодежи в политический экстремизм.

Обращает на себя внимание повышенная концентрация на военно-патриотических аспектах этой Программы (а не на развитии межэтнической культуры и взаимопонимания), противодействие развитию различных молодежных субкультур («навязывание стандартов»), гомофобный подход к человеческим отношениям (навязывание определенного образа жизни и сексуальной ориентации), оценка политической деятельности как экстремистской (не приводится в качестве альтернативы существование какой-то другой политической деятельности – если «политический», значит, «экстремизм»).

12 марта 2009 года в Москве по инициативе Молодежной палаты при Мосгордуме года состоялся круглый стол на тему «Экстремизм в молодежной среде. Как ему противостоять?». В мероприятии приняли участие депутаты Московской Городской Думы, члены молодежной палаты, представители ГУВД и прокуратуры столицы, участники ряда молодежных объединений и организаций национальных диаспор Москвы. К причинам роста экстремистских настроений были отнесены, в частности, низкий уровень образования значительной части молодежи (в особенности это касается отсутствия знаний о культуре и традициях «соседних» народов); размытость жизненных и социальных ориентиров молодого поколения; отсутствие внятной государственной молодежной политики; разгул безнравственности в СМИ; «безнаказанность» Интернета.

В качестве рекомендаций на круглом столе прозвучали следующие предложения:

- воссоздать в структуре Правительства России Министерство по делам национальностей;
- ввести в государственные образовательные стандарты высших и средних специальных учебных заведений в качестве обязательного компонента предметы «Культура народов России» и «Культура народов мира»;
- инициировать создание на центральных каналах телепрограмм, посвященных народам России;
- активизировать деятельность национально-культурных автономий и организаций диаспор для лучшей адаптации приезжих в московский социум;
- рекомендовать государственным структурам, правоохранительным органам, а также средствам массовой информации жестче оценивать проявления экстремизма и ксенофобии.

Уникальной для регионов Российской Федерации является опыт деятельности администрации Санкт-Петербурга, где реализуется общегородская программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилак-

тики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006-2010 годы (программа «Толерантность»). Основными методами борьбы с ксенофобией, расизмом, межэтнической и межконфессиональной напряженностью в Санкт-Петербурге, согласно программе, являются совершенствование городских законов, повышение эффективности миграционной политики и создание социальных проектов по интеграции мигрантов. В рамках программы идет работа по созданию единого информационного пространства для всех жителей города и предусмотрена разработка школьного курса «Многонациональный Санкт-Петербург», специальной программы по адаптации детей мигрантов, мониторинг деятельности неформальных молодежных групп, проведение различных научных социологических исследований и конференций. Однако, судя по сайту программы, системной работы не ведется. Бюджет программы не опубликован, что не дает возможности оценить соотношение затраченных усилий, ресурсов и результаты программы.

На вопрос о том, как оценивают эксперты деятельность властей по борьбе с проявлениями национализма, ксенофобией, и достаточно ли этих мер, по их мнению, были получены следующие ответы:

«Быть может, есть кучка идейных ментов, или еще кого, но по факту ничего не делается. Не, ну есть эта программа «Толерантность» или как там ее... Да не, пока в рядах ФСБ и в УВД есть правые, я не поверю, что разберутся без нас. Так что мы пока на страже. Как говорится, всех не пересажаяют!» (Денис – активист движения антифа); «...что касается профилактических мер, мы о них никогда не узнаем, они выходят приказами за двумя нулями засекреченными, наверное, какая-то работа ведется. Пока можно говорить только об одной работе органов, которая публично совершается, повторюсь, основные радикальные группы – они обезврежены» (П. Викторов, криминальный репортер).

Таким образом, можно сказать, что при всем многообразии профилактических мер, предпринимаемых государственными органами в сфере профилактики экстремизма и ксенофобии в молодежной среде, можно выделить несколько направлений, в которых сфокусирована эта деятельность:

– пропаганда толерантности, «дружбы народов» и межнационального / межконфессионального мира (в Республиках Башкортостан, Бурятия, Карелия, в Белгородской, Владимирской, Воронежской, Кировской, Курской, Ростовской, Рязанской, Самарской областях, в Москве, Санкт-Петербурге);

– усиление деятельности правоохранительных органов в сфере обеспечения безопасности благодаря участию молодежи – через создание отрядов по охране порядка (в Воронежской, Пензенской, Ростовской областях);

– репрессивные меры (со стороны правоохранительных органов, органов по работе с молодежью и органов образования), связанные с контролем за «неформалами» и экстремистски настроенной молодежью (в Республиках Дагестан, в Белгородской, Воронежской, Кировской, Пензенской областях);

– создание системы интеграции мигрантов (в Республике Карелия, в Москве, Санкт-Петербурге);

– создание системы адаптации иностранных студентов (во Владимирской, Воронежской, Курской, Ростовской, Рязанской областях, Москве, Санкт-Петербурге);

– патриотическая работа с акцентом на военно-патриотическое воспитание и духовно-нравственное воспитание (подробнее см. следующий раздел).

С одной стороны, можно отметить, что в наиболее проблемных регионах присутствует многообразие подходов в работе с проблемами нетерпимости среди молодежи, с другой стороны, рост преступлений на почве ненависти и сохранение высокого уровня ксенофобии говорят о том, что предпринимаемых мер недостаточно даже в тех регионах, где работа ведется по всем направлениям, которые на сегодняшний день приняты государственными органами.

В практике государственных органов деятельность по патриотическому воспитанию является одним из ключевых методов профилактики ксенофобии. Хотя исследователи отмечают, что в таком упрощенном подходе – при сохранении акцента на военно-патриотическом, а не на гражданско-патриотическом воспитании – результаты могут быть не так однозначны.

Проблемы соотношения ксенофобии и патриотизма обсуждались участниками международного семинара «Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде сквозь призму транснациональных исследований», который состоялся в Санкт-Петербурге 16-18 марта 2007 года. В частности, Э. Шафранской (кандидат филологических наук, доцент Московского гуманитарного педагогического института) была отмечена амбивалентность содержания понятий «патриотизм» и «ксенофобия», тонкая грань между ними и их способность перетекать друг в друга. Это свойство отчетливо проявляется в российском/советском официальном дискурсе, когда для создания образа врага используются мифологические мотивы, в основу которых положена идея о том, что все чужое, иноэтническое неприемлемо и греховно. Е. Омельченко (доктор социологических наук, зав. кафедрой рекламы Ульяновского государственного университета, директор Научно-исследовательского центра «Регион», г. Ульяновск) констатировала, что на данный момент идеи патриотизма и национализма, замешанные на ксенофобии, остаются доминирующими в российском обществе. Исследователи Н. Белецкая и Т. Барчунова (Новосибирск) отмечали опасность возникновения националистических настроений в молодежных организациях, имеющих военизированную структуру. Несмотря на то, что для них характерна стихийная толерантность, внедрение патриотического воспитания участников на основании русской национальной идеи может все изменить.

На момент исследования к этому близка молодежная организация в Новосибирске «Потешные полки», где военно-спортивное направление появилось как реакция на события в Беслане. Детей учат ориентироваться и вести себя в экстремальной ситуации, делая ставку на «ответственный подход к своей жизни, окружающему миру и своему отечеству». Ю. Лассила (исследователь Финского центра российских и восточно-европейских исследований, Хельсинки) отмечал, что очевидность связи проблемы ксенофобии и экстремизма с полити-

кой государства должна приводить к поиску более сензитивных подходов в исследованиях. Так, изучая программу и участников движения «Наши», он совместил критический дискурсивный и лингво-семиотический анализ с более широким социально-культурным контекстом. Это позволило понять, что категория «фашизм» в целом политизирована и является ставкой в борьбе за символические смыслы. Согласно результатам исследования, «Наши» считают «фашистами» политических оппонентов Кремля. Именно относительно этого и выстраивается в дальнейшем вся практика и риторика представителей движения.

В ходе парламентских слушаний «Состояние и проблемы законодательного обеспечения противодействия экстремизму в молодежной среде» (25 октября 2006 года) председатель Совета Федерации С. Миронов заявил, что приоритетом в борьбе с экстремизмом молодежи должно стать устранение причин и условий, способствующих девиантному поведению. «Важным делом является установление системы нравственного воспитания детей и подростков. Данная работа сегодня разворачивается, в частности, в рамках государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы. Для воспитания правосознания, патриотизма сегодня необходимы отечественные фильмы, ориентированные на российскую действительность, многонациональный состав нашего общества и особенности политической российской культуры».

В самой государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.», которая утверждена Постановлением Правительства РФ от 11 июля 2005 года № 422, сказано, что наряду с другими факторами «в патриотическом воспитании полнее учитывается фактор многонационального состава Российской Федерации и связанное с ним многообразие национально-этнических культур. Растет понимание того, что многонациональность нашей страны, разнообразие национальных культур и их взаимное проникновение способствуют материальному и духовному прогрессу общества.

Конечным результатом реализации программы должны стать положительная динамика роста патриотизма и интернационализма в стране, обеспечение на ее основе благоприятных условий для духовного и культурного подъема в обществе, укрепление экономической стабильности государства, повышение международного авторитета России.

Программа основана на подходе, который излагается в Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации (которая была одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей протокол от 21 мая 2003 г. № 2(12)-П4. Концепция отражает совокупность официально принятых взглядов на государственную политику в области патриотического воспитания:

«Цель патриотического воспитания – развитие в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности,

становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных интересов и устойчивого развития».

«Патриотизм является одной из наиболее ярких черт российского национального характера. Российскому патриотизму присущи свои особенности. Прежде всего, это *высокая гуманистическая направленность российской патриотической идеи; веротерпимость; соборность и законопослушание; общность как устойчивая склонность и потребность россиян к коллективной жизни; особая любовь к родной природе...* Составной частью патриотического воспитания является военно-патриотическое воспитание, направленное на формирование готовности к военной службе как особому виду государственной службы».

«Основными группами граждан, выступающими объектами патриотического воспитания, являются молодые граждане и молодежные общественные объединения. Задачи, которые решает патриотическое воспитание, следующие:

– утверждение в обществе, в сознании и чувствах граждан социально значимых патриотических ценностей, взглядов и убеждений, уважения к культурному и историческому прошлому России, к традициям, повышение престижа государственной, особенно военной, службы;

– *создание и обеспечение реализации возможностей для более активного вовлечения граждан в решение социально-экономических, культурных, правовых, экологических и других проблем;*

– *воспитание граждан в духе уважения к Конституции Российской Федерации, законности, нормам общественной и коллективной жизни, создание условий для обеспечения реализации конституционных прав человека и его обязанностей, гражданского, профессионального и воинского долга;*

– привитие гражданам чувства гордости, глубокого уважения и почитания символов Российской Федерации – Герба, Флага, Гимна, другой российской символики и исторических святынь Отечества;

– привлечение традиционных для России религиозных конфессий для формирования у граждан потребности служения Родине, ее защиты как высшего духовного долга;

– создание условий для усиления патриотической направленности телевидения, радио и других средств массовой информации при освещении событий и явлений общественной жизни, активное противодействие антипатриотизму, манипулированию информацией, пропаганде образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, искажению и фальсификации истории Отечества;

– *формирование расовой, национальной, религиозной терпимости, развитие дружеских отношений между народами».*

Таким образом, только одна из задач (последняя) может быть непосредственно отнесена к профилактике ксенофобии. Однако, в общем «создание и обеспечение реализации возможностей...» и «воспитание граждан в духе ува-

жения к Конституции Российской Федерации» также могут быть связаны с профилактикой ксенофобии, хотя непосредственная деятельность зависит от интерпретации конкретного исполнителя. Чтобы оценить серьезность присутствия элементов профилактики ксенофобии в деятельности по воспитанию патриотизма, необходимо проследить, насколько реализация этой задачи отражена в соответствующей программе и мероприятиях органов по делам молодежи всех уровней.

Для управления системой патриотического воспитания, реализации общей стратегии в этой сфере деятельности, объединения усилий федеральных органов исполнительной власти, общественных и религиозных организаций и движений создаются межведомственные структуры. В федеральных органах исполнительной власти создаются советы по патриотическому воспитанию, в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации – региональные межведомственные координационные советы, которые разрабатывают ведомственные программы (планы) патриотического воспитания и организуют их исполнение. Для осуществления функций рабочего органа указанных советов решением руководителей федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации создаются штатные центры патриотического воспитания. Ведущим исполнителем Концепции является государственное учреждение «Центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» (Роспатриотцентр).

На федеральном уровне план мероприятий по патриотическому воспитанию определен программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.». Из сотен мероприятий, которые отражены в программе, на наш взгляд, только пять могут быть отнесены к выполнению задачи по *«формированию расовой, национальной, религиозной терпимости, развитию дружеских отношений между народами»*, из которых два были реализованы в 2006-2007 годах. Таким образом, только три мероприятия проводились в 2008-2009 годах:

– десятая годовщина разгрома бандформирований, вторгшихся на территорию Республики Дагестан. Заявленная цель – укрепление единства и целостности Российской Федерации, формирование чувства патриотизма и интернационализма братских народов Северного Кавказа;

– об учреждении памятной медали «Патриот России» (за проявление патриотизма в общественной, служебной, военной и трудовой деятельности). Заявленная цель – стимулирование условий для возрождения и воспитания патриотизма как национальной идеи России;

– исследование функционирования центров традиционной культуры, этнографии, народных ремесел и основ их деятельности с учетом региональной и национальной специфики. Заявленная цель – создание методических разработок по организации патриотического воспитания в учреждениях дополнительного образования.

Мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи были включены также в План Года молодежи (от 23 января 2009 года) под номером 35 и заголовком «Мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи, противодействию молодежному экстремизму, воспитанию толерантности в молодежной среде», среди них:

- торжественный прием министром спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации молодых военнослужащих (февраль, г. Москва),
- мероприятия, посвященные Дню России (12 июня, субъекты РФ),
- всероссийская «Вахта памяти – 2009» (апрель – ноябрь),
- всероссийская патриотическая акция «Во славу Великой Победы» (май),
- финал всероссийской военно-спортивной игры «Победа» (июнь, г. Казань),
- всероссийская акция «Мы – граждане России» (в течение года, субъекты РФ),
- мероприятия по реализации программы «Поддержка системы кадетского воспитания» (в течение 2009 года),
- мероприятия по реализации проекта «Молодежь Кавказа» (конференция молодежи Кавказа «Кавказ – наш общий дом», межнациональный молодежный лагерь «Мы – едины!», фестиваль «Студенческая весна на Кавказе», фестиваль молодежи Кавказа «Дружба народов – единство России») (январь – сентябрь 2009 года),
- молодежный форум национальных культур «Мы – россияне», посвященный празднованию Дня народного единства 4 ноября (январь-ноябрь 2009 г.).

Исполнителями мероприятий были заявлены Минспорттуризм России, Росмолодежь, ФМС России, ФСКН России, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общероссийские общественные объединения и некоммерческие организации.

Здесь в большей степени была отражена концепция формирования толерантности и более-менее сбалансированы военно-патриотическое и гражданско-патриотическое воспитание. Однако так как в названии фигурирует не только тематика патриотического воспитания, остается возможность толкования его в узком смысле как военно-патриотического, а остальные мероприятия также могут относиться к «противодействию молодежному экстремизму, воспитанию толерантности в молодежной среде». Стоит отметить, что всего в плане шесть позиций, и только одна из них отражает весь блок проблем «патриотизм/толерантность/экстремизм».

На уровне субъектов Федерации и муниципалитетов деятельность по патриотическому воспитанию обеспечена региональными целевыми программами или планами, а также отражается во всех программах, посвященных работе с молодежью, где они приняты соответствующими органами.

В частности, в Башкортостане действует комплексная программа мероприятий по патриотическому воспитанию подростков и молодежи. В ведении органов по молодежной политике администраций муниципальных образований республики функционируют 38 военно-патриотических клубов и кружков при

подростковых клубах и молодежных центрах. Всего данной формой работы охвачено свыше 2000 подростков, детей и молодежи. При этом необходимо заметить, что около 30% из них – это подростки, состоящие на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, отделах по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и в учебных заведениях.

§ 3. Религиозная терпимость как путь оздоровления общества. Свобода верить и не верить

Свобода совести и свобода вероисповедания – устойчивые международные термины, обозначающие права и свободы личности, связанные с наличием религиозных или нерелигиозных убеждений. Свобода совести включает в себя: право свободно принимать религию или убеждения, право их изменять и право действовать в соответствии со своими убеждениями. Свобода выбора отношения к религии означает, что личность имеет возможность самостоятельно, без внешнего давления, принуждения или угрозы дискриминации или репрессий определять свое отношение к религии вообще и к конкретной религии. Человек обладает правом иметь атеистические убеждения, относиться к религиям индифферентно, нейтрально или же быть последователем той или иной религии. Свобода изменения убеждений предполагает, что личность вправе свободно менять свои религиозные или нерелигиозные убеждения. Свобода действовать в соответствии со своими убеждениями гарантирует личности возможность воплощать в практике нормы и заповеди того учения, которого она придерживается: объединяться с единомышленниками (единоверцами), создавая религиозные объединения или иные формы объединений, совместно отправлять религиозные культы, публично проповедовать свои взгляды с целью привлечения новых сторонников, оказывать благотворительную помощь нуждающимся и т. п. [111].

Основное содержание понятия «свобода совести» раскрыто в ряде международных документов, среди которых Всеобщая декларация прав человека (ст. 18), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 18), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 9). Свобода вероисповедания может рассматриваться как частный случай свободы совести, поскольку последняя включает в себя как свободу религиозных убеждений, так и все виды религиозно индифферентных и атеистических убеждений. Свобода вероисповедания – право человека свободно определять и изменять свои религиозные убеждения, совершать предписываемые ими ритуалы, обряды и иные действия, открыто заявлять о своей вере. В современном российском законодательстве термины «свобода совести» и «свобода вероисповедания» используются обычно как устойчивое словосочетание. В некоторых международных документах содержание понятия «свобода совести» раскрывается более детально.

Так, в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981) в статье 6 говорится, что право на свободу мысли, совести, религии или убеждений включает, в част-

ности, следующие свободы: а) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей; в) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения; с) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями; д) писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях; е) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели; ж) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования; з) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений; и) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями; к) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях.

В российском законодательстве право на свободу совести закреплено в статье 28 Конституции РФ, установившей, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Эта же норма воспроизведена в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 3, п. 1). В этой же статье закона раскрывается еще ряд важных аспектов права на свободу совести: никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих. Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в т.ч. сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом.

Проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещаются. Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди. В международных документах и в российском законодательстве предусмотрена как недопустимость произвольного ограничения прав и свобод личности, в т. ч. права на

свободу совести, так и основания для их ограничения. Во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод установлено, что права и свободы могут быть ограничены законом, что и необходимо в демократическом обществе для обеспечения общественного порядка и безопасности, защиты основных прав и свобод других лиц. Аналогичное положение содержится в ст. 55 ч. 3 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». При этом в ст. 56 ч. 3, в частности, оговорено, что право на свободу совести не подлежит ограничению в условиях чрезвычайного положения. Для реального обеспечения права на свободу совести важное значение имеет законодательно закрепленный принцип равенства перед законом религиозных объединений и граждан, независимо от их убеждений и отношения к религии. Это служит гарантией против дискриминации, преследования или ограничения законных прав граждан и их объединений в связи с их отношением к религии.

Исторически формирование принципа свободы совести восходит к веротерпимости и к развитию свободомыслия. Веротерпимость как признание за личностью права исповедовать любую религию, как терпимое отношение к религиозному инакомыслию восходит к древнему миру. Идеи веротерпимости и свободомыслия в течение многих веков отстаивали свое право на существование в борьбе с религиозной нетерпимостью, догматизмом, претензиями господствующей церкви или религии на обладание монопольной истиной. Важными вехами в развитии веротерпимости в Европе стали Реформация и Просвещение. Ожесточенные религиозные войны, сопровождавшие Реформацию, привели к признанию необходимости искать способы мирного сосуществования конфессий. Просвещение XVIII в., ускорив процесс секуляризации и возвысив авторитет разума, во многом способствовало укреплению в обществе веротерпимости и дальнейшему развитию свободомыслия. Отличительной особенностью царской России было то, что, с одной стороны, сохранялось привилегированное положение господствующей церкви и действовали различные ограничения для других вероисповеданий, но в то же время меры против инакомыслящих были мягкими по сравнению с европейской инквизицией и религиозными войнами (исключение по массовости и жестокости составляли только репрессии против старообрядцев) х72ъ.

Укрепление начал веротерпимости, провозглашенное царским манифестом в 1905, и установление свободы вероисповеданий Временным правительством в 1917 сменились политикой Советского государства, которая при формально декларируемой свободе совести, по сути, являлась атеистической, направленной на изживание религии из общества. Подлинная реализация права на свободу совести стала возможна в нашей стране только после принятия 25 окт. 1990 Закона «О свободе вероисповеданий». Религиозные организации дают

различные оценки принципа свободы совести. В Декларации «О религиозной свободе», принятой II Ватиканским собором (1962-1965), используется термин «религиозная свобода», которая состоит в том, что никто не должен принуждаться действовать против своей совести или не лишался возможности действовать, в справедливых границах, по своей совести, как в частной, так и в общественной жизни, сам или в сообществе с другими. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» высказывается мысль о том, что «утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющем ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества».

Российская Федерация – одно из крупнейших многонациональных государств, где проживает 170 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры.

Настоящее и будущее нашей страны, ее развитие как демократического, правового государства, обеспечение национальной безопасности и сохранение территориальной целостности возможны только в условиях межнационального, межконфессионального мира и согласия.

Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В центре внимания государства и общественности стоят вопросы осуществления прав человека и гуманизации межличностных отношений. Данные проблемы тесно связаны с политическими, правовыми, нравственными процессами, происходящими в нашем обществе.

На практике реализация права на свободу совести зависит от законодательного обеспечения, соответствующего современному состоянию общественных отношений. Это подтверждает анализ исторического прошлого России, показывающий связь между отставанием процесса нормотворчества от требований практической реализации свободы совести и возникновением в этой связи многих проблем, не находящих должного разрешения. Только в 8090-х гг. XX столетия произошли существенные изменения: центр правотворчества переместился с декларирования прав и свобод граждан на фактическое обеспечение возможности их реализации. Первым шагом в этом направлении стало принятие Закона РСФСР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 года, который коренным образом изменил внешние взаимоотношения церковных организаций и государственных органов. Разрушив старый механизм государственно-конфессиональных отношений советского периода, не создал новый. Декларируя светский характер государства, Закон не предусматривал конкретных механизмов осуществления конституционного права граждан на свободу совести. В основном его суть сводилась к свободе вероисповеданий, тем самым игнорируя права неверующих граждан. Ситуация

усугублялась еще и тем, что отсутствовала четко разработанная концепция государственно-конфессиональных отношений, которая бы адекватно учитывала и отражала своеобразие современного политического процесса в Российской Федерации.

В 90-е годы на первый план практической деятельности выдвинулась проблема взаимодействия органов исполнительной власти с религиозными организациями в Российской Федерации. По данным государственного реестра религиозных объединений, на 1 января 2003 года зарегистрировано более 21 тысяч 450 религиозных организаций, около 70 конфессий. Для сравнения – в 90-м году таких организаций насчитывалось около 5 тысяч, и представляли они 19 различных конфессий и деноминаций. За последующие 20 лет количество их увеличилось почти в 6 раз, а следовательно, усложнились и стали более многообразными взаимоотношения религиозных объединений с обществом и государством. Сегодня трудно назвать сферу общественных отношений, которая бы не соприкасалась с отношением граждан к религии, с различными аспектами деятельности религиозных объединений и организаций.

Радикальные изменения политики Российского государства в вопросах свободы совести законодательно определил ныне действующий Федеральный закон от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и религиозных объединениях». Попробуем более подробно рассмотреть понятия, лежащие в основе этой политики [95, 97].

Угрозу стабильности в мире представляют различия и трансформации в сфере религий. Противоречивость религиозных взглядов, вызванная распространением и влиянием все растущего числа религий, испокон веков вносит беспокойства в развитие общества. Подобная тенденция прослеживается на всех уровнях взаимодействия общества и религии: мировом, региональном, национальном, локальном. «Например, со времени достижения независимости Нигерии произошли многие сотни беспорядков на религиозной почве. В то же время, с аналогичными проблемами сталкиваются страны, чья независимость имеет вековую историю»[97].

В настоящее время большинство людей в мире идеализируют светскую модель государства, и это, пожалуй, единственно правильная концепция. В действительности, если в той или иной стране устанавливается лишь одна национальная религия, то есть риск со стороны лидеров государства начать притеснения других добропорядочных религий. На самом деле, все уникальные религии мира имеют единую, общую суть, но по-разному выражены в зависимости от эпохи и места зарождения и других факторов. «Когда это религиозное разнообразие уважается, то оно только способствует оздоровлению общества. Но становясь объектом преследований, оно может привести к конфликтам и отрицанию религиозной свободы»[105].

Миллионы людей на земном шаре с очевидностью причисляют себя к определенной религиозной конфессии. Большинство из них являются последователями мировых религий, но есть множество религий в Азии, Африке, Америке и других регионах, исповедуемых меньшим количеством людей. И все эти

адепты религии обладают религиозными чувствами и ценностными ориентациями. Кто-то из них готов умереть за свою веру. Есть и те кто, способны убивать во имя веры, полагая, что их деструктивные действия продиктованы религиозными убеждениями. Поэтому можно утверждать, что «религиозные чувства являются наиболее сильными изо всех эмоций, которые только известны человечеству». Чувство долга, преданность, набожность могут быть довольно динамичными силами, к которым недопустимо пренебрежение, а, наоборот, необходимо использование их в конструктивных целях.

Несомненно, что значительной функцией религии является регулятивная, она поддерживает в обществе принципы морали и поведенческие стандарты. Религиозные ценности регулируют все сферы человеческой жизни. Религиозное экофильное мировоззрение способствует, в том числе, решению глобальных проблем, «проповедуя принципы гармонии человека и окружающего мира, уважения природных ценностей». Однако разрушение окружающей среды достигло невиданных масштабов за последние десятилетия. Это связано с вседозволенностью и снятием многочисленных табу в отношении природы и человека. Отдельные представители современного гедонистического общества, становятся способными на совершение все более аморальных, эгоцентрических поступков. Кроме атеистических общественных настроений имеет место и распространение квазирелигиозных синкретических направлений. Псевдорелигиозные чувства духовно незрелых людей могут иметь оттенки расизма, шовинизма или религиозной нетерпимости [105].

Американский психолог Гордон Оллпорт выделяет два типа религиозности: внешнюю и внутреннюю. Большинство людей придают особое значение внешним проявлениям религиозной жизни: ритуалистике, обрядовой стороне. Для них «религия – лишь способ достижения жизненных целей, внешних по отношению к самой религии». Такие люди чаще других склонны к конфликтным настроениям, напряженности и нетерпимости в отношении представителей других религий. «Их собственная внутренняя неуверенность заставляет их нападать на другие группы людей с целью уничтожения, подавления, или подчинения тех, кто не разделяет их религиозные взгляды». Их склонность не возвышать, не восхвалять, а подавлять других, действительно достойных людей, вызвана отсутствием братской любви, «любви к ближнему».

«Внутренняя» религиозность характеризуется преобладанием подлинных духовных интересов. Такие верующие – последователи религии, развивающие духовные качества, следуют всем канонам и заповедям религии, исходя из их глубинного смысла. Они не склонны к конфликтности и толерантны к представителям других вероисповеданий. Для них естественно «благоговеть перед жизнью», сострадать неверующим, замечать достоинства инакомыслящих. К ним относятся «те, кто проникает глубже, за поверхностные, эзотерические формы религиозности, находит великую общность и товарищество между всеми ищущими верующими и обнаруживает общую нить, связывающую все религии» [21].

Это нормально, когда верующие заявляют, что моя религия лучше всех,

так как все люди ценят свою веру, ибо она помогает и поддерживает их. Лидеры общества не должны насильно навязывать религиозные убеждения и притеснять атеистов. Они должны поощрять религиозную терпимость и разнообразие. Неразумно было бы отрицать разнообразие религиозного мира планеты. Существующее многообразие и одновременно единство религий мира можно сравнить с красивой симфонией, которая создается после тщательного подбора инструментов оркестра и одаренных мастеров музыки. Звучание лишь одного инструмента в руках исполнителей одинакового уровня не вызовет пиетета у окружающих. И, напротив, благодаря уникальности каждого инструмента и музыканта оркестра слушателям открывается вся гармония звуков симфонии. «Точно таким же образом различные расы, племена, народы и религии могут друг друга дополнять, способствуя тем самым увеличению возможностей каждого человека радоваться жизни на качественно более высоком уровне» [97].

Таким образом, несомненно, важно в современном обществе со всех точек зрения поддерживать стабильность и порядок. Конечно, это зависит от каждого из нас, но, в большей степени от лидеров в обществе. Если они поддерживают и поощряют религиозную терпимость, то тем самым обеспечивают устойчивое и стабильное развитие общества и мир во всем мире.

Проводя оценку осуществленных за последний период времени мер по развитию законодательства Российской Федерации о свободе совести, нельзя не отметить особое место религиозных организаций в сложившейся на сегодняшний день системе юридических лиц [47, 90,91].

Межконфессиональные и национальные конфликты, проникновение зарубежных миссионеров на территорию России, политизация религиозной жизни, создание экстремистских сект требуют адекватного совершенствования законодательной базы и дальнейшего развития взаимоотношений государственных органов и религиозных организаций на основе взвешенной политики в отношении религии, церкви, усиления государственного контроля за исследуемым законодательством.

Актуальным в решении проблем свободы совести является исследование государственно-правовых средств ее обеспечения, поскольку большее число правовых норм, регулирующих данные правоотношения, принадлежит именно этой отрасли права.

Поэтому значимость для Российского государства проблемы правового регулирования свободы совести и, в первую очередь, отношений государственных органов и религиозных объединений, с одной стороны, и недостаточная научная разработка этой проблемы в целом – с другой, определили выбор и направление настоящего диссертационного исследования.

Можно с полным основанием говорить о том, что к настоящему времени в РФ создана правовая база, необходимая для реализации свободы совести и деятельности религиозных объединений. Появилось большое количество правовых актов, включающих в себя положения, относящиеся непосредственно к сфере государственно-церковных отношений: законы, указы и распоряжения

Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные нормативные акты.

Обращение к системно-структурному анализу механизма государственно-правового регулирования свободы совести позволило исследовать его основные составные элементы, определить отправные теоретические аспекты и обосновать ряд научных положений. Благодаря этому удалось выявить ряд несовершенных норм и пробелов в законодательстве о свободе совести и деятельности религиозных объединений; сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства и внести следующие практические рекомендации. В частности, по нашему мнению, необходимо:

1. Законодательство Российской Федерации должно в большей мере стимулировать миротворческий потенциал религиозных объединений страны.

2. Органы государственной власти совместно с религиозными объединениями должны оказывать решительное противодействие национальному и религиозному экстремизму, используя для этих целей разработанные стратегии, в том числе направленные на усовершенствование законодательства и правоприменительной практики по предотвращению возникновения вражды и совершенствования насильственных действий по признакам национальной и религиозной принадлежности.

3. С учетом возрастающей роли органов государственного управления субъектов Российской Федерации в реализации государственной национальной политики обеспечить сохранение действующих структурных подразделений по вопросам национальной политики и вопросам взаимодействия с конфессиями, предусмотрев их образование в случае их отсутствия.

4. Необходимо продолжать практику заключения договоров и соглашений о сотрудничестве между органами исполнительной власти и религиозными организациями.

На исходе второго тысячелетия реализация прав и свобод человека продолжает оставаться не только научной проблемой, но и актуальной практической задачей. Важным компонентом в решении этой задачи является обеспечение подлинной свободы совести, формирование цивилизованных государственно-религиозных отношений [64].

Дальнейшая разработка теоретической модели свободы совести как универсального комплексного образования не имеет ничего общего с умозрительно-абстрактным конструированием. Она нацелена, прежде всего, на совершенствование государственно-религиозных отношений и практики обеспечения неотъемлемых прав человека. Теоретическая модель свободы совести призвана не только адекватно отражать существующие реалии, но и указывать перспективу развития процесса обеспечения этой свободы.

Характеризуемая с позиций комплексного подхода свобода совести предстает как универсальное образование, обладающее «мобильным» характером. Как право, гарантирующее индивидуальную свободу, самоопределение личности, беспрепятственный выбор ею различных вариантов поведения и действий по отношению к религии, проявляющее духовные интересы и потребности

личности, свобода совести включается в блок личных прав. Как нормативное измерение социокультурной деятельности человека, как культурная ценность, детерминированная характером и уровнем развития экономического строя, социума, свобода совести предстает как одно из прав в области экономической, социальной и культурной деятельности.

Данную свободу можно отнести к блоку прав в области государственной и общественно-политической жизни, так как она опосредует наиболее существенные отношения между властью, религиозными объединениями и гражданами в сфере государственно-конфессиональных отношений. Возможность включения свободы совести во все блоки прав и свобод личности обусловлена ее пограничным характером между частно-правовой и публично-правовой областями.

Многоаспектный и комплексный характер свободы совести, наличие в ее модели юридического, политико-идеологического, материального и других компонентов требует в процессе реализации этой свободы объединения и координации усилий самых различных структур: правоохранительных, административных органов, хозяйствующих субъектов, научных и образовательных учреждений, специалистов различных отраслей права.

Право на свободу совести, являясь универсальным правовым образованием, взаимодействует с широким спектром конституционных прав и свобод. Расширенная включенность данной свободы в систему прав и свобод личности обусловлена ее особым характером, связью как с интимным духовным миром человека, так и с материальными, политическими гранями правовой культуры.

Важнейшим системообразующим компонентом правового механизма реализации свободы совести являются принципы государственно-церковных отношений. В этом убеждает история этих отношений, их эволюция в России от государственно-церковного синкретизма до провозглашения светского характера государства. Реализация этих принципов в свою очередь зависит от соответствующих реальных гарантий (юридических, материальных и др.) и механизма их обеспечения.

На современном этапе нормативно-правовое регулирование свободы совести представляет внутренне взаимосвязанную, иерархичную совокупность правовых актов и норм, связанных с реализацией механизма правового обеспечения данной свободы в РФ. Сложившаяся ныне четырехуровневая система законодательства в целом, на наш взгляд, обеспечивает работу механизма практической реализации свободы совести и в индивидуальной, и в коллективной формах.

Некоторые юридические коллизии и «пробелы» в федеральном законодательстве могут разрешиться на уровне регионального нормотворчества. Принятие тех или иных законов на местах определяется и спецификой религиозной ситуации в регионе, и необходимостью оперативного регулирования обеспечения свободы совести. Безусловно, региональные законы не должны противоречить Конституции РФ, федеральным законам и принципам свободы совести.

В России ныне сложилась и действует система защиты прав граждан на свободу совести. Она включает в себя конституционные установления, нормы Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», соответствующие статьи УК РФ, ГК РФ, КоАП РФ. Главным достижением последних лет в сфере государственно-конфессиональных отношений можно считать создание конституционно-правовых условий для деятельности религиозных организаций.

Для более полного правового обеспечения гарантий реализации свободы совести современное законодательство должно более четко определять пределы вмешательства церкви в деятельность государства и наоборот. В равной мере следует защищать как государственные органы от действий религиозных организаций и их должностных лиц, связанных с вмешательством в деятельность властных структур, так и религиозные организации от действий государства, имеющих целью повлиять на характер учения и внутриуставную легальную деятельность. В этом направлении должно развиваться отечественное административное и уголовное законодательство в части судебного-правового обеспечения реализации гражданином его конституционного права на свободу совести.

Проведенное исследование правового обеспечения свободы совести в Российской Федерации дало автору основание сформулировать ряд выводов и предложений, которые могут быть использованы в практике государственного управления и правоприменительной деятельности:

1) Принципы свободы совести должны быть независимо от исторических зигзагов основополагающими в государственно-церковных отношениях. Всякое отступление от этих принципов, как показывает и прошлое, и настоящее, чревато серьезными политическими, социальными и нравственными издержками.

2) Политизация религии, как правило, приводит лишь к усилению вражды между представителями различных народов и конфессий. Попытки превратить, скажем, РПЦ или какую-либо другую конфессию в государственную религию не способствуют созданию атмосферы гражданского согласия, взаимопонимания как между верующими различных деноминаций, так и между верующими и атеистами.

3) Последовательное отделение церкви от государства, помимо прочего, препятствует политизации религии, исключая прямое или скрытое обращение властных структур, различных сил, движений, партий к той или иной церкви за поддержкой в политической борьбе, способствует обеспечению фактического равноправия всех конфессий.

4) Опыт прошлого и современная практика подтверждают исключительную роль государственных, правоохранительных структур в обеспечении свободы совести, светскости образования, в повышении уровня правовой культуры в целом.

5) Создание межконфессиональных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации следует рассматривать в качестве основной формы взаимодействия между органами государственной власти и религиозными объединениями на современном этапе в России.

6) Реализация права на свободу совести предусматривает создание равных правовых параметров, как для верующих, так и для свободомыслящих, атеистов и неверующих.

7) Повышению уровня правового обеспечения свободы совести способствовали бы следующие шаги:

- внесение соответствующих поправок в действующее законодательство, которые исключали бы всякую возможность для администрирования, дискриминации, ущемления прав верующих и неверующих;

- более четкая координация действий различных комиссий и советов, занимающихся вопросами свободы совести на федеральном и местном уровнях;

- изучение накопленного на местах опыта по реализации свободы совести, подготовка и издание соответствующих работ, основанных на региональных материалах;

- создание четкой концепции отношений государства и религиозных организаций, придание ей правовой формы и добиваться неуклонного ее выполнения;

- добиться единства законодательной базы в области отношений государства и религиозных организаций;

- поставить под контроль государства внецерковную деятельность религиозных организаций в той части, где затрагиваются или даже ущемляются интересы государства. Поскольку есть существенные налоговые льготы, выделяются значительные бюджетные средства и квоты, государство вправе проявлять интерес к этой, прямо скажем, потаенной сфере жизни религиозных организаций.

§ 4. Конфессиональная толерантность и поиски идентичности современной молодёжи

Миграция населения является неотъемлемым спутником модернизации экономики. Появление новых точек роста, основанных на инновационных формах производства, социальной коммуникации и организации жизни, нуждающихся в притоке новых специалистов, всегда сопровождается размыванием местных традиций, норм поведения и неписаных правил, сложившихся в региональном сообществе. Особенно болезненно ощущают на себе результаты миграции молодые люди до 25-27 лет, для которых миграция является вызовом их идентичности (этнической, региональной), а также источником конкуренции при занятии вакантных должностей в сфере малого бизнеса, рабочей среде, бюджетной сфере [105].

Основным источником интолерантности является не столько социальная неустроенность студентов и молодых специалистов, сколько связь социальных неудач с иммигрирующими в регион представителями «визуальных меньшинств», которые могут нести как реальную, так и воображаемую опасность для принимающего общества.

Как правило, отсутствие народоведческих знаний в общественном сознании, укоренившихся этнических стереотипов и негативные медийные образы лежат в основе социального отчуждения между мигрантом и принимающим

обществом. В связи с этим следует уделить особое внимание формированию и реализации программ по интенсивной интеграции мигрантов в принимающее общество.

Наиболее эффективными видятся инициативы, основанные на совместной деятельности обеих групп населения по обустройству территории совместного проживания. К ним могут относиться программа учреждения и поддержки ТСЖ в районах смешанного проживания коренного населения и мигрантов, организация обустройства ландшафта в сельской местности (вовлечение в строительство мостов, колодцев и иных удобств для равного использования обеими группами), организация смешанных групп ДНД и другие формы совместной некоммерческой деятельности.

Другим важнейшим направлением является организация целевых тренингов для работников правоохранительных органов и сферы образования, задача которых заключается в привитии навыков межкультурного взаимодействия. Для первых тренинги должны повысить эффективность работы с группами мигрантов по снижению этнической преступности, для вторых тренинги должны помочь привить учащимся знания об иных культурах и навыки общения с их представителями, т.е. повышение этнокультурной компетентности.

Также следует уделить внимание созданию службы этнопсихологов, которая, работая на телефоне доверия, была бы связующим звеном между ФСКН, вузами и населением, оперативно оценивала угрозы этнокриминала и этнонапряженности и вела внеследственный учет их проявлений.

Важнейшей задачей исполнительной власти является организация исследований в области социальной рекламы, качество которой далеко от европейских стандартов. Одним из недостатков тендерной системы является низкая стоимость заказа как условие выигрыша тендера. Это сказывается на низком качестве креатива (и использование устаревших ценностей «дружбы народов» и «многонационального богатства» для целевой группы, которая не застала ни «дружбы», ни «богатства» полиэтнических сообществ), отсутствии оценки продукта (организации общественного контроля, фокус-групп), ненадлежащем размещении или использовании связки «место размещения – форма размещения – места концентрации целевой аудитории». Вместе с тем изменилась сама фигура мигранта, и за этим изменением не поспевает социальная реклама, использующая старые месседжи и подходы.

Для мигрантов, ставящих своей целью переезд в принимающий регион на длительный срок, и их потомков необходимо разработать и внедрить программы формирования региональной идентичности, оттеняющей, но не исключаящей этническую идентичность. Задача этих программ – ограничение этнической мобилизации и формирования у этнически окрашенных групп негативных установок, связанных с коренным населением. Для этого необходимы как массовые работы с мигрантами второго поколения через распространение развивающих игр и иных видов информации (по технологии «от двери к двери», в обход диаспор; дифференцированной по возрастным группам и сопровождающей мигранта второго поколения на всем пути социализации), так и точечные

проекты поддержки наиболее стремящихся к интеграции мигрантов (через вовлечение в социальные и образовательные проекты).

Другая сторона интолерантности – это управляемость процесса, наличие агентов интолерантности, формулирующие социальное недовольство в терминах этнической нетерпимости и националистической идеологии. Согласно многим исследованиям, в основе привлекательности таких идеологий – размытость русской идентичности и отсутствие реальных незатратных механизмов ее поддержания. Это порождает ощущение ущемленности, этнофанатизм, нетерпимое отношение к этническим меньшинствам и русским, не входящим в состав сторонников националистических движений, претензии формировать этнические стандарты и выступать от имени всех русских [21,40, 64].

Поскольку законодательство о национально-культурных автономиях не может гарантировать реализацию этнокультурных потребностей русского народа в регионах с его преимущественным проживанием, следует обратить особое внимание на альтернативные возможности и гарантии поддержки культурных инициатив, формирующих русскую идентичность.

ГЛАВА 2. МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ И ПУТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

§ 1. Диалог как фактор гуманизации поликонфессионального общества

Современное цивилизованное гражданское общество все больше осознает необходимость расширения доброжелательного диалога с верующими и Церковью. Базой для такого диалога служит наличие общих интересов в решении насущных жизненных проблем, признание ценности общедемократических этических норм.

Диалог является существенным элементом человеческих контактов и имеет четко выраженную социальную природу. Ведь общение, как важнейшее человеческое свойство, появилось с возникновением общества и постоянно развивается, являясь фактором социального прогресса. Широкий диалог между государством, обществом и Церковью, между верующими и неверующими, в конечном счете, предполагает их конструктивное сотрудничество. При этом речь не может идти ни об идейной капитуляции, ни об эклектическом смешении взглядов, так как любая гегемония в обществе непременно приводит к катастрофе. Диалог предоставляет дополнительную информацию о позиции и деятельности партнера по диалогу и тем самым может содействовать снятию с него образа «демона», а также способствовать гуманизации общества. Однако для этого необходимо, чтобы все участники диалога были открыты к подлинному общению. Такая открытость возможна только в том случае, когда все участники диалога чувствуют себя равными, когда ни одна из сторон не пытается доказать свое превосходство над другой [118].

Опираясь на эти принципы, можно представить многоуровневую диалоговую систему, способствующую гуманизации общества, которая включает следующие диалоги:

- межцивилизационный;
- государственно-конфессиональный;
- межрелигиозный;
- общегражданский.

Остановимся на каждом из них подробнее. Межцивилизационный диалог, на наш взгляд, следует рассматривать в трех аспектах. С одной стороны значимость межцивилизационного диалога объективируется тем, что религиозный фактор, будучи широко представленным в практике международного общения, прямо или опосредованно влияет на многие социальные, духовные, нравственные установки, под воздействием которых формируется внешняя политика государств.

В Концепции внешней политики России подчеркивается, что «по мере преодоления сдерживающего воздействия биполярной конфронтации все более громко заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира. Возрастает значение религиозного фактора в формировании системы современных международных отношений, в частности их нравственного основания. Эту задачу невозможно решить без обращения к общему нравственному знаменателю, всегда существовавшему у основных мировых религий». Указы-

вается и организация, призванная «сыграть фундаментальную роль в налаживании полноценного межцивилизационного диалога, направленного на достижение согласия между представителями различных религий, конфессий и культур». Это Организация Объединенных Наций, где государства с разными моделями государственно-церковных отношений ведут межцивилизационный диалог.

С другой стороны, в социально-философском контексте религиозные объединения представляют своеобразную коллективность, выходящую за национальные и территориальные пределы каждого отдельного государства. По мнению кардинала Курта Коха, президента Папского совета по содействию христианскому единству, «только единая Церковь как плод экуменического диалога, сможет дать ответ на вызовы глобализации, ответ, подчеркивающий нравственную основу мирного сосуществования общества». И это актуализирует необходимость межцерковного межцивилизационного диалога, который ведут, например, в рамках самого крупного экуменического движения «Всемирный Совет Церквей» 348 христианских церквей из более чем 100 стран мира. Аналогичную задачу решает и Конференция европейских церквей.

В отличие от экуменической идеи христиан представители различных исламских течений реализуют идею сплочения мусульманского мира путем создания таких международных организаций как Конгресс исламского мира, Всеобщий исламский конгресс для Иерусалима, Лига исламского мира, Афро-Азиатский исламский конгресс, Организация Исламская Конференция и др.[8, 9, 64]/

Таким образом, можно выделить межгосударственный, межконфессиональный и внутриконтрессиональный межцивилизационные диалоги.

Говоря о развитии диалога государства с религиозным сообществом, отметим, что в постсоветской России официальное отношение государства к религии и к религиозным организациям как явлениям «пережиточным», сменилось признанием их в качестве реальной силы, позитивной оценкой их исторического вклада в формирование и развитие российской государственности и культуры.

Закономерно встает вопрос: «Существуют ли в современной России институты, которые проводят диалоговые мероприятия между представителями государства, общества и Церкви или же эти субъекты осуществляют друг против друга стратегии, то есть, технологии навязывания?». Отвечая на него, А. Шмелев указывает, что «институты диалога крайне слабы по сравнению со стратегическим давлением и взаимными подозрениями. Бурно развивается «конспирология». Имеющиеся у нас институты диалога находятся практически вне зоны публичности». На наш взгляд это объясняется тем, что в Российской Федерации нет государственного федерального ведомства или общероссийской общественной организации, которые бы в масштабах всей страны на постоянной основе выстраивали диалоговую систему, как по горизонтали, так и по вертикали. Более того, до настоящего времени государство четко не определило концептуальные принципы отношения властных институтов к сфере свободы совести и вероисповедания, о чем свидетельствует отсутствие концепции государственно-церковных отношений. Это привело к противоречию, вытека-

ющему из несоответствия между конституционно закрепленной либерально-демократической моделью государственно-конфессиональных отношений, предполагающей равноудаленность государства в отношении со всеми конфессиями, и меняющимся характером религиозности населения в сторону «проправославного консенсуса» [9].

Взаимоотношения с законодательной властью представляют собой диалог Церкви и законодателей по вопросам совершенствования общегосударственного и местного права, регулирующего вопросы, связанные с полифункциональной деятельностью религиозных объединений. В контактах с исполнительной властью Церковь ведет диалог по практическим вопросам жизнедеятельности данного социального института. В качестве примеров таких общероссийских диалогов можно назвать обсуждение вопросов, касающиеся налоговых льгот для, возвращения церковного имущества, более десяти лет дискутируемая проблема введения Основ православной культуры в общеобразовательных школах страны и др.

В формате «круглых столов» представители органов власти и конфессий регулярно проводят заинтересованные дискуссии с изучением практического опыта религиозных организаций по таким вопросам как реабилитация алко- и наркозависимых граждан, сохранение и развитие семейных ценностей, противодействие росту числа аборт, межконфессиональное согласие в контексте национальной безопасности и др. [105,107,116].

В последнее время осуществляется переход от диалога к сотрудничеству и партнерству. Оно происходит во многих сферах, начиная с законотворчества и завершая содействием со стороны государства религиозным объединениям в их благотворительной деятельности. Государство одобрительно относится к социальному служению религиозных объединений. Некоторые программы в этой сфере выполняются через различные формы сотрудничества государственных структур с религиозными объединениями. Причем сферы взаимодействия постоянно расширяются.

Межрелигиозный диалог является одним из инструментов достижения межконфессионального мира и согласия – идеальной цели развития общества. Как справедливо заметил А.А. Нуруллаев, «наиболее дальновидные религиозные деятели настоятельно поднимают вопрос о необходимости организации постоянного диалога между различными религиями (конфессиями) как на страновом, региональном, так и на международном уровнях. Они с полным основанием рассматривают такой диалог не только как способ обмена информацией, но и как средство формирования цивилизованных межконфессиональных отношений, которые открывают путь для успешного сотрудничества по проблемам, волнующим общество».

Сложность проблемы диалога между конфессиями, по мнению многих исследователей [118], заключается не только в усугублявшихся на протяжении веков вероучительных и организационных различиях, не только во «вписывании» конкретных конфессий в конкретные, зачастую противостоявшие друг другу, земные сообщества, но и в различной трактовке самого понятия «диалог».

В этой связи представляется весьма конструктивной идея о рассмотрении межконфессиональных отношений в контексте диалога культур, поскольку каждая религия исторически репрезентирует тот или иной тип культуры. Перевод межконфессионального диалога в плоскость культуры позволяет снять элементы острых догматических противоречий, религиозной исключительности и нетерпимости и содействовать обмену культурными ценностями, достижению взаимопонимания между различными религиозными и этноконфессиональными общностями.

Переживание общей исторической судьбы, воля и решимость жить вместе, уважая религиозные и национальные различия, формируют культуру диалога и этноконфессиональных отношений, повышают уровень взаимного доверия, которые не позволяют противоречиям перерасти в конфликт, дестабилизировать религиозную ситуацию.

Как указывает Л.С. Перепелкин, «в процессе диалога проговариваются (а тем самым как бы вытесняются из подсознания) взаимные обиды и претензии, выявляется круг общих интересов, разрабатываются коллективные цели и способы их реализации. Тем самым субъекты противостояния переходят на новый этап взаимоотношений, на котором происходит религиозная или этноконфессиональная демобилизация группы, а ее границы становятся проницаемыми для взаимообмена» [118].

Современная насыщенность конфессионального пространства и разнообразие его составляющих свидетельствуют о высокой степени религиозной свободы, достигнутой в регионе за годы демократических преобразований. При этом необходимо четко понимать, что различные конфессии, как правило, в более или менее категоричной форме говорят об исключительной правильности собственной доктрины и об ошибочности остальных, стремятся переубедить последователей иных учений.

Вера в истинность своего учения является высшей мировоззренческой ценностью для религиозных людей. Поэтому автор солидарен с учеными, которые предлагают говорить о достижении между конфессиями не согласия, а социального компромисса ради мирного сосуществования в обществе. Именно эту задачу призвана решать Межконфессиональная комиссия, созданная в 2011 году при Совете по вопросам религиозных и национальных объединений.

Проблемы терпимости в разных сферах общественной жизни, как и ее антипода экстремизма, становятся особенно актуальными в переходные, времена. Данная ситуация во многом характерна и для современной России. Сегодня нередко можно наблюдать, что этнические, религиозные и идеологические различия становятся поводом для экстремистских форм поведения, вызываемых как объективными факторами, так и действиями определенных политических сил, преследующих свои цели. Когда на этнические различия накладываются, как правило искусственно, идеологические и религиозные претензии, ситуация усугубляется и на поверхность поднимаются наиболее архаичные формы поведения: этническая или религиозная неприязнь, терроризм, упование на авторитарную политическую систему и т.п. М.С. Кудряшова считает, что «современная Россия, как лакмусовая бумажка, демонстрирует недостаток терпимости в

обществе. Именно поэтому необходимо выработать социальные программы, позволяющие использовать его конструктивный потенциал. В наше время, столь изобилующее разнообразными формами деструктивного поведения и агрессии, принцип толерантности, как реальный механизм в общегражданском диалоге между различными социальными субъектами, должен стать нормой морали» [103].

Как указывает С.Н. Булгаков, толерантность или «терпимость может быть добродетелью, и становится даже высшей добродетелью, чем нетерпимость, лишь тогда, когда она питается не индифферентным «плюрализмом», т.е. неверием, но когда она синтетически... вмещает в себе относительные и ограниченные полуистины и снисходит к ним с высоты своего величия, однако отнюдь не приравниваясь к ним, не сводя себя на положение одной из многих возможностей в «многообразии религиозного опыта».

Толерантность всегда лежит в основе диалога культур и цивилизаций. Это начальное условие сотрудничества народов на гуманистических принципах.

Чем менее демократично общество, тем более оно склоняется к тоталитаризму, к некоей ультра-национальной идее, которая позволяет расставить приоритеты и найти врага, с которым неизменно следует бороться. Именно в религиозной сфере сейчас особенно заметно наблюдается тенденция поиска врага. Таковым объявляются некие «тоталитарные секты». Агрессивная идеологизация некоторых СМИ, публикующих страшные материалы о «сектах» – тоже разновидность пропаганды насилия, насилия духовно-информационного. Неслучайно многие ученые называют отсутствие культуры толерантности главной проблемой современной России.

Многообразие форм религиозности в обществе делает крайне актуальной задачу формирования установок толерантного сознания, особенно в молодежной среде. Необходима система воспитательных и просветительских мероприятий, направленных на преодоление гражданского и культурного отчуждения и способствующих этноконфессиональному диалогу. Представители всех национальностей должны располагать возможностями для своего этнонационального и гражданского самоутверждения, развития культурной самобытности.

§ 2. Православие и толерантность

В данной главе хотелось бы дать обзор проблемам, связанным с идентичностью современной православной молодежи. В федеральном законе «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации», глава I, статья I, дано такое определение понятию молодежи: «молодежь (молодые граждане) – лица в возрасте от 14 до 30 лет». Исходя из этого, мы определим молодежь, как социальный слой, состоящий из людей от 14 до 30 лет. Теперь хотелось бы сказать несколько слов о том, что в молодежной культуре мы можем отнести к категории православного. Ответить на этот вопрос крайне сложно, в связи с огромным количеством его аспектов.

В настоящее время момент существует большое количество, как направлений творческой деятельности, так и самих молодежных течений, связанных с православием. Это может быть «православный» рок, фильмы с участием свя-

щенника и актера Ивана Охлобыстина, недавно вышедшие фильмы с Петром Мамоновым «Остров», «Царь», неформальные движения, политизированные молодежные течения, такие как «Наши» («Православный корпус» Б. Якеменко), разного рода монархические течения в стране, общественные порталы в интернете, и молодежные организации, функционирующие непосредственно при РПЦ. Здесь хотелось бы, насколько это возможно, наиболее полно осветить все связанное с православием среди молодежи.

Период с 1990 по 2010 год можно охарактеризовать, как период «информационной революции». Свобода слова, печати, развитие СМИ, развитие телевидения, интернет-сети и новейших технологий оказывают огромное влияние на массовое сознание и на сознание молодежи в том числе. Стали доступными многие, прежде недоступные вещи. В этом можно увидеть свои плюсы и свои минусы. Ведь иногда человеческая свобода переходит некоторые границы и становится вседозволенностью, что, безусловно, вызывает известную общественную обеспокоенность. Кроме того этот период охарактеризован частыми экономическими и социальными потрясениями, что в свою очередь отражается на молодежи, на ее настроениях и на ее жизни.

Посткоммунистический период развития России характеризуется определенным рода духовным кризисом, связанным с переоценкой ценностей. Это сильно отражается на настроениях общества, и прежде всего на настроениях современной молодежи. Молодежь здесь выступает своего рода индикатором общественных настроений как наиболее активная часть общества, она наиболее подвержена идеологическим влияниям.

Распад СССР привел к тому, что такие молодежные объединения, как пионерская организация и комсомол ушли в прошлое, оставив после себя некий идеологический вакуум, и та ниша, которую они занимали, соответственно, требует заполнения. В современной России остро стоит вопрос о молодежи, часть которой заполняет идеологическую пустоту наркотиками, алкоголем и сексуальной распущенностью, с чем связан рост преступности среди молодежи.

Согласно исследованиям ВЦИОМ, «более половины россиян (52%) сообщают, что за последние полгода жизнь в их населенном пункте стала опаснее, чем раньше (42% – скорее опаснее, 10% – безусловно опаснее). Чаще об этом сообщают жители Северо-Западного федерального округа (58%), а также уральцы и сибиряки (по 57%).

Между тем, 26% считают, что в их городе или селе обстановка стала безопаснее (21% – скорее безопаснее, 5% – безусловно безопаснее). Наиболее склонны к такому мнению жители Дальнего Востока (38%) и южане (37%). 22% затруднились ответить. Столичные жители наиболее склонны сообщать о том, что жизнь стала опаснее. Чем крупнее населенный пункт, тем чаще его жители сообщают о том, что за полгода жизнь стала опаснее: 38% селян против 75% москвичей и петербуржцев. Напротив, доля тех, кто отмечает повышение уровня безопасности в своем населенном пункте, возрастает с 6% среди столичных жителей до 35% среди селян».

Современность также ознаменована появлением разного рода молодежных течений – это «байкеры», «готы», «эмо», другие неформальные молодеж-

ные объединения, или политизированные течения, например – движение «Наши», или молодежные экстремистские течения, наподобие «скинхедов». Некоторая часть молодежи находит альтернативу этому в религиозных движениях, как сектантских, так и традиционных.

Возрастная психология рассматривает молодой возраст как период формирования социального статуса личности и устойчивой системы ценностей. Молодое сознание можно охарактеризовать восприимчивостью, оно способно в этот период к лучшему усвоению и переработке информации. Для молодых свойственны критичность мышления, некая его оригинальность, поиск аргументации, стремление дать всему собственную оценку. С другой стороны, на сознание молодежи происходит сильное воздействие общества, на нее воздействуют социальные установки и стереотипы. Человек в этот период не полностью сформирован и не до конца включен в систему общественных отношений. Это порождает внутренние противоречия – с одной стороны человек стремится к идентификации, к отождествлению себя с какой-либо группой, с другой – стремится обособиться, выделиться.

Говоря о молодежных движениях и религиозности среди молодежи можно отметить рост настроений связанных с православием.

Вообще период 1990-2010 гг. можно отметить, как период, связанный с ростом религиозных настроений. Православие же, как одна из самых традиционных российских религий, может выступать в роли своего рода «стержня», позволяющего молодым людям ориентироваться в информационном и идеологическом хаосе.

В этой связи, как полагают некоторые авторы, «...важно предложить молодым целостный мировоззренческий инструмент, с помощью которого они могли бы разобраться в окружающей действительности. В отечественной духовной культуре таким инструментом всегда были Божии заповеди, изложенные в библейском Десятисловии и созвучные священным текстам мусульман и буддистов. Обращение к десяти заповедям позволяет сформировать структурно целостный подход к реальности, когда каждый жизненный вопрос рассматривается не по отдельности, но в духовно-нравственной связи со всеми остальными. Подобный подход актуален не только для последователей традиционных религий, но и для любого современного человека, стремящегося выработать у себя целостное нравственное мировоззрение...»[72, 81]/

Основные положения доктрины РПЦ, посвященной молодежи, можно найти в программном документе «Основные положения концепции духовного развития человека», документ принят на конференции «Современная молодежь в Церкви: проблемы и пути их решения», прошедшей в Московском Даниловом монастыре в феврале 2005 года. В ней отмечено, что: «Высшие базисные ценности способны обеспечить важнейшее условие выживания России, как цивилизации – построение полноценного образа идентичности, который на сегодня во многом утрачен и только начинает восстанавливаться. Из проектируемой здесь системы ценностей проистекает императив целостности нашего прошлого – восприятия исторической России как непрерывности, как государственной, цивилизационной и национальной преемственности». В определении Архи-

ерейского Собора 2004 года о вопросах внутренней жизни Русской Православной Церкви особо отмечено: «Заботу и тревогу Церкви вызывает духовное состояние молодого поколения» (ст. 12). Собор указывает, что работа с молодежью должна быть приоритетом в деятельности всех церковных структур и каждого члена Церкви в отдельности.

В 2000-е годы к «православным» стали относить себя около 80% населения, и этих людей больше, чем тех, кто называет себя верующим. В октябре 2004 г. Отделом социологии политики и общественного мнения ИСПИ РАН проводилось общероссийское исследование религиозности населения. Оно подтвердило феномен современной религиозной ситуации, при котором число респондентов, называющих себя православными (а их около 76%), выше числа респондентов, определяющих себя как верующие (59%) Можно отметить, что «православие» большей части населения относится больше к сфере «православной» культуры, нежели к вере в Бога. Из этого можно сделать вывод, что они выказывают скорее свою культурную самоидентификацию [24, 37, 72].

Таким образом, можно вывести, что понятие «православный» шире понятия «верующий», потому что многие из назвавших себя «православными», верующими себя не признают. Вера в Бога распространяется медленнее, чем такое «православие». Такое «православие» находит своих сторонников даже из числа неверующих и атеистов. Данные за 2005 год показывают, что среди атеистов «хорошее» и «очень хорошее» отношение к православию – у 70%, тогда как «плохое» и «очень плохое» – у 10%.

Процент «воцерковленных» людей, т. е. процент реально верующих невелик – «70-75% – это всего лишь доля респондентов, на вопрос: «Относите ли Вы себя к какой-либо религии?» – ответивших: «Да, я себя считаю православным». Если считать православными «церковными» людьми тех, кто хотя бы один-два раза в год участвует в Таинствах исповеди и Причащения, то православных 18-20%» [47, 53].

Здесь важно отметить (это относится еще и к вопросу о «православности»), что «религиозное возрождение в России» на данный момент зачастую носит поверхностный и «идеологический» характер, не затрагивает основ. Религиозность основной части населения крайне поверхностна. Людей, верующих по настоящему, очень мало, и неизвестно, сможет ли «словесная» религиозность впоследствии трансформироваться в настоящую.

Православная религиозность быстро возростала с 1991 по 1993 год, хотя этот рост начался ранее, году в 1989. В период 1993-1996 гг. происходила «стабилизация» нарастания религиозных настроений. А с 1996 по 1999 год можно отметить еще одну волну прироста среди религиозного населения]. Социологи отмечают, что «хорошее отношение к РПЦ, доверие к ней и выбор хороших качеств для характеристики православных священников имеет в громадной мере «априорный» характер, поскольку в какие-либо контакты с РПЦ вступает крохотное меньшинство».

Надо отметить, что мировоззрение современной молодежи складывается в условиях конкуренции и противоборства двух социальных процессов – про-

цесса секуляризации, связанного с утверждением нерелигиозных идеалов и ценностей, и процесса усиления роли и влияния религии на жизнь общества. Исследователи отмечают, что «приходится констатировать, что религиозность значительной части молодежи является номинальной».

Религиозная молодежь так же, как и нерелигиозная в своем большинстве ориентирована на ценности секулярной жизни. Стремительный рост номинальной религиозности среди учащихся ориентирован прежде всего на традиционные для той или иной этнокультурной среды конфессии: у русских – православие, у татар – ислам и т.д. В их сознании конфессиональная принадлежность отождествляется с этнической».

Для современной молодежи характерным является отрицательное отношение к атеизму. Причинами этого служат отчасти представления о реальной борьбе с религией в коммунистический период, отчасти вульгаризированные представления о атеизме, сформированные общественным сознанием. Своеобразно отражается в молодежном сознании и процесс национально-религиозного возрождения – зачастую национальное и религиозное отождествляются.

Важно отметить еще одну тенденцию – часть общества утратило социальные надежды по отношению к РПЦ. В начале 90-х с РПЦ многие связывали надежды на социально-политические преобразования, но к ближе к концу 90-х в силу тех или иных причин эти ожидания оказались неактуальными. Не смотря на это, авторитет РПЦ продолжает расти [18].

Можно также обратить внимание на «эклектичный характер содержания религиозных верований значительной части молодежи, назвавшей себя верующей. Традиционные атрибуты религии – незыблемость догматов, на основе которых покоится та или иная религия, ритуалы, священные предметы – не имеют существенного значения в представлениях молодежи. Главный атрибут религии – вера в существование Бога – также оказывается размытым. Нередко Бог отождествляется с нравственным законом, совестью».

Таким образом, многие признаки «религиозного возрождения» большей частью малозаметны, и несерьезность самоидентификации основной части населения очевидна.

Кроме этого, государство не выработало четкой политики в этой области, и не существует четких общественных оценочных рамок, применимых к данной сфере. Отмечается «низкая методологическая культура тиражируемых средствами массовой информации публикаций, очевидная, порой, предвзятость и ангажированность их содержания».

Отдельно хотелось бы осветить взаимодействие РПЦ и различных молодежных неформальных и политических движений. Неформальные молодежные течения – это благодатная почва для миссионерской деятельности РПЦ. Проповедь среди байкеров, хиппи, панков, и т. д., широко освещалась нашей прессой, как СМИ, так и в интернете (см. Патриарх и Ночные Волки, множество других схожих статей).[84,85,86]. Отношение к молодежным неформальным движениям на данный момент двояко – с одной стороны, молодежь вызывает множество нареканий (начиная от обвинений в излишнем национализме и заканчивая скандалами с голыми девицами, которые являются на крестный ход с хоругвя-

ми). Хотя, с другой стороны, еще помнятся те времена, когда именно из рок- и контркультуры в РПЦ пришло масса людей.

На данный момент проводится множество разных рок-концертов с участием и проповедями священников (диакон Андрей Кураев на концерте «Рок-к-Небу»). Кинчев и Шевчук, официально приняли православие и участвуют в рок-концертах, на которых открыто пропагандируют православие. Сейчас в прессе часто можно увидеть упоминание о том, что какой-либо музыкант или деятель рок-н-ролла принял православие. Проводятся рок-концерты и различные мероприятия, байкеры участвуют в крестных ходах и охране фестивалей.

Некоторые православные видят в этом угрозу: «Лично меня поражает то, что некоторые представители Церкви ведут себя, право, нерассудительно. Вместо того чтобы противостоять западной волне, разлагающей нашу молодежь, они активно участвуют в этих так называемых тусовках и всячески их поддерживают» [10].

Здесь проблему составляет и то, что новые религиозные движения с большим размахом пользуются неформальной молодежью и открыто используют в своей проповеди рок-музыку и открыто идут на контакт с неформальными молодежными объединениями. В рамках духовно-нравственного воспитания и борьбы с деструктивными религиозными сектами РПЦ сотрудничает с государством, и соответственно, с неформальными молодежными объединениями ей часто приходится иметь дело и участвовать в рок-концертах.

Хотя существует мнение, что то, что сегодня называется миссионерством и испытывает вал агрессивной критики – это лишь частные инициативы отдельно взятых активных клириков и мирян, все имена которых мы хорошо знаем... Поэтому никакого «центрирования миссии вокруг субкультур нет».

В Поморском госуниверситете проводилась дискуссия, посвященная неформальным молодежным субкультурам. На конференции говорилось, что субкультуры вносят свой вклад в растление молодых людей и что «спустя время мы рискуем получить из сегодняшних «эмо» и «готов» целое поколение социальных неудачников».

На данный момент можно только с точностью отметить, что байкеры, рокеры и другие неформальные молодежные объединения зачастую участвуют в акциях в поддержку РПЦ, и Церковь часто идет с ними на контакт, и тоже, в свою очередь, часто посылает миссионеров для участия в каких-либо молодежных неформальных акциях и рок-концертах [51,54,55].

К числу этих же проблем можно добавить недовольство деятельностью молодежных политизированных течений (например, деятельностью «Православного корпуса» движения «Наши» Б. Якеменко), которые производят акции и рок-концерты в поддержку своих позиций.

Множество православных остаются недовольными поведением и отношением молодежи к православию, т.к. субкультурные, и, вообще, молодежные движения зачастую не соблюдают этических норм православия. Недовольство вызывает низкий культурный уровень проповедей и низкий культурный уровень тех, кто участвует в подобных акциях.

Недовольство вызывает смесь политики и религии, участие в акциях политического, идеологического, и даже в акциях, происходящих на фоне событий внутри самой Церкви. Оппозиция и СМИ часто пользуется в своих материалах подобного рода критикой, т. к. в подобных «акциях» к этому можно усмотреть повод. К этому можно прибавить, что сами «церковные» люди, считают, что участие в таких мероприятиях часто является бездуховным и невозможно без благословения соответствующего церковного сана или духовенства.

Выше уже говорилось о том, что на данный момент, для многих людей православие является скорее объектом «культурной» самоидентификации, по принципу «я – русский, значит – православный». На почве этого возникают опасения, связанные с молодежными политизированными течениями, которые касаются роста национализма среди молодежи. Культурная и национальная самоидентификация здесь выступает в качестве одного из методов пропаганды. Например, РНЕ зачастую выступает в поддержку православия для пропаганды национализма, пользуется православной символикой и официально объявляет, что является «православной патриотической организацией».

Кроме этого существуют различные неокказаческие движения, зачастую связанные с организациями правозащитного толка. Среди прогрессивно и про-западнически настроенной публики это вызывает глубокое недовольство, в связи с этим возникает масса публикаций, в которых пишут, что РПЦ неофициально потакает националистам.

Кроме этого РПЦ обвиняют в юдофобии (ненависти к евреям) и т.д.

А. Верховский пишет: «Так сложилось, что обвинения в национализме из всех основных религиозных объединений чаще всего обращены к православным, к Русской православной церкви. Но на уровне доктрины РПЦ как организация не только не проявляет, но и прямо отвергает национализм. И на практике руководство РПЦ, равно как и других «лидирующих религиозных организаций», не позволяет себе националистических заявлений»[21].

Государство же уповает на РПЦ как на помощника в приостановлении межнациональной вражды и розни, т. е. духовно-нравственное воспитание молодежи в духе православия должно быть направлено на то, чтобы не возникало экстремистских и националистических настроений. Киммо Каарияйнен и Дмитрий Фурман пишут про существующий в России, так называемый, «православный консенсус», который обычно проявляет себя в России именно в условиях кризиса: «Потребности массового сознания и доминирующие идеологические течения приводят к быстрому установлению в обществе «православного консенсуса»... «Хорошее» и «очень хорошее» отношение к православии становится прочным и «безусловным» отношением подавляющего большинства, практически всеобщим...»[47]/

Православие воспринимается молодежью скорее не как признак религиозной самоидентификации, сколько ассоциируется с исторически сложившимся образом жизни, естественной культурной средой, в которой социализируется молодежь». Кобзева Н.А. в своем исследовании охарактеризовала массовую молодежную религиозность, как некую «полусознательную веру» «Правосла-

вие» этих людей находится в прямой связи с их национальной и культурной идентификацией. Молодежь же, как своего рода «индикатор общественных настроений», здесь себя естественным образом проявляет [72].

В заключение хотелось бы сказать, что РПЦ (как отмечалось выше), сейчас, является тем институтом, которому средний россиянин доверяет более всего (еще раз повторюсь, что доверие к РПЦ, стоит на втором месте после доверия к президенту). «67% доверяют РПЦ, 63% считают, что она дает исчерпывающие ответы на «духовные запросы людей», более того, 36% – за запрет публичных выступлений против религии, 22% – за изъятие из библиотек антирелигиозных книг, но при этом в личного Бога верят только 19%!»

Здесь важно заметить, что сейчас сотрудничество с РПЦ является одним из направлений политики государства, и РПЦ участвует во многих социальных, воспитательных и других программах. Так как РПЦ является одной из традиционных конфессий, то ее роль во многих сферах жизни нашего общества сложно недооценить. Для современной молодежи Церковь является своего рода нравственным и идеологическим ориентиром (хотя религиозность молодежи, как мы видим, зачастую бессознательна и поверхностна), что позволяет молодежи (пусть и медленно) воцерковляться и участвовать в православных молодежных программах. Это позволяет надеяться, что православное воспитание является важным и для воспитания «невоцерковленных» молодых людей, даже если не говорить о той малой части молодежи, которая постоянно участвует в церковной жизни и посещает храмы.

§ 3. Россия и исламский мир: основные проблемы и перспективы сотрудничества

Мы намерены активно работать с новыми властями арабских стран, чтобы оперативно восстановить наши экономические позиции... Вижу реальные предпосылки, чтобы Россия в полной мере сохранила свои ведущие позиции на ближневосточной арене, где у нас всегда было много друзей.

В. Путин

Начало XXI века – время особенное. Окончание «холодной войны» и распад СССР способствовали радикальным изменениям на геополитической карте современного мира. Возникновение монополярного мира и нарушение прежнего баланса сил способствовало коренному пересмотру большинством государств своего внешнеполитического курса. Вместо канувшей в небытие «коммунистической угрозы» для оправдания собственных захватнических планов заокеанские аналитики ловко подсунили мировому сообществу нового вымышленного врага – «исламский терроризм». В 90-е годы XX века США попытались реализовать модель однополярного мира. Для недопущения реализации подобной стратегии России необходимо укреплять связи с исламскими странами.

Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна, имеющая богатый исторический опыт сосуществования различных культур и раскинувшаяся на бескрайних евроазиатских просторах. Образно она представляет собой мост между различными цивилизациями (западной и мусульманской). Раз-

витие сотрудничества с исламским миром – один из важнейших приоритетов внешнеполитической доктрины РФ. Россия играет важную роль для самых разных мусульманских народов мира – от Ирана до Палестины. Диалог различных цивилизаций (западной и исламской) имеет особое значение для укрепления политической стабильности на международной арене.

В настоящее время наблюдается активный процесс сближения России со странами исламского мира. Динамика развития этих отношений на современном этапе вышла на новый уровень.

Важнейшими предпосылками сотрудничества РФ и стран исламского мира являются:

1. Географическая и культурная близость. Исламская цивилизация являлась самым главным источником знаний, изобретений и научного прогресса. Она способствовала Возрождению и Просвещению в Европе. Российские мусульмане внесли весомый вклад в сокровищницу отечественной истории и культуры.

2. Общность исторических ценностей на определённых этапах исторического развития наших стран. Для Ислама и Православия характерна устойчивая готовность к сосуществованию, основой которой являются близкие духовные ценности, несмотря на имеющиеся различия в вероисповедании.

3. Цивилизационные связи со странами исламского мира. На современном этапе развития постепенно укрепляющаяся Россия всё лучше осознаёт значение подобного сотрудничества. Исторические отношения Руси с Ближним Востоком уходят своими корнями вглубь веков – в домонгольскую эпоху. Многие обычаи, кухня, одежда, искусство, архитектура испытали на себе влияние арабо-мусульманского мира, ордынско-татарской культуры.

4. Наличие и переплетение общих интересов: политических, экономических, культурных.

5. Возрастание роли мусульман РФ в общественно-политической жизни нашего государства. Кроме того, они одновременно являются частью мировой исламской уммы.

6. Целый комплекс геополитических факторов, которые способствуют тому, что Россия и исламский мир заинтересованы друг в друге.

Российское руководство осознало изначальное мусульманское присутствие в России, восходящее своими истоками к VII веку в отдельных регионах России. Особенно насыщенными и активными отношениями нашей страны и исламского мира были во времена имперской России. Очень хорошими были они и во времена правления Хрущёва и Брежнева, активное сотрудничество существовало в период «холодной войны».

Невозможно построить современную, сильную и неделимую Россию, если не опираться на созидательный потенциал Ислама. Поэтому необходимо развивать тесное сотрудничество исламской уммы с государством и с другими религиями, создавать гражданское общество.

За последние годы геополитическая доктрина РФ претерпела существенную трансформацию. Отношения России и стран исламского мира получили

новый импульс в период правления Президента РФ Владимира Путина. В последние годы при его личном усердии Россия стала хорошим партнёром для исламского мира. Российское руководство налаживает сотрудничество со странами мусульманского мира. Ведь они являются естественными стратегическими союзниками нашей страны.

Владимир Путин в своих заявлениях неоднократно выступал против модели монополярного мира, к реализации которой так стремятся США. Особенно показательной в этом аспекте была его речь на Мюнхенской международной конференции по безопасности, которая состоялась в феврале 2007 года, после которой журналисты, политологи и общественные деятели даже заговорили о новом этапе «холодной войны».

В 2005 году Россия вступила в Организацию Исламская конференция (ОИК), объединившую 57 стран с населением 1,5 млрд. человек, в статусе наблюдателя, что было подтверждено решением X мусульманского саммита. Главу ОИК Экмелетдина Ихсаноглу во время его визитов в Россию встречают в Кремле как желанного гостя. В своём выступлении на саммите ОИК в Малайзии В. Путин назвал процесс сотрудничества «сближением с исламским миром».

15 февраля 2007 года наша Россия вступила в отраслевую структуру ОИК – ИСЕСКО (исламская ЮНЕСКО). После этого был предпринят значительный ряд шагов, которые были направлены на расширение взаимодействия России и исламского мира. Учреждены телеканал «Россия сегодня» на арабском языке, Центр арабских и исламских исследований, Фонд поддержки исламской науки, культуры и образования. Очень важную роль играют Группа стратегического видения «Россия – исламский мир» и Совет муфтиев России, который является деятельным и инициативным участником российско-исламского диалога и ответственным партнёром российского государства.

РФ заинтересована в развитии и углублении отношений с мусульманскими странами и сообществами Европы, Азии и Америки. И в настоящее время Россия готова к эффективному, плодотворному сотрудничеству с исламским миром. Об этом свидетельствуют визиты Президента РФ Владимира Путина в Саудовскую Аравию, Иорданию, Катар и в другие страны исламского мира; особые позиции РФ по иранскому досье, в вопросе по Палестине, по Сирии и по другим внешнеполитическим вопросам. Россия отклонила резолюцию ООН по Сирии и выступает против насильственного решения сирийской проблемы. Развитие сотрудничества РФ с исламским миром соответствует национальным интересам нашей страны.

Россия принимает миротворческие меры по снижению напряжённости в горячих точках Ближнего Востока (Палестине, Ираке, Сирии). В последние годы активизировались контакты России с организацией ХАМАС, которую на Западе называют террористической организацией. А позиция РФ против вторжения американских вооружённых сил в Ирак в 2003 г. способствовала тому, что возросло доверие к нашей стране во всём мусульманском мире.

Кроме того, у России есть позитивные внутренние наглядные примеры сотрудничества исламской уммы всего мира. В настоящее время активно раз-

виваются связи мусульманских регионов России с исламскими странами. Наиболее показательными примерами подобного сотрудничества являются Татарстан, Дагестан, Башкортостан и возрождающаяся после двух тяжёлых войн Чеченская Республика. Президенты данных субъектов РФ совместно с лидерами страны участвуют в международных встречах и принимают у себя гостей из исламских государств.

Все эти меры способствуют укреплению позиций РФ в исламском мире и улучшению его отношения к нам. Ведь известно, что мнение граждан арабских государств о нашей стране было омрачено предубеждениями и стереотипами советской эпохи.

В настоящее время Ислам играет важную роль во внешней и внутренней политике РФ. Он является неотъемлемой составной частью российской государственности, истории и культуры. Численность мусульман в нашей стране составляет от 25 до 35 млн. (12-15% населения РФ), которые представляют 57 народов. Причём это число постоянно растёт.

Но нельзя сказать, что в сфере отношений России и исламского мира всё идеально. Ситуация осложняется наличием ряда проблем на пути сближения с мусульманскими странами:

1. Внешние проблемы – исламофобия и ксенофобия, которые являются следствием работы СМИ, некомпетентно или с предубеждением освещающих многие межконфессиональные темы.

2. Внутренние проблемы – трудности переходного периода. Сюда относятся такие социально-экономические проблемы, как миграция и безработица. Они способствуют тому, что у населения рождается взаимное недоверие, а невежественные люди пытаются искать врага в человеке другой расы, этноса или конфессии.

3. Отсутствие чётко определённой государственной политики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в стране. К сожалению, у российского руководства России отсутствует ясная национально ориентированная идеология, или, как её ещё называют, национальная идея, которую можно было бы противопоставить Западу. Негативную роль играет разрушительная и антирелигиозная работа в сфере СМИ. Целью деструктивных сил Запада является разрушение моральных (исламских, православных) и традиционных основ жизни российских народов, столкновение религий и наций. И все это делается для того, чтобы управлять нашей страной. В науке данная теория получила название «управление через хаос и конфликты».

4. Исламская наука России испытывает на себе влияние арабско-мусульманского мира, что само по себе является позитивным аспектом. Но парадокс заключается в том, что данный процесс является односторонним. Ведь ни для кого не секрет, что наших известных отечественных учёных в арабском мире мало кто знает. В этом аспекте большую роль может сыграть телеканал «Россия сегодня», который транслируется на арабском языке и может способствовать познанию арабами наших учёных.

5. До сих пор не прекращаются информационные атаки на Ислам и принимаются систематические меры по всесторонней ценностной переориентации населения и размыву культурно-цивилизационной идентичности.

США пытаются оказать влияние на политические режимы и поэтому возвращают собственные креатуры в различных странах Азии и Африки. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что национальные валюты привязаны к американскому доллару и, таким образом, зависят от него. Кроме того, Запад старается выкачивать ресурсы из России и стран исламского мира, что является зримым отражением внешней политики США.

В последнее десятилетие продолжается методичная эксплуатация Западом (США и Великобританией) фантома «международного терроризма» для раскола исламской уммы и реализации принципа «разделяй и властвуй». США применяют грубую военную силу по собственному усмотрению и при этом совсем не считаются с международными институтами с целью смены политических режимов и насильственной трансформации отдельных мусульманских стран. Вестернизация (воздействие западных ценностей, норм, образцов поведения, элементов западной массовой культуры) направлена на разрушение традиционной мусульманской нравственности. И это неслучайно. Ведь глобализация – это серьёзная угроза самобытности стран, основой которых являются религиозные ценности и традиционный уклад жизни.

Сущность американского сценария управления странами третьего мира заключается в провоцировании конфликта между Россией и исламским миром, Исламом и Православием, между разными течениями Ислама, мусульманами и сотрудниками правоохранительных органов внутри России.

Несмотря на то, что некоторые страны исламского мира развивают теснейшие военно-политические, торгово-экономические, финансовые связи с США, Запад, и в первую очередь Америка, воспринимается их жителями негативно, что отнюдь не случайно. В основе подобного отношения лежат следующие причины:

1. Американско-британская интервенция в Ираке в 2003 г., предпринятая по сфабрикованным обвинениям.

2. Нестабильность в Афганистане.

3. Дискриминация мусульман в некоторых странах Европы.

Российской мусульманской элите (политикам и журналистам, богословам и учёным, бизнесу и интеллигенции) необходимо решить следующие стратегические и тактические задачи:

1. Укрепление России как многонациональной, поликонфессиональной и суверенной державы, способной дать отпор угрозам с Запада. Она должна стать высокообразцовой страной с развитыми традициями толерантности, уважать Ислам и другие религии, развивать тесные дружеские отношения со странами исламского мира и сыграть позитивную роль в успешном разрешении сирийского кризиса.

2. Разработка собственной национальной идеи, стратегии возрождения нашей страны, противостояние агрессивному натиску прозападного лобби в РФ.

3. Расширение взаимовыгодного сотрудничества российской мусульманской элиты с Всемирным союзом исламских учёных.

4. Налаживание взаимодействия некоммерческих организаций и СМИ.

5. Расширение сети научно-проектных, образовательных и информационно-коммуникационных центров.

6. Недопущение исламофобии в России и на Западе. Для этого необходимо проводить систематический мониторинг и использовать социологический метод контент-анализа СМИ. Кроме того, необходимо применять меры воздействия, в том числе публичные и правовые, на политиков и журналистов, разжигающих межнациональную и межконфессиональную рознь.

7. Проведение реформ по приведению стандартов образования в соответствие с вызовами современности.

8. Учреждение СМИ и информационных агентств по изучению опыта идеологического противника РФ (ТВ-компаний).

Отрадно, что интеллектуальные и политические круги России и других стран мира понимают губительность курса, навязываемого США всему миру. Они говорят о необходимости налаживания партнёрского диалога политическими силами, выступающими против мировой «закулисы». И самым главным союзником России в этом вопросе является исламский мир.

Интересно отметить, что подходы РФ и мусульманских стран совпадают по самым разным вопросам мирового развития. Сотрудничество России с исламским миром играет очень важную роль, потому что оба противостоят модели однополярного мира, которую навязывают США.

Мусульманский мир заключает в себе громадный стратегический потенциал: политический, экономический, культурный, людской, природный, географический. Поэтому развитие взаимовыгодных связей России с исламским миром в рамках служения человечеству приведёт к возникновению крупного мирового альянса, который будет способствовать всеобщему миру и прогрессу.

Позитивное отношение России к мусульманским странам на современном этапе способствует развитию двусторонних отношений, защите прав человека, предотвращению нарушения сложившегося равновесия в мире, сохранению мира и безопасности.

Основной геополитический выигрыш России от сближения с исламским миром заключается в возможности установления нового мирового порядка, основой которого является баланс сил и интересов, в недопущении однополярности, которую навязывают США. Кроме того, увеличивается число союзников и партнёров РФ. Следовательно, появляются новые возможности по отражению мировых угроз и вызовов. Наконец, это важный шаг на пути к осознанию Россией своей уникальной идентичности, в которой Ислам играет значительную роль.

Таким образом, сотрудничество России и исламского мира – это не предмет политической конъюнктуры, а важный фактор по установлению справедливого миропорядка и поддержанию межконфессионального мира на нашей спокойной планете. Необходимо дальнейшее укрепление и развитие разносторонних взаимоотношений между РФ и исламским миром. Подобное сотрудничество отвечает интересам нового мироустройства, безопасности, всеобщего

мира и согласия. Поэтому проблема сохранения культурно-цивилизационного многообразия, развития традиций толерантности и налаживания конструктивного диалога представителей различных культур в современном быстро глобализирующемся мире приобретают особую остроту и актуальность. Только партнёрский диалог цивилизаций, их дружба и союз – единственно правильный путь, который поможет человечеству совместно разрешить международные проблемы и нейтрализовать опасные вызовы современности. Активная самостоятельная политика России в мире, развитие её сотрудничества с исламским миром являются объективным фактором международной стабильности, решения глобальных проблем, которые являются общими для всех народов и государств.

Надо помнить, что отношения между христианством и исламом, между крестом и полумесяцем, всегда складывались непросто. С самого начала они выступали как соперники, хотя осуществлялось и плодотворное культурное сотрудничество, которое, как это ни парадоксально, было чрезвычайно активным в период крестовых походов. Даже названия некоторых наук (алгебра) достались Западу от арабов, через мусульман европейцы получили многие достижения античной мысли.

По Библии, Измаил, родоначальник всех арабов, ныне составляющих ядро мусульманских народов, был сыном Авраама от Агари, египтянки. Отсюда именование «агаряне» в русской религиозной традиции: «Даровать одоление на агарян». Агарь не была оставлена Господом – ей явился Ангел Господень и сказал: «...Умножая, умножу потомство твое, так что нельзя будет и счесть его от множества» (Быт. 16: 10).

В Коране упоминаются многие библейские персонажи: Нух (Ной), Ибрагим (Авраам), Юсуф (Иосиф) и другие. Знает ислам и Иисуса (Иса). Говорят, что упоминания одних и тех же лиц в священных книгах христиан, иудеев и мусульман, являются точками соприкосновения и могут служить мостом для сближения ислама с христианством и иудаизмом. Едва ли это так. Совпадения имен мало, в Коране знакомые по Библии персонажи имеют совсем другое значение. Главное, отрицается божественность Иисуса, но не утверждается и божественность Мухаммеда. (Желающим составить представление об исламе можно порекомендовать недавно вышедшую книгу Джона Гилкреста «Мухаммад и его книга»).

Иногда религии, признающие праотца Авраама, называют религиями авраамовой традиции, имея в виду иудаизм, христианство и ислам. Вот что говорит Коран (сура «Паук») об отношении к «людям Писания»:

*Не спорь с людьми Писания,
Зови их красотой вещаний,
Но лишь того зови,
Кто не наносит зла.
Ты им скажи: «Мы верим в откровенье,
Ниспосланное нам и вам,
Един наш Бог и ваш,
И лишь Ему мы предаемся.*

(Перевод В. Пороховой).

Не только Коран, но и хадисы, повествующие о речениях и деяниях Мухаммеда, содержат высоконравственные наставления. Вот пример хадиса: «Если кто-то столкнется с несправедливостью, пусть он выступит с оружием в руках против нее, если нет таких сил, то пусть он открыто выскажется против, если же и это он сделать не в силах, то пусть он заключит эту несправедливость в своем сердце. Но это будет слабейшим из проявлений веры». Хадисы повествуют не только о том, что пророк сказал или сделал, иногда говорится, что при нем делалось или говорилось то-то и то-то, а он промолчал. Стало быть – не запретило, стало быть, это действие или суждение считается разрешенным.

Еще в VII веке мусульман постигло разделение: после смерти Али, четвертого праведного халифа (двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда) одни (шииты) стали считать только его потомков законными наследниками и духовными преемниками пророка, другие же (сунниты) полагают, что имамом, духовным и светским руководителем, может быть любой мусульманин, избираемый или назначаемый людьми.

Ислам не знает различия «кесарева и Божия» и, соответственно, светской и духовной власти – это сугубо христианский принцип, и навязывать его мусульманам никто не вправе. Но это означает, полагают некоторые мусульмане, что власть должна стремиться к распространению ислама – в том числе и вооруженным путем. Умма, община мусульман, должна расширяться и не может сокращаться – за это они несут ответственность перед Аллахом. Иногда мусульмане делят мир на Дар ас-сулх – «дом мира», где торжествует ислам, и Дар ал-харб, «дом войны», где живут неверные гяуры или кафиры, подлежащие завоеванию. Отсутствие прямых военных действий считается перемирием.

В России часто говорят о ваххабитах как об исламских фанатиках. Это не совсем так: ваххабиты – последователи Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба, жившего в Аравии в XVIII в. Ныне Саудовская Аравия официально исповедует ваххабизм. Ваххаб учил, что ислам приобрел слишком много позднейших наслоений, и потому надо очистить его от этих непозволительных добавок, строго соблюдая все нормы и требования ислама.

Между теоретиками ислама нет согласия относительно всех этих положений, и внутри исламского мира не утихают споры. Тем более нет взаимопонимания с представителями других религий. И все же между некоторыми христианскими, иудейскими и мусульманскими богословами идет довольно вялый диалог. Это называется «суперэкуменизм» в отличие от просто экуменизма (диалога внутрехристианского). Отношения Запада с миром ислама складываются не так, так с миром конфуцианским и миром индийской духовности. Ислам, как и христианство, претендует на абсолютную универсальную истину. Но если христианство уже значительно смягчило свои требования к нехристианам, то, полагают некоторые аналитики, об исламе этого не скажешь. Они объясняют это тем, что ислам на 600 с лишним лет моложе христианства – мол, и христианство шесть веков назад было куда боевитее: крестовые походы, инквизиция, преследования нехристиан... Но такое объяснение основывается на недоказанном (и недоказуемом) допущении, что все религии живут и развиваются во

времени одинаково. Это неубедительно с научной точки зрения и уж вовсе неприемлемо с точки зрения христианского богословия.

Однако в современном мире отношения между исламом и христианством определяются отнюдь не богословами. Есть примеры нормального сосуществования последователей этих двух мировых религий, но немало, к сожалению, примеров обратного. Подсчитано, что в год от рук религиозных экстремистов (прежде всего исламских, но не только) погибает не менее 150 тыс. христиан. В Судане идет самая настоящая антихристианская война, нередки погромы христиан в Индонезии, Египте, других мусульманских странах. Широкую огласку получили такие действия экстремистов, как похищение людей и захват заложников.

Это вызывает осуждения внутри исламского мира, после каждого такого акта на экранах телевизоров появляются интеллигентного вида духовные лидеры мусульман, которые с Кораном в руках доказывают, что действия экстремистов противоречат истинному исламу. С ними трудно не согласиться, но экстремисты тоже ссылаются на Коран. Священные тексты не поддаются однозначной интерпретации, христиане знают, что и из Библии в свое время вычитывали невзгод, что – да и сейчас продолжают вычитывать. Какое прочтение возьмет верх, что такое истинный ислам – это могут решить только сами мусульмане. Несомненно одно: в исламе заложен большой нравственный потенциал, а идеал мусульманина – безоговорочное служение Всевышнему. Само слово «ислам» означает «покорность» – имеется в виду покорность воле Божьей.

Положение ислама в России освещено достаточно подробно и глубоко – тут мы должны отдать должное отечественным исламоведам. Благодаря их трудам мы лучше информированы о положении дел в российском исламе, чем, скажем, о положении российского православия (складывается впечатление, что все просто боятся касаться этой темы).

Наши специалисты различают несколько поясов распространения ислама, один из них – Северный – простирается от Синьцзяна в Китае до Боснии на Балканах, куда входит и часть российских территорий. Иногда этот ислам называют периферийным (заметим, что христианство и буддизм в России некоторые аналитики тоже считают периферийными).

Мусульмане России, и не только России, нередко считают всю российскую территорию исконно исламской. Однако в собственно России к мусульманским землям традиционно относят Татарстан и Башкортостан, территории в бассейне Волги от Нижнего Новгорода до Астрахани, Северный Кавказ (Дагестан, Чечню, Ингушетию и другие республики в составе РФ), Южную Сибирь. Большие мусульманские общины существуют практически во всех крупных городах России, только в Москве их более полумиллиона.

Утверждается, что в России проживает около 15 млн. мусульман, хотя встречалась цифра и 10-12 млн., и 30 млн. Следует иметь в виду, что средний мусульманин в России куда теснее привязан к своей общине и строже выполняет предписания своей веры, чем средний российский христианин – своей. Важно отметить, что, в отличие от стран Запада, ислам в России не пришлый, а автохтонный. Его издавна, еще до принятия христианства, исповедовали многие народы и поныне населяющие Россию. С каких именно пор – тут нет единого

мнения. Вскоре после празднования 1000-летия принятия христианства Русью, мусульмане нашей страны отметили 1100-летие принятия ислама. Но затем дату отодвинули еще дальше. На одной из конференций довелось услышать – 651 год: тогда арабы появились на территории нынешнего Дагестана, и многие мусульмане склоняются к тому, чтобы перенести дату появления ислама в VII век, вскоре после смерти Мухаммеда.

В результате монгольского нашествия территория ислама расширилась, Золотая Орда приняла ислам. После ее падения православие медленно начало отвоевывать у ислама его земли. Бассейн Волги, издавна заселенный мусульманами, русифицировался: земли раздавались русским помещикам, которые переводили туда население из коренных русских областей. До середины XVIII в. официальная политика царского правительства состояла в обращении мусульман в православие. Долгое время шли так называемые Кавказские войны, тоже не улучшившие отношения с мусульманами, – тогда до миллиона мусульман эмигрировали в Османскую империю, их потомки до сих пор живут в странах бывшей Османской империи и вряд ли испытывают симпатии к России.

Не вызвали их и гонения на веру при коммунистах. Поначалу, правда, они пытались использовать ислам в своих целях, и в 1921 г. в Москве даже прошел Общемусульманский съезд: большевики хотели поднять мусульман против мирового капитализма. Потом от этой идеи отказались и перешли к преследованиям, только с 1918 по 1933 г. были закрыты 3560 мечетей.

Однако ислам не исчез, он, скорее, ушел в подполье, но влияния не утратил. Даже местная партийная верхушка как-то учитывала интересы мусульман, причем Москва знала далеко не обо всем происходившем в этой сфере. У мусульман России существовали две параллельные религиозные структуры: официальная, зарегистрированная в органах власти, и неофициальная, нигде не зарегистрированная. По официальным данным, на 2/3 территории Северного Кавказа не было ни одной мечети и ни одного служителя мусульманского культа, о чем местные партийные боссы с гордостью докладывали в Москву. А по неофициальным, там действовали 146 подпольных мечетей, 200 мулл и до 2000 мусульманских братств.

Отношения ислама с православием были сложными, многие мусульмане обрусели, особенно в центре России, хотя на окраинах Российской империи им не мешали следовать предписаниям своей религии. В целом Россия как-то умела находить общий язык со своими мусульманами, и, хотя бывали и трения, уж очень крупных недоразумений не возникало. Да и с внешним исламским миром ее отношения были и остаются лучше, чем, скажем, у США.

Однако и тут не без сложностей. Все-таки не так уж мало мусульман в мире считает, что Россия отторгла от мира ислама «северный пояс» и насаждала там сначала «ложную религию», а потом и вовсе безбожие. Не способствовали взаимопониманию России и исламского мира наша акция в Афганистане, а сейчас события в Чечне. Умма, исламская община, не выдумка ученых: мусульмане всего мира ощущают свое единство. События в одной части исламского мира непосредственно затрагивают мусульман в другой его части: когда мусульманин в Тунисе бросает бомбу в российское консульство «за Чечню»

или в Ливане по той же причине нападают на наше посольство, то делают это, так сказать, «по зову сердца», равно как по тому же «зову» едут воевать в Чечню. В этом и состоит главная опасность: дело не только в организаторах враждебных акций, дело в таком вот мироощущении, которое всегда найдет организаторов для своего выражения. И наоборот: не будь такого мироощущения, никакие организаторы его бы не создали.

Это мироощущение явно недоучитывается. Позиция России в событиях на Балканах, а сейчас в Чечне, вызывает у российских мусульман большие сомнения. Торжественные заявления наших руководителей и даже представителей официальной церкви типа «война на Кавказе не имеет религиозного характера» немногого стоят. Как говорят на Востоке, чтобы хлопнуть в ладоши, их должно быть две, и если другая сторона считает войну религиозной, то разубедить ее невозможно.

Мусульмане не так уж редко сталкиваются с проявлениями не дружелюбности, жалуются, что в стране сложился стереотип представлений о мусульманах как о кровожадных фанатиках. На официальных мероприятиях представители власти и нашей официальной церкви говорят исламским лидерам приятные слова, а в жизни случаются досадные недоразумения. То дадут разрешение на строительство Исламского центра в Битце (Москва), то отберут (возражает православная общественность). Мусульмане говорят, что со времен Елизаветы Петровны им пытаются навязать должности, соответствующие «патриархам» и «епископам» – так властям проще (на требования создать ведомые им централизованные структуры жалуются и другие верующие). То на мусульманское богослужение врывается милиция и учиняет поголовную «проверку документов». А то спецслужбы совершат налет на квартиру уважаемого шейха, который всегда был лоялен к власти, но после налета говорит о «патологическом недоверии» к мусульманам в России.

Эти недоразумения не способствуют нормальным межконфессиональным отношениям. И неудивительны такие заявления: «В российской администрации и правительстве нет людей, которые бы понимали ислам, которые бы знали, что такое исламская политика и принципы исламского религиозного вероучения, непременной составляющей включающие в себя концепцию социальной справедливости, исламской власти, концепцию права и политики, как форму проявления воли Всевышнего Аллаха».

И все же в целом мусульман России отличает благоразумие и взвешенность при решении религиозных вопросов. Они не считают Россию «домом войны», достаточно умеренны и одно время говорили даже о своей принадлежности к евроисламу, т. е. к такому исламу, который признает нормы международного права, достоинство личности, права человека и т.д.

В то же время надо признать, что некоторые заявления мусульманских деятелей вызывают беспокойство, в частности, рассуждения о неотвратимости превращения России в исламское государство. Этого, между прочим, опасался еще Владимир Соловьев:

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,

И все твердят льстецы России:
Ты – третий Рим, ты – третий Рим.

Судьбу «православной Византии», в 1453 г. павшей под ударами турок-османов, России предрекают многие исламские теоретики. И не только теоретики. Вот диалог журналиста с простым верующим в Дагестане: «Ваша цель – выход Дагестана из России? – Еще чего! Россию мы не отпустим и никому не отдадим. Наша задача распространять ислам в России, только таким путем можно спасти эту страну».

А в 1997 г. в Киеве вышла любопытная книга под названием «Наша борьба, или повстанческая армия Имама». Несколько цитат из нее:

«Сегодня русские говорят о так называемом возврате «русских земель», а мы объявляем этим подонкам и негодьям о возврате исконных кавказских земель... вам надлежит забыть Астрахань, бывший Хаджи Тархан, то есть свободный князь... завтра поднимается на последнюю и кровавую битву весь кавказский народ, вам следует немедленно... оставить названный вами Волгоградом Царицын с его настоящим именем Са-ры-Тын... Вон из наших земель, и чтобы вы никогда больше не заикались об Азовском, Черном или Каспийском море» (НГ 8.07.1998, с. 12).

От подобных заявлений, согласимся, становится не по себе. Однако их не следует выдавать за мнение сколько-нибудь значительной части мусульман нашей страны. Для нас существенно, что на территории бывшего СССР большую часть приверженцев ислама составляют сунниты и турки (только таджики и азербайджанцы – шииты, но таджики не турки, а персы), в нынешней РФ они и вовсе преобладают. Это означает изначальное предпочтение «турецкой модели» развития, более умеренной. Однако, кто знает, как сложится ситуация в самой Турции?

И все же исламский фундаментализм в России обозначился достаточно четко. Говорят о создании государства Туран, которое объединило бы все тюркоязычные народы от Средиземного моря до Тихого океана, а это означает расчленение России. (Когда некоторые мусульмане заговорили о восстановлении Казанского и Астраханского ханств, наши востоковеды тут же заговорили о «Волжском разломе», по которому может переломиться Россия.) Как и на Западе, существует демографический фактор: идет депопуляция России, но при этом относительный удельный вес мусульман все время увеличивается.

Активны в России и ваххабиты, хотя этим словом явно злоупотребляют и просто пугают: всякое выражение недовольства мусульман, а для него часто есть основания, непременно выдают за фундаментализм, за ваххабизм, за попытку отделиться от России и т.д.

Между тем сепаратизм в России строго локализован и имеет какую-то поддержку только в Чечне. Мусульмане и их духовные лидеры в других регионах России отнюдь не жаждут установить у себя тот порядок, который осуществлялся в «независимой Ичкерии». Так что едва ли есть основания говорить об «эффекте домино». К тому же мусульмане России явно расколоты. Если до начала перемен в стране существовало всего два духовных управления мусульман (ДУМ), то сейчас их около сорока, и они никак не могут договориться друг

с другом. Время от времени говорят о намечающейся консолидации, но затем все опять идет вспять.

Однако появился новый фактор. В Третью Государственную Думу прошли несколько депутатов-мусульман, и к их мнению, скорее всего, будут прислушиваться мусульмане России. Они представляют движение Рефах, которое может стать объединяющим фактором. Но тут возникает еще одна проблема: мусульмане уже представлены в нашем парламенте, а РПЦ отказалась от участия в политической борьбе и запретила своим служителям избираться в органы власти. И, надо отдать ей должное, это требование соблюдается неукоснительно. Но если в Думе появляются люди в чалмах, то логика требует и появления людей в рясах. И трудно сказать, откроются ли здесь новые возможности сотрудничества или появится новая линия противостояния.

Пока, повторим, нет никаких оснований разжигать в стране исламофобию, но в то же время невозможно обойти вниманием реальные проявления религиозного фанатизма, который у нас присущ не одним мусульманам. Признавая, что решение проблемы исламского экстремизма есть прежде всего дело самих мусульман, нельзя в то же время сказать, что других это не касается: если вас убивают, то это вас очень касается. Но огульное охаивание ислама, которое явно нарастает в России, никак не способствует решению этой проблемы. Тем более что будущее России, каким бы оно ни было, немыслимо без участия мусульман.

Что же делать христианам?

Теологическая проработка вопроса о взаимоотношениях христианства и ислама оставляет желать лучшего. Даются разные рекомендации, исходят то из изначальной и неизбывной враждебности христианства и ислама, то из их изначальной близости, сулящей плодотворное взаимодействие, чуть ли не слияние. Как всегда следует опираться на Слово Божье и в нем искать ответ на стоящие перед нами вопросы. Однако полнота Божьего замысла скрыта от нас, в том числе и та часть, которая касается мира ислама.

Господь слышит мусульман, о чем говорит книга Бытия в том месте, где повествуется об Агари: «И еще сказал ей Ангел Господень: вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя Измаил; ибо услышал Господь страдание твое» (Быт. 16:10-11). По некоторым толкованиям, Ангелом был Сам Господь, и Он дал сыну Агари имя «Измаил», что означает «Бог слышит». Это дает повод к богословским размышлениям. А Аврааму, который, видимо, молился за Измаила, Господь сказал: «И о Измаиле Я услышал тебя: вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу» (Быт. 17:20), что требует еще больших размышлений. Дальше всего в них пошли, кажется, католики: Второй Ватиканский собор признал, что замысел спасения охватывает всех тех, кто признает Творца. И первыми среди них поименованы мусульмане.

Все-таки окончательный ответ только у Самого Господа, к рекомендациям богословов лучше подойти с осторожностью. Разумнее избегать окончательных суждений и решать проблемы по мере их возникновения, не рассчитывая, что их удастся разрешить раз и навсегда.

§ 4. Поликонфессиональный диалог в Башкортостане: социально-культурная и правовая практика

Верховный российский муфтий Талгат Таджуддин в декабре 2010 года сказал: «У нас, у мусульман России было всего 94 мечети, а по СССР – около 300 мечетей. Сейчас более 7,5 тысяч мечетей. То есть, рост в 70 с лишним раз. Только в Башкирии было 16, а сейчас – 1016 мечетей. В Татарстане было 15 мечетей, сейчас – 1300». То есть, за двадцать лет число мечетей в России выросло с 94 до 7500. Для сравнения – православных храмов в России лишь вдвое больше (всего на начало 2011 года в юрисдикции Московского Патриархата было 30 675 приходов, но значительная их часть находится за границей – 12 043 прихода на Украине, 1545 приходов в Беларуси, 1277 приходов (по состоянию на 2008 год) в Молдавии, 230 приходов в Казахстане и еще несколько сотен в других республиках СНГ и в странах дальнего зарубежья).

В Республике Башкортостан действуют 9 религиозных центров, 1445 религиозных объединений различных конфессий (всего более 22 направлений, не включая единичные группы).

Православие и ислам являются ведущими конфессиями, их объединения составляют более 88% от общего количества религиозных организаций: около 67% – ислам, 21% – православие. Протестантские формирования (баптисты, адвентисты, пятидесятники, свидетели Иеговы, мормоны) – около 12%.

В республике действуют пять мусульманских учебных заведений. Крупнейшее из них – Российский исламский университет ЦДУМ России имени Ризы Фахретдинова, правопреемник знаменитого медресе «Галия». В Уфе работают также медресе имени Марьям Султановой, «Галия», в Стерлитамаке – медресе «Нур аль-Иман», в Октябрьском – медресе «Нур аль-Ислам».

Духовное образование в Уфимской епархии осуществляется в форме заочного обучения, организованного в Уфимском епархиальном центре Дистанционного обучения Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (УЦДО ПСТГУ) при Крестовоздвиженском храме г. Уфы, по ул. Лесопильной – 4.

Еврейская религиозная община самостоятельно контролирует воспитательный процесс детей членов общины с самого начала (детский сад «Хая мушка»), обучая в своей общеобразовательной школе «Ор Авнер», после чего большинство выпускников поступает в высшие учебные заведения, имеющие отношение к Федерации еврейских общин России в г. Москве.

В настоящее время на территории Республики Башкортостан практически при каждой церкви и мечети существуют воскресные школы, учебные группы, где каждый желающий (несовершеннолетние – только с разрешения родителей), могут изучать основы религии, Библии или Корана, арабский язык и т.д.

В течение последних лет в жизни религиозных объединений произошли значительные события, подписан ряд соглашений по сотрудничеству с министерствами и ведомствами. Так, сотрудничество Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан с религиозными конфессиями позволяет использовать их потенциал в профилактике преступлений и правонарушений. Сов-

местные действия милиции и священнослужителей определены Соглашением с духовными лидерами конфессий и МВД по РБ о сотрудничестве.

23 марта в Рождество-Богородицком кафедральном соборном храме города Уфы состоялось торжественное подписание соглашения о сотрудничестве между Уфимской епархией Русской Православной Церкви и Общественной организацией «Физкультурно-спортивное общество «Динамо» Республики Башкортостан. Свои подписи на документе поставили Управляющий Уфимской епархией – Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский НИКОН и председатель ФСО «Динамо» РБ – Министр внутренних дел по Республике Башкортостан генерал-лейтенант милиции Игорь Алёшин.

Такая совместная деятельность на территории РБ имеет давнюю плодотворную практику. Так, на обслуживаемой территории ОВД по Туймазинскому району и городу Туймазы зарегистрировано 18 мечетей и 5 церквей. Со всеми представителями духовенства налажено постоянное взаимодействие. К примеру, начальником Кандринского отделения милиции подполковником милиции Р.Р. Рафиковым совместно имам-хатыбом села А.Н. Кандры Мухамадуллиним в течение 2009-2010 годов проводилась большая воспитательная работа с подростком из неблагополучной семьи Мулюковым Ильдаром, 1992 года рождения. Данный подросток находится на учете в ОВД за совершение серии краж, осужден условно. Благодаря совместным усилиям подросток трудоустроен в ООО «РОС-С+». Удалось решить вопрос и организовать ежедневное питание Ильдара на данном предприятии. Кроме того, проводится совместная профилактическая работа и с матерью ребенка, которая одна воспитывает сына. В целях обеспечения участия ОВД в комплексном решении проблем несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, создания условий для подготовки к полноценной жизни в обществе ОВД по Туймазинскому району и городу Туймазы и государственное учреждение Детский дом заключено соглашение по оказанию шефской помощи воспитанникам.

Взаимодействие ОВД с религиозными объединениями и влияние религиозных организаций на обстановку в г. Ишимбай и Ишимбайском районе носит положительный характер. ОВД обеспечивает охрану общественного порядка в ходе религиозных праздников и мероприятий. Так, в этом году 9 мая возле горы «Торатау», в рамках Года социальной поддержки молодежных инициатив в РБ, проводилось спортивно-массовое мероприятие благотворительным фондом имам-хазрат Хамзы хаджи. Ведется совместная работа, направленная на предотвращение экстремизма. Во Дворце культуры им. Кирова в рамках Года социальной поддержки молодежных инициатив в РБ состоялась научно-профилактическая конференция «Духовно-нравственные ценности – основа возрождения общества в современном этапе». На встречах сотрудников ОВД с представителями религиозных объединений проводились инструктажи о наиболее эффективных способах защиты имущества, знакомили с техническими новинками, взятыми на вооружение вневедомственной охраной. Так, Свято-Троицкий храм был оборудован средствами охранной сигнализации и принят под охрану ОВО при ОВД. В конце марта этого года в Свято-Троицком храме, был учинен варварский погром и повреждено имущество на 34550 рублей. Розыск преступ-

ника по «горячим следам» позволил в кратчайшие сроки документировать и доказать факт совершения преступления и установить личность нарушителя.

На территории г. Белорецка и Белорецкого района действуют 24 общественных и религиозных объединения. УВД взята на особый контроль деятельность церкви христиан-адвентистов седьмого дня, сотрудники УВД проводят предупредительные беседы со старшей диаконисой Н.П. Шабаловой о недопущении в своих проповедях высказываний экстремистского толка, разжигания нетерпимости к гражданам, придерживающихся иных религиозных взглядов. Поместную церковь ежеквартально посещает участковый уполномоченный милиции старший лейтенант милиции Р.М. Мурзабаев

По вопросам духовно-нравственного воспитания, соблюдения норм морали, профилактике правонарушений, суицидов и других ЧП были организованы встречи личного состава ОРПСМ и ДПС ГИБДД с имам-хатибом мечети «Жамиг» И.И. Мухамедьяровым. Активное участие в судьбах подростков принимают настоятель местной православной религиозной организации Свято-Троицкого храма В.М. Кулинич, имам-хатиб И.И. Мухамедьяров.

Заслуживает внимание опыт работы религиозных конфессий по организации работы с подростками отклоняющегося поведения в летнее время. Так, в марте в Уфе прошли весенние сборы православных лагерей «Преображение», «Фавор», военно-патриотического клуба им. А. Невского в рамках подготовки летнего отдыха детей и подростков различного вероисповедания. Лагерь «Фавор» организован «Братством православных следопытов», действует 5 лет, в настоящее время 60 подростков проживает в палатках по берегам рек Сим и Иремель. 80 детей объединяет существующий 10 лет лагерь «Преображение», который базируется в селе Михайловка Уфимского района. В поход по Благовещенскому району отправились около 50 подростков военно-патриотического клуба им. А. Невского.

Три летних лагеря для детей и подростков открыты при ЦДУМ. Так, при мечети «Ляля-Тюльпан» организованы бесплатные занятия для 40 несовершеннолетних. При мечети «Ихлас» отдыхают девочки-мусульманки со всей республики. Организован отдых для 60 детей при медресе «Галия».

На протяжении многих лет действует лагерь «Парус надежды» на территории Иглинского района, организованный религиозной организацией «Объединение церковью евангельских христиан баптистов Башкирии».

С организаторами детского летнего отдыха тесную связь поддерживают сотрудники ОВД по городам и районам республики, посещают ребят, участвуют в проводимых мероприятиях.

Анализируя конфессиональную политику в республике, следует учесть, что на протяжении последних десятилетий сохраняется стабильная религиозная ситуация. В Республике Башкортостан сложилась оптимальная система сохранения межнационального и межконфессионального согласия, основой которой является диалог общества и государства.

В общественную палату Республики Башкортостан, в ее комиссию по вопросам социальной политики и культуры входит главный раввин Уфы и Республики Башкортостан Дан Кричевский. В комиссию по межнациональным от-

ношениям, свободе совести и информационной политике входят управляющий Уфимской епархией Русской Православной Церкви архиепископ Никон, председатель Духовного управления мусульман Республики Башкортостан Нурмухамет-хазрет и Верховный муфтий, председатель Центрального Духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин.

5 августа 2011 г. в Центральном духовном управлении мусульман России состоялась встреча Верховного муфтия Талгата Таджуддина и министра внутренних дел по РБ Игоря Алёшина, приуроченная к 30-летию вступления Талгата Сафича на должность председателя ЦДУМ России. Министр вручил почетную МВД по РБ Талгату Сафичу за поддержку министерства во все благих делах. На встрече обсуждались текущие вопросы взаимодействия органов внутренних дел и мусульманских общин, исповедующих традиционный ислам. В системе внутренних дел республики 70 процентов сотрудников. В знак признательности за активное и плодотворное сотрудничество, большой вклад в нравственно-патриотическое воспитание сотрудников МВД республики Игорь Алешин вручил Верховному муфтию памятную медаль «90 лет МВД по РБ», а также книги, рассказывающие о 90-летнем пути башкирской милиции.

25 августа Президент РБ Рустэм Хамитов встретился с Верховным муфтием, председателем Центрального Духовного управления мусульман России Талгатом Таджуддином, главой Духовного управления мусульман республики муфтием Нурмухаметом Нигматуллиным и архиепископом Уфимским и Стерлитамакским Никоном, обсуждались вопросы сохранения в республике межрелигиозного мира и согласия. Президент РБ и духовные лидеры выразили уверенность в необходимости активизации конструктивного диалога как между самими конфессиями, так и между органами государственной власти и религиозной общественностью. Была отмечена необходимость усиления разъяснительной работы, особенно среди молодежи, направленной на предупреждение появления различных нетрадиционных религиозных направлений экстремистского толка.

5 августа с 20-летием архиерейской деятельности Управляющего Уфимской епархией Русской Православной Церкви Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский владыку Никона поздравил министр внутренних дел по РБ И. Алёшин. В ходе рабочей встречи И. Алёшин отметил поддержку со стороны русской православной церкви, она отражается в решении вопросов морально-этического воспитания личного состава, совместной работе по воспитанию молодежи и подростков и, что немало важно в работе общественного совета при МВД по РБ.

В сентябре 2010 года Совет по делам религий при Правительстве РБ преобразован в Совет по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте РБ. Реорганизованный Совет займется решением ряда проблем, к примеру, недопущения псевдоисламского влияния. Его задача – с помощью конференций, круглых столов, работы с верующими на местах установить диалог, доказать людям, попавшим под влияние псевдорелигиозных организаций, их неправоту, постараться вернуть их в лоно традиционных конфессий.

Республика Башкортостан – субъект Российской Федерации, где проживают представители более 130 национальностей и народностей. Они являются приверженцами различных конфессий. Отличительная особенность современной религиозной обстановки в республике – это разнородность и насыщенность конфессионального колорита. Государственная политика в сфере отношений с религиозными объединениями направлена на сохранение и укрепление нравственного потенциала общества, богатых духовных традиций проживающих в республике народов.

Сотрудничество системы МВД с религиозными организациями способствует укреплению стабильности в обществе, профилактике экстремизма, снижению уровня преступности, защите культурного духовно-нравственного наследия, исторических традиций. Закон «О милиции» не допускает вмешательства в профессиональную деятельность правоохранителей со стороны религиозных объединений. Но и не препятствует их совместным действиям по вопросам, которые представляют обоюдный интерес. Органы внутренних дел нередко обращаются к религиозным формированиям для решения задач как в воспитании личного состава, так и в области обеспечения правопорядка и законности.

Представляет немалый интерес опыт совместной работы участковых уполномоченных милиции и мусульманских священнослужителей города Дюртюли. Например, в селе Староянтузово мечеть «Каусар» стала тем самым теплым огнем, согревающим душу, где люди получают ответы на многие вопросы. Имам-хатиб Б. Ахмадиев всегда в курсе общественной жизни села. Во всем его поддерживает участковый уполномоченный милиции Р. Муллагалиев. Результат – за последние годы здесь не допущено преступлений с тяжкими последствиями.

Во исполнение указания МВД по РБ от 07.02.2007г. № 2/3-414 сотрудники ОВД по Республике Башкортостан активно взаимодействуют с различными религиозными объединениями. Это способствует обеспечению правопорядка и безопасности, защиты общественной нравственности, прав и свобод граждан, противодействию проявлениям религиозной ненависти и вражды, профилактике межрегиональных и межнациональных конфликтов, совместной просветительской и воспитательной деятельности, в том числе, с несовершеннолетними.

«Мы ищем самые различные формы позитивного влияния на людей, готовых преступить закон, – отметил в своем выступлении в Академии управления МВД России министр внутренних дел России генерал армии Р.Г. Нургалиев. – Нами направлены письма высшим священнослужителям всех конфессий, действующих на территории России, с просьбой оказать содействие органам внутренних дел в работе по предупреждению преступлений, формированию в гражданах законопослушного поведения и нравственных принципов. На их помощь мы рассчитываем и возлагаем большие надежды».

Р. Нургалиев заявил, что считает необходимым совместно с органами исполнительной власти на местах, общественными и религиозными объединениями решительно усилить государственное и общественное влияние на борьбу с детской беспризорностью, оттеснение молодежи от наркотиков и алкоголя.

17 марта 2009 года подписано пятистороннее Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии МВД по Республике Башкортостан с духовными лидерами ведущих религиозных конфессий – председателем Центрального духовного управления мусульман России и стран СНГ верховным муфтием Т. Таджудином, председателем Духовного управления мусульман Республики Башкортостан муфтием Н. Нигматуллиным, Архиепископом Уфимским и Стерлитамакским Никоном и главным раввином Республики Башкортостан Д. Кричевским.

Сотрудничество Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан с религиозными конфессиями позволит использовать мощный духовный потенциал, которым обладает ислам, православие, иудаизм, другие традиционные религиозные конфессии, для защиты культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций, что, несомненно, будет способствовать укреплению стабильности, преодолению угрозы духовной деградации народа, снижению уровня преступности в стране.

Данное Соглашение используется при проведении занятий в системе общественно-государственной подготовки, а также в повседневной служебной деятельности. Представители религиозных конфессий привлекаются к проведению регулярных встреч и занятий с личным составом, а также для участия в торжественных мероприятиях и ритуалах, проводимых в органах внутренних дел. В составы Общественных советов при УВД, ОВД по РБ введены авторитетные представители религиозных организаций.

На фоне конфликтов, периодически происходящих в различных регионах России на почве межнациональной розни, обстановка в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в Башкортостане вот уже на протяжении многих лет остается стабильной. Будучи этнически неоднородной и многоконфессиональной, Республика Башкортостан является традиционно уникальным субъектом России, в котором успешно реализуется модель межнационального и межконфессионального согласия.

Православие и ислам являются ведущими конфессиями, их объединения составляют более 88% от общего количества религиозных организаций: около 67% – ислам, 21% – православие. Протестантские формирования (баптисты, адвентисты, пятидесятники, свидетели Иеговы, мормоны) – около 12%.

На 1 января 2010 года в Республике Башкортостан действуют 9 религиозных центров, 1445 религиозных объединений различных конфессий (всего более 22 направлений, не включая единичные группы).

Религиозные центры:

1. *Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ)* учреждено в декабре 1917 года, восстановлено на учредительном съезде 21 августа 1992 года, перерегистрировано в Министерстве юстиции Республики Башкортостан 4 февраля 1999 года; г.Уфа, ул. Чернышевского, 103, тел. 273-70-35, 272-70-71, 273-39-37. Председатель и муфтий с 1992 года Нурмухамет Нигматуллин (Нигматуллин Нурмухамет Магафурович).

2. *Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ)*, учреждено 22 сентября 1788 года, перерегистрировано 18 октября 2000 года в Ми-

нистерстве юстиции РФ, г. Уфа, ул. Тукая, 50, тел. 250-80-88, 250-80-86, 250-80-99. Председатель ЦДУМ России, Шейхуль-ислам, Верховный муфтий Талгат Таджуддин (Таджуддинов Талгат Сафич).

3. *Региональное духовное управление мусульман Республики Башкортостан в составе ЦДУМ*, учреждено на съезде представителей местных мусульманских религиозных организаций, действующих на территории РБ и входящих в ЦДУМ с 18 июня 2003 года. Действует без регистрации. Председатель РДУМ ЦДУМ России муфтий Таджуддинов Мухаммад Талгатович. г. Уфа, ул. Тукая, 50, тел. 250-80-88, 250-80-86, 250-80-99.

4. *Уфимская епархия Русской Православной Церкви*. Учреждена в сентябре 1799 года, перерегистрирована в Министерстве юстиции Республики Башкортостан 15 марта 1999 года, г. Уфа, ул. Сочинская, 29, тел. 256-18-43, 256-18-39, 256-18-41. Управляющий епархией Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон (Васюков Николай Николаевич).

5. *Региональное Объединение евангельских христиан-баптистов Республики Башкортостан* образовано 6 июня 1994 года, перерегистрировано 25 июня 1999 года в Министерстве юстиции Республики Башкортостан, г. Уфа, ул. Выборгская, 29, тел. 256-75-48, 228-28-08. Председатель РО ЕХБ РБ Епископ Жук Петр Иванович.

6. *Региональное Объединение церквей христиан веры евангельской пятидесятников* образовано 24 ноября 1997 года, перерегистрировано 24 августа 1999 года в Министерстве юстиции Республики Башкортостан, г. Уфа, ул. Шаймуратова, 55. Председатель РО Епископ Мальцев Владимир Иванович. Раб. тел. 264-29-36, дом. 265-04-24.

7. *Централизованная религиозная организация Ассоциация Церквей Христиан Веры Евангельской «Великое поручение»*. Образовано в мае 2007 года, с центром в г. Уфе. Зарегистрировано Федеральной регистрационной службой в г. Москве. Адрес. Уфа, ул. Чудинова, 7/1. Епископ Сильчук Владимир Яковлевич, р.т. 294-50-94, 232-64-17 (факс).

8. *Централизованная религиозная организация Евангелическо-Лютеранское пропство Республики Башкортостан*, образовано в 2005 году, зарегистрировано в ГУ Министерства юстиции РФ по РБ. г. Уфа, ул. Беякова, 2. Пастор лютеранской общины Миних Генрих Теодорович, председатель лютеранского органа Гартман Эльвира Яковлевна, т. 254-33-36, 277-50-30.

9. *Централизованная религиозная организация «Центральная еврейская религиозная община Республики Башкортостан»*, образована в 2005 году, зарегистрировано в ГУ Министерства юстиции РФ по РБ. Главный раввин г. Уфы и Республики Башкортостан Дан Кричевский. 450000, г. Уфа ул. Блюхера, 1/1. Тел. 272-33-31, 272-26-87, т. 244-55-33, факс 244-92-43. Председатель республиканской религиозной общины Давлетгареев Марат Альбертович. Председатель Уфимской общины «Ор Авнер Хабад Любавич» Цвик М.Ф.

В 2005 году религиозные организации еврейских и лютеранских общин зарегистрировали централизованные религиозные организации.

В 2007 году на территории Республики Башкортостан образовалось дополнительное Централизованное религиозное объединение Ассоциации Христиан веры евангельской «Великое поручение». Организация зарегистрирована в г. Москве, в качестве руководителя выступил епископ Сильчук В.Я., который фактически объединил республиканские приходы РОСХВЕ, ХВЕ «Общение Калвари» и ХВЕ Ассоциации независимых церквей (подробно в разделе «Религиозные организации РБ»).

В 2008 году число централизованных организаций уменьшилось, т.к. произошла реорганизация в структуре Централизованных Региональных управленческих центров Новоапостольской Церкви. Так их число с 10 было сокращено до трех. В связи с чем Уральский, Урало-Западносибирский и Сибирский РУЦы вошли в состав Центрально-Европейского РУЦ (г. Пенза, ул. 6, проезд Громова, 49). В результате чего Уральский РУЦ, расположенный на территории республики в г. Стерлитамак, снят с учета в налоговых органах 05.09.2008 г. В 2009 году планируется подать документы на регистрацию местной религиозной организации «Стерлитамакская община Центрально-Европейского РУЦ Новоапостольской церкви», руководителем которой останется также Гроо Владимир Иванович. Окружным Апостолом продолжает оставаться Малышев Александр Николаевич.

Всего без регистрации действуют 613 религиозных групп, что действующим законодательством не запрещается. За 2009 год по данным Управления министерства юстиции РФ по РБ регистрацию прошли 67 религиозных организаций. Вместе с тем, за 2008-2009 гг. на основании информации, поступающей из Управления Федеральной налоговой службы по РБ, о внесении регистрирующим органом в единый государственный реестр юридических лиц сведений об исключении юридического лица, признанного фактически прекратившим свою деятельность, в соответствии со ст. 21.1. ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Управление МЮ по РБ исключило из ведомственного реестра 73 местных религиозных организации.

На территории Республики Башкортостан находятся 447 мусульманских религиозных организаций, относящихся к ЦДУМ России, из них зарегистрировано 255 и 192 действуют без регистрации. К ДУМ РБ относятся 513 мусульманских религиозных организаций, из которых 275 организаций зарегистрированы и 238 действуют без регистрации.

Кроме этого, по данным Уфимской епархии РПЦ на 01.01.2010г имеется 275 приходов, из которых действуют 195, зарегистрированы 187 прихода и 88 без регистрации.

За 2009 год в республике построено и введено в эксплуатацию 52 культовых здания (2005 г. – 55, 2006 г. – 44, 2007г. – 35, 2008 г. – 51), передано для нужд религиозных организаций 5 помещений (2005 г. – 13, 2006 г. – 6, 2007 г. – 3, 2008 г. – 2), в стадии строительства находятся 143 объекта (в 2005 г. – 98, 2006 г. – 130, 2007 г. – 125, 2008 г. – 111). В республике 83 культовых зданий и сооружений являются памятниками истории, культуры и архитектуры, из них 33 находится в стадии реставрации.

На 1 января 2010 года в республике расположены 631 типовая мечеть и 220 приспособленных под мечеть зданий, 144 типовых православных храма и 34 приспособленных под церкви здания, 30 культовых типовых зданий и 13 приспособленных под молитвенные дома помещений иных конфессий. Под типовыми зданиями имеются в виду здания, построенные изначально как мечети или храмы. Остальные религиозные организации удовлетворяют духовные потребности в арендуемых зданиях, иных приспособленных помещениях, домах единоверцев и т.д.

В исправительных учреждениях ГУФСИН России по Республике Башкортостан действуют 2 православных храма, 16 молельных комнат, 5 воскресных школ Уфимской епархии РПЦ. Кроме этого, действуют 2 мечети и 10 мусульманских молельных комнат.

Духовные центры и крупные местные религиозные объединения располагают неплохой полиграфической базой, издают свои газеты, журналы, детскую религиозную литературу. ЦДУМ России газету «Маглумат» (тираж до 5000 экз.), ДУМ РБ газету «Рисалат» (до 3000 экз.), Уфимское епархиальное управление – «Уфимские епархиальные ведомости» (2500 экз.), еврейская религиозная организация г. Уфы – газету «Шорашим» (Наши корни, до 1000 экз.), религиозная организация Христиан Веры Евангельской «Жизнь Победы» г. Уфы – газету «Слово» (3000 экз.). Все эти газеты и журналы освещают не только религиозную тематику, но и доводят до своих читателей подробную информацию о событиях в республике, России и во всем мире. Много различной религиозной литературы религиозные объединения получают из-за рубежа и из других регионов России.

Советом по делам религий при Правительстве Республики Башкортостан постоянно оказывается информационная, консультативная и практическая помощь администрациям городов и районов, руководителям органов государственной власти. В течение 2009-12 гг. проводилось множество мероприятий, совершались неоднократные поездки в религиозные организации, велся прием граждан и представителей конфессий, рассматривались письменные обращения, направлялись поздравления от имени Правительства РБ руководителям религиозных конфессий в связи со знаменательными событиями, датами и праздниками. Одновременно ежегодно идет формирование банка данных для руководства республики по вопросам религии и государственно – конфессиональных отношений, т.к. Совету по делам религий отводится особая роль в поддержке и укреплении межконфессионального мира и согласия.

§ 5. Проблема реализации свободы совести и духовно-нравственное воспитание молодёжи

Согласно опросам Левада-центра, значимость свободы вероисповедания для граждан России за последние годы возросла. 11% населения отмечали это право как одно из наиболее важных прав человека в октябре 2007 года, в январе 2009 года количество таких ответов составляет уже 15% от числа опрошенных. При этом, начиная с 1994 вплоть до 2007 года, интерес к свободе вероисповедания у россиян только снижался [7,8].

Образовательная практика в светской средней школе вызывает множество вопросов. И один из них – насколько светским можно считать образование, в котором присутствуют предмет «Основы православной культуры» (ОПК)? По мнению лоббистов этого предмета, результатом введения ОПК станет снижение уровня преступности и улучшение атмосферы в классе. Однако скептики и представители не православных религиозных конфессий опасаются, что это неизбежно приведет к росту ксенофобии среди школьников и подогреет межрелигиозные противоречия, которые и так имеются в обществе.

В ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год отмечается, что позиция Уполномоченного, неоднократно излагавшаяся в его заявлениях, а также в ежегодных докладах, состоит в том, что включение подобных предметов в обязательные программы общего образования может рассматриваться как нарушение конституционных принципов и правовых норм Российской Федерации. Уполномоченный в этой связи с удовлетворением отмечает готовность федеральных органов законодательной и исполнительной власти не допустить указанных нарушений. В этом же ключе воспринимаются внесенные в конце 2007 года в Федеральный закон «Об образовании» изменения, с введением которых, во-первых, было упразднено деление образовательных стандартов на федеральный и региональный компоненты и установлен единый федеральный общеобразовательный стандарт, а во-вторых, осуществляется разработка общедокументальных требований к программам общеобразовательных школ по истории и культуре мировых и российских религий».

Споры о преподавании религиозных дисциплин, в частности ОПК, в рамках школьной программы ведутся на протяжении десяти лет. Их началом послужил циркуляр патриарха Алексия II от 9 декабря 1999 года № 5925, предписывающий архиереям Русской православной церкви (РПЦ) организовать преподавание ОПК в государственных (муниципальных) образовательных учреждениях и в ежегодных отчетах указывать «количество школ, в которых преподается православное вероучение» [18].

До начала 2009 года ОПК был региональным компонентом школьного образования. Федеральным законом № 309 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» с 1 сентября 2009 года деление государственного образовательного стандарта на три компонента (федеральный, региональный (национально-региональный) и компонент образовательного учреждения) отменено. Вместе с тем за образовательными учреждениями и органами управления образованием субъектов Федерации остается возможность учета региональных особенностей и особенностей образовательного учреждения за счет вариативной части образовательной программы [104].

В соответствии с ФЗ № 309 Институтом стратегических исследований в образовании РАО под руководством А. Кондакова, А. Кузнецова и Л. Кезиной была разработана Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников (далее – Концепция), которая размещена на сайте Министерства образования и науки России в качестве приложения к проекту Федерального

государственного образовательного стандарта (ФГОС) для начального общего образования. В проекте Концепции, в частности, говорится, что изучение культурологических основ традиционных российских религий является важным вариативным компонентом программ воспитания и социализации школьников. Обязательным требованием изучения определенной традиционной российской религии является сохранение целостного воспитательного пространства общеобразовательной школы. На религиозно-культурологический компонент, как и на другие компоненты духовно-нравственного воспитания (учебный, внеучебный, внешкольный, семейный), в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом общего образования должны распространяться единые требования. При этом все компоненты воспитательного пространства общеобразовательной школы направлены на достижение единой цели – обеспечение духовно-нравственного развития личности гражданина России.

В июле 2009 года министр образования и науки РФ А. Фурсенко сообщил о введении обязательного предмета «Духовно-нравственное воспитание». По его словам, школьники смогут получить знания по основам религиозной культуры и истории мировых религий. Предмет будет обязательным, преподавать его будут светские учителя.

Эксперимент по внедрению курса начнется в 18 регионах шести федеральных округов весной 2010 года. Будет задействовано около 20 000 классов в 12 000 школ – около 256 000 учеников и 44 000 учителей.

29 октября было подписано Распоряжение Правительства РФ № 1578-р, которым утвержден план мероприятий по апробации в 2009-2011 годах комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики», а также перечень субъектов Российской Федерации, участвующих в апробации. Эксперимент пройдет в 19 регионах: Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Удмуртии, Чечне, Чувашии, Камчатском, Красноярском и Ставропольском краях, Вологодской, Калининградской, Костромской, Курганской, Новосибирской, Пензенской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Томской областях, а также в Еврейской автономной области. Будет проведено социологическое исследование о ходе эксперимента. В Интернете в 2009-2010 годах планируется создать специализированный сайт поддержки проекта.

Школьникам будет предложено изучать один из трех модулей:

- 1) история и основы культуры одной из традиционных религий (православие, ислам, буддизм, иудаизм);
- 2) история и основы культуры основных мировых религий;
- 3) основы этики.

Начать эксперимент предлагается в четвертом классе (последняя четверть) и завершить в пятом классе (первая четверть). Ориентировочно – по два урока в неделю. По мнению экспертов Министерства образования и науки РФ, эксперимент мог бы продлиться около трех лет, после чего войдет в качестве обязательного предмета в образовательную программу. Однако у независимых экспертов сразу появились серьезные сомнения в том, что до весны 2010 года будут подготовлены преподаватели и разработаны соответствующие курсы по

шести специальностям (основы православия, ислама, иудаизма и буддизма, а также по курсу истории религий и светской этики)

14-17 августа 2009 года Левада-центр провел репрезентативный опрос 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны. К введению ОПК в школах положительно относятся 69% россиян. Отрицательно – 19% (почти каждый пятый), чаще других о негативном отношении к предмету говорят молодые люди в возрасте 18-24 лет – 28% и обеспеченные граждане – 24%.

По данным мониторинга Общественной палаты РФ «Обеспечение свободы совести и вероисповедания учащихся в государственной и муниципальной системе общего образования», подготовленного по информации, полученной из 72 субъектов РФ в 2007 году, предметы о религии в России изучали около 700-800 тысяч школьников. В преподавании этих курсов были заняты не менее 20-30 тысяч учителей. Подавляющее большинство учащихся государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений – около 500-600 тысяч – изучает различные курсы православной культуры. Курсы исламской культуры изучает ориентировочно 150-200 тысяч школьников, курсы философско-религиоведческого содержания – 50 тысяч, курсы по истории и культуре иудаизма – 10 тысяч, буддизма – 10 тысяч, традиционных религий малочисленных народов Севера – 10 тысяч учащихся. В среднем соотношение распространенности курсов религиозной культуры и курсов философского религиоведения составляет примерно десять к одному [100].

В конце ноября 2009 года школы Свердловской области предоставили списки четвероклассников, которые будут изучать курс «Основы религиозных культур и светской этики». В апробации курса примут участие 1048 школ Свердловской области и 35 154 ученика. Большинство уральских детей выбрали блок «Основы светской этики». Его будут изучать 54,6% учащихся четвертых классов. На втором месте по популярности оказался блок «Основы мировых религиозных культур» – 23%, на третьем – ОПК – 20,6%. Основы исламской, буддийской и иудейской культуры будут изучать в общей сложности около 2% учащихся, т.е. 459, 116 и 99 человек соответственно.

В декабре 2008 года прокуратура Пензенской области провела проверку районного отдела образования, который внес в учебные планы районных школ на 2008-2009 учебный год обязательный предмет «Православная культура». Начальник районного отдела образования Е. Кададов поддержал инициативу архиепископа Пензенского и Кузнецкого Филарета и издал приказ о введении «в экспериментальном порядке» в учебные планы школ обязательных уроков православной культуры. В школы завезли учебники ОПК для 5-11 классов. Исполнение приказа прекратилось только после протеста пензенских мусульман, которые подали жалобу в местную прокуратуру. Проведя расследование, прокуратура признала введение предмета «Православная культура» незаконным и вынесла представление о привлечении виновных чиновников к дисциплинарной ответственности в виде штрафа.

По данным мониторинга, педагоги Ростова-на-Дону считают, что в Ростовской области 99% родителей учащихся высказываются за продолжение преподавания ОПК. Так же считает абсолютное большинство учителей.

В ходе проведенного анкетирования студентов и школьников в 13 регионах России (всего опрошены 1394 человека) на вопрос «Какие предметы следует преподавать в средней школе (государственной или муниципальной) и вузе в рамках обязательных программ?» – ответы распределились следующим образом: [100]

Регион	Предметы, обучающие религии (ОПК, «Основы исламской культуры» и т.п.)	Предметы, дающие знания о религии и иных формах мировоззрения (религиоведение, история религий, история атеизма и т.д.)	Предметы, дающие знания о свободе совести, светскости государства, толерантности	Никакие из этих предметов	Затрудняюсь ответить
Республика Башкортостан	11,77%	10,30%	42,65%	10,30%	33,83%
Республика Бурятия	10,72%	30,96%	44,05%	7,15%	29,77%
Республика Дагестан	33,87%	36,56%	38,18%	11,29%	15,60%
Республика Карелия	1,96%	22,55%	41,18%	19,61%	23,53%
Республика Коми	16,52%	33,03%	44,04%	8,26%	17,44%
Республика Марий Эл	9,21%	26,32%	57,90%	11,85%	14,48%
Краснодарский край	16,37%	35,46%	43,64%	15,46%	10,00%
Владимирская область	7,81%	18,75%	31,77%	23,44%	33,85%
Курская область	7,00%	17,00%	35,00%	20,00%	22,00%
Орловская область	16,35%	25,97%	51,93%	15,39%	15,39%
Ростовская область	18,27%	42,31%	48,08%	8,66%	17,31%
Рязанская область	13,58%	28,40%	53,09%	12,35%	19,76%
Москва	12,82%	41,03%	42,31%	10,26%	11,54%

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее предпочтительными для молодых людей являются предметы, дающие знания о свободе совести, светскости государства, толерантности. Так думают не меньше трети респондентов во всех регионах. В Йошкар-Оле с таким ответом согласны почти две трети опрошенных. В то же время можно отметить в целом критическое или равнодушное отношение к преподаванию предметов, связанных с проблемами религии и этики. От 7,15% в Улан-Удэ и до 23,44% во Владимире молодых лю-

дей согласны с тем, что преподавать не нужно никакие их предметов этого типа. Средний показатель колеблется в районе 10-15%. Больше всего молодых людей поддерживает идею о необходимости преподавания предметов, обучающихся религии, в Махачкале (Дагестан) – 33,87% опрошенных.

В Башкортостане существует специальная программа «Поддержка и развитие исламского образования в России», разработанная Фондом поддержки исламской культуры, науки и образования. Данный фонд был организован при участии Управления внутренней политики Администрации Президента РФ в декабре 2006 года.

Из письма министра образования и науки Республики Дагестан А. Гасанова: «Что касается реализации свободы совести в учебных заведениях, то здесь нет проблем. Многие вузы оборудованы молельными комнатами, студенты и преподаватели свободно исповедуют свои религии (исключение составляет ваххабизм, официально находящийся под запретом в республике). Студенты могут одеваться в соответствии с требованиями религии: девушки – в хиджабах, юноши – в шапочках. В общеобразовательных школах – по-разному, в зависимости от директора. По вопросу преподавания предмета «Основы православной культуры» сообщаем, что в образовательных учреждениях республики этот предмет не преподается, и министерством договор в этой сфере о сотрудничестве с Епархией не заключен. Считаем, что в многонациональной и многоконфессиональной республике в системе образования должны быть представлены различные религии, и целесообразным изучение исторических и культурных основ всех ведущих мировых религий. В связи с этим разработан учебник «История мировых религий» (автор – к.ф.н. Ханбабаев К.М.). С 2010 года планируется ввести предмет «История мировых религий» в школы республики».

В Бурятии дисциплины религиозоведческой направленности («Основы религиоведения», «Религиоведение», «История религий») преподаются в вузах практически по всем направлениям подготовки в соответствии с ГОСТ высшего профессионального образования. Более широкий спектр дисциплин изучается студентами Бурятского государственного университета и Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. В их числе: «Современная православная философия», «Межконфессиональные конфликты», «Социология религии», «Эволюция религии в современном мире», «Шаманизм: история и современность», «Философия и наука о шаманизме», «Семиотика шаманской культуры Байкальского региона», «Взаимодействие шаманизма, буддизма и православия в культурном пространстве современной России» и др. Министерство образования и науки оказывает содействие в образовательной деятельности буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева, который осуществляет подготовку студентов на философском факультете с присвоением квалификации «лама-богослов», тантрическом факультете – «специалист по ритуальным обрядам», факультете буддийской живописи – «ламанкописец». По мнению председателя Комитета по молодежной политике Б. Ангурова, задача светского образования – давать религиозоведческие знания в качестве неотъемлемого компонента гуманитарного знания. Введение в образовательных учреждениях религиозно ориентированных предметов будет означать клерикализацию государственной системы образования. В то же время

учащиеся должны получать знания о религии как важной составляющей истории и культуры, также необходимо формировать религиозную толерантность. Важная роль в реализации этой функции принадлежит современному светскому образованию.

§ 6. Толерантность в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы

Со времени выхода в свет книги проф. В.К. Арсенкина «Кризис религиозности молодежи: методологические аспекты исследования» (Москва, 1984, где утверждалось, что рост численности верующих молодых людей, фиксируемый социологами в тогдашнем Советском Союзе, – это лишь вершина айсберга; на самом же деле такой рост парадоксальным образом приведет со временем к преодолению религиозных предрассудков, являясь своеобразной «болезнью роста»), – в теоретических подходах специалистов к феномену религиозности молодежи произошли серьезные подвижки. Помимо очевидной переориентации идеологических установок государства (атеистическое воспитание *vice versa* «гражданская религиозность»), как вариант решения вопросов внутренней и внешней политики выступает установка на активизацию социальной роли РПЦ (перевод в плоскость внутрицерковной жизни социально-экономических задач – жилье, медицина, досуг, поддержка неимущих и т.д., – проблемы, касающиеся молодежи чрезвычайно остро) [100].

Рост молодежной религиозности при этом оказывается «вписан» в общесоциумные тенденции, что позволяет сблизить возможную интерпретацию его *количественных* показателей с интерпретацией аналогичных показателей в других возрастных группах (например, достижения на определенном уровне сравнительно устойчивых результатов («плато»), за которыми количественный рост прекращается). Вместе с тем, *качественные* показатели молодежной религиозности сегодня заставляют глубоко задуматься о достоверных методах их установления, возможной интерпретации и связанных с этим путях разработки научно обоснованных рекомендаций по управлению процессами в данной сфере. Толерантность – едва ли не ключевое звено подобной стратегии, несмотря на то, что данное понятие во многом дискредитировано «заказным» характером разработки прилегающей к нему тематики [105].

В данной связи можно выделить две существенных проблемы, касающихся усиления социально значимых позиций (и, соответственно, снижения уровня толерантности), во-первых, традиционных конфессий; во-вторых, конфессий «нетрадиционных» (прежде всего, новых религиозных движений – НРД).

1. Рост религиозности в нашей стране, в начале периода Перестройки воспринятый научным сообществом (как, впрочем, и массовым сознанием) как реализация идеала общественной свободы, за истекшие два десятилетия продемонстрировал, помимо несомненных положительных черт, и свои явные «минусы». По сути, в это время на «постсоветском пространстве» произошло почти повсеместное распространение религиозных идеологий, сменивших идеологию секулярной гражданственности. И это – в поликонфессиональной стране, где за последнюю тысячу лет истории накоплен разнообразный (и далеко не только

мирный) опыт взаимодействия религий... Не удивительно, что усиление позиций каждой из так называемых «традиционных» религий усилило тенденции поляризации общества по конфессиональному признаку, способствуя наметившейся *регионализации* – культурной, социальной, и даже политической.

Мир так называемой «духовной культуры» оказался здесь тем самым приводным ремнем, с помощью которого происходила и происходит очередная «смена вех». В частности, за истекшее 20-летие заметно «регионализированы» школьные программы, – как за счет выделения «федеральной» и «региональной» составляющих, так и за счет изменения содержания, форм, методов и стиля преподавания. Ни для кого не секрет, что, к примеру, учебный предмет под названием «история» подается в национальных субъектах федерации со значительными «поправками» на видение проблематики местными учеными-историками. Подача материала педагогами в собственной «версии», нередко ангажированной национальной аксиологией, «забивает» восприятие учащимися «стандартного» общегражданского подхода. Именно так обстоит дело, например, в тюркоговорящих регионах, для которых союз с Россией под влиянием симпатий к современным идеолого-политическим тенденциям в исламе (скажем, в турецком варианте) может представляться вынужденным временным шагом. Сходным образом, в регионах, связанных историческими корнями своей национальной культуры с ламаистской Монголией, совершенно иначе, чем в «стандарте», воспринимается историческая роль и значение фигуры Чингиз-хана и всего периода татаро-монгольского завоевания [5].

Ислам и буддизм соответственно играют немалую роль в усилении акцента на «инаковость» (вплоть до идеи несоизмеримости) культурного пространства разных народов. Националистические силы, усиление позиций которых всегда стимулируется такого рода непродуманными внутривнутриполитическими «акцентировками», охотно внедряют в сознание народов идею тождества национальной формы конфессиональности – и собственно культурного наследия (без указания принципиального различия «языков культуры» – и ее содержания, несводимого к этим языкам). Вокруг подобных «идеологических дискуссий» (а точнее, информационных войн) быстро возникает «поле» особого притяжения со стороны деструктивных элементов, стремящихся переориентировать политический выбор народа, нацелив его на сепаратизм по отношению к федеральному центру. Сошлемся в данной связи на добротные исследования И.А. Арзуманова, показавшего, что тибетский буддизм в таких республиках РФ, как Бурятия и Калмыкия, имеет политическую поддержку вовсе не в лице тибетского эмигрировавшего монашества, а инициируется на Тибете, т.е. в Китае [5]. Правда, Россия в ситуации регионализации не одинока – сходные процессы «сепаратизации» имеют место, например, в США (штат Техас). Как несправедливо было бы выводить за скобки «регионализирующего» фактора такую мировую религию, как христианство.

Распространение описанных «идеологических дисфункций» в образовательной среде – обратная сторона сокращения объема часов, выделяемых на изучение русского языка и литературы – «матрицы» восприятия культурных реалий России сквозь призму ее общекультурных (а не только узко-

религиозных) ценностей. Непродуманная политика федеральных ведомств привела к тому, что повсеместно (включая столицы) сужается фундамент, способный цементировать национально-культурное единство страны на фоне резкого изменения ее демографического субстрата. Формирование толерантности в данной связи становится необходимым условием выживания общества. Причем решение этой задачи – если положение дел не изменится – всегда будет идти в «догоняющем режиме» (что, разумеется, не повод отказаться от попыток ее сформировать). Такие попытки, однако, могут иметь сколько-нибудь заметный результат лишь в том случае, если в процессе планирования и экспертной оценки будет учитываться неизбежность противодействия им со стороны политизированных религиозных организаций, заявивших о себе в рамках «канонических» (и неканонических!) территорий практических всех существующих в России религиозных деноминаций.

Кстати, политизация конфессионального пространства – фактор, оказывающий обратное влияние на образовательный процесс в высшей и средней школе. Так, появление «антидота» духовному обнищанию последних лет – нового предмета «Основы православной культуры» (ОПК) – в свою очередь подстегнуло активную деформацию общественного и индивидуального сознания в формате культурно-исторического противостояния различных наций, проживающих на территории РФ. Причина – не в том, что гражданину РФ «плохо» знать основы православной культуры; а в том, что «культурологическое прочтение термина» подменяется здесь «политико-правовым». Обратная сторона медали: апробация ОПК в стенах некоторых московских вузов (как гуманитарных, так и технических), показала высокую степень востребованности учащимися информации о традиционных стереотипах религиозно-санкционированного поведения (особенно семейного). Так, для студентов-первокурсников одного технического вуза буквально откровением стало положение, согласно которому «выгоднее» (по медицинским, психологическим и бытовым параметрам) иметь одного полового партнера, нежели многих. Религиозное обоснование этого факта вызвало дополнительный интерес, поскольку оказалось более «комплексным», чем те мифологемы, которые были восприняты ранее на уровне бытового сознания и не получили должной «шлифовки» в стенах школы.

Тем не менее, вводя в школьные программы предмет ОПК в качестве обязательного, Россия рискует повторить опыт Арабской Республики Египет времен Х. Мубарака: когда мусульмане в школе изучали арабский язык (т.е. читали Коран), другие школьники, христиане-копты, могли слоняться по коридорам. Результат – слабое знание письменного арабского языка, со всеми вытекающими последствиями. В свете недавних событий в Египте надежда, что подобная религиозная диверсификация не подрывает гражданскую идентичность, оказалась лакировкой действительности. Разумеется, можно действовать и более «демократично» – например, класс можно разделить на две (и более!) части (во многих регионах, включая опять же столицы, такое разделение сегодня окажется далеко не в пользу «титупольной нации»). Пока православные христиане будут изучать свою духовную культуру (а точнее, согласно учебникам, религиозное мировоззрение отдельных современных богословов), – мусульмане, буддисты и

др. будут изучать свою. Не надо обладать сильными аналитическими способностями, чтобы предположить сценарии возможного общения детей после таких уроков. В этой связи вызывает удивление политика Патриархата РПЦ, который, имея прекрасную возможность осуществлять образовательную деятельность в рамках воскресных школ, прикладывает усилия к участию в идеологизации образовательного пространства страны. Ведь практика уроков Закона Божия – проводимых в школах с согласия учителей и родителей – существовала, по крайней мере, с конца 1980-ых гг. Что же заставило идеологов РПЦ принять участие в «государственном заказе» на проведение уроков ОПК? Забота о благе государства, которое таким путем получает дополнительную акцентировку внимания своих граждан на несовместимость (или пусть даже разность) убеждений? Или желание получить гарантированные площадки в государственных учебных заведениях и соответственно гарантированный пакет оплаты «образовательных услуг» по данному предмету? Зная некоторые предпочтения православных иерархов, можно предположить, что их стремление к духовному просветительству в данном случае не лишено некоторой доли мирских интересов. Невольно вспоминается, что в США – стране, где проблемы полиэтничности и поликонфессиональности имели положительную динамику (по крайней мере, в последние 60 лет), выпускники школ должны знать два обязательных предмета – законы США и английский язык (уметь читать и писать). Даже если «отложить мирские попечения» и предположить, что Патриархат в данном случае действует исключительно в целях поднятия нравственного самосознания наших сограждан (и в полном согласии со стремлениями руководства страны), тревоги экспертов не могут быть просто проигнорированы, – вопрос о толерантности не снимается с повестки дня и в этом случае [85,88].

Оптимально допустимая детализация религиозно-национальной «грамотности» в светском государстве предполагает введение светских курсов религиоведения, возможно этики, – но не как оппозиционных ОПК, а как реализующих ее смысл более легитимным образом. Острой проблемой в этом случае, однако, будет выступать проблема кадрового обеспечения таких курсов.

Духовная определенность – дело свободы совести. Духовное просвещение – дело школы (уроков литературы, языка; МХК, этики и религиоведения). Толерантность как следствие достижения определенного культурного уровня – следствие качественной работы по этим направлениям. Но это – в идеале.

На деле разрушение единых образовательных стандартов, играющих для огромных просторов России роль идеологических лекал, замена их на «разбитые зеркала» исторических претензий и обид в адрес соседей (счет которым и ведет «национальная история») живо напоминают сценарий, уже апробированный в образовательном пространстве Македонии. Сегодня в этой стране фактически существует сегрегация по национально-этническому признаку, приравненному к конфессиональной принадлежности (дети христиан и мусульман обучаются отдельно, в разных зданиях, по разным программам и на разных языках). Внедрять толерантность в этом регионе приходится Турции, взявшей на себя труд (и, прямо скажем, расход) строить школы, где подобной сегрегации нет, а обучение (в основном детей представителей национальных элит) ведется на государственном языке (при усиленном изучении английского). По-

нятно, что симпатии в адрес Турции – неизбежное следствие ее продуманной политики в данном вопросе. Если это и миссионерство, то – грамотное; и соответствующим структурам РПЦ здесь есть чему поучиться (включая экономические рычаги приведения в действие духовно-культурного влияния).

2. Вторая проблема, касающаяся роста религиозности молодежи в России и задачи формирования толерантности, связана с тем, что государство, «отпустив» из своих рук идеологический рычаг в «перестроечные» годы, не просто заменило систему этических, эстетических и духовных предписаний лозунгом «Обогащайтесь!» В стране (при посильном сопротивлении определенных лиц и организаций, включая РПЦ) сложилась практика более широкого «открытия дверей» (с включением правовых механизмов) заметному числу религиозных деноминаций, ранее слабо представленных (или вовсе не представленных) в религиозном пространстве России. При этом «крен» был сделан не столько в сторону разрешения деятельности так называемых «нетрадиционных деноминаций» (баптисты, адвентисты, иеговисты и т.д.), практика преследования которых имела место в СССР, сколько – поначалу – в сторону фронтального снятия запретов на любую «благопристойную» религиозную деятельность. Этот подход дал себя знать в увеличении числа организаций, позиционирующих себя как НРД. Понятно, что при подаче запроса на открытие своих представительств в России никто, включая разного рода религиозно окрашенных экстремистов (например, печально известную секту Аум Синрике), не заявлял прямо о деструктивной направленности своей «духовной работы». Таким образом, с одной стороны, создавалась возможность для предельно широкого истолкования «разрешенности» (регистрируем всех, кто ходатайствует о регистрации; «разрешено все, что не запрещено»); а с другой – увеличивались «дыры» в законодательстве, оставляющие за конкретными чиновниками право истолкования этого самого законодательства. Условно говоря, на сегодняшний день де-факто сложилась ситуация, при которой зарегистрироваться может любая организация, которая сумеет произвести приятное (и хорошо документированное) впечатление на соответствующих чиновников. Напротив, при наличии предубеждения (как обоснованного, так и базирующегося на фрагментарном личном опыте или средствах внешнего убеждения) у ответственных лиц в Министерстве юстиции мотивированный отказ в регистрации – дело техники делопроизводства плюс совести экспертов-религиоведов (которые, как правило, стоят за «расширительное» истолкование закона по принципу: «пусть расцветают все цветы»... Прополка, конечно, неизбежна; но «вывести из тени « необходимо, с их точки зрения, все претендующие на легальность структуры). Разумеется, приведенная позиция экспертов имеет право на существование. Однако не стоит пренебрегать и альтернативными ей точками зрения, одна из которых (озвучиваемая в основном представителями РПЦ) содержит в себе как раз аргумент «от специфики молодежной религиозности».

Здесь возникает необходимость расстановки новых теоретико-методологических акцентов, релевантных поставленной исследовательской задаче изучения молодежной религиозности и, соответственно, изучению перспектив и методов формирования в этой среде толерантности как ценностной ориентации

и способа поведения. Заметим: как известно, само понятие «молодежь» в научной литературе размыто. Как следствие, многие аналитики (психологи, социологи, педагоги), – избегая «неудобного» словоупотребления, предпочитают говорить не о «молодежи вообще», а о конкретной возрастной группе (например, «лица от 18 до 20 лет», «лица от 18 до 25 лет» и т.д.). Вместе с тем, для комплексного исследования данная «размытость» представляется не столь опасной, поскольку функционирование данного термина подкреплено обыденным словоупотреблением и выражает, следовательно, некий феномен, объединяющий в целостную группу людей, уже вышедших из детства, но еще не достигших зрелости. Интегрирование при этом идет не столько по возрасту (он в результате тотальной инфантилизации современных обществ во всех модернизирующихся странах заметно поднялся, подождая в верхней границе к планке в 30 лет), сколько по плотности распределения ценностных ориентаций, характерных для данной среды (и среднестатистически связанных именно с возрастным промежуток возмужания).

Поддержка обществом тех или иных предпочтений, складывающихся в ходе непростого психосоциального, физиологического и духовного процесса, традиционно осуществлялась и контролировалась определенными социальными институтами. Религия принадлежит к наиболее древним из них. Казалось бы, это – прямой путь к созданию системы конфессионально ангажированного образования в тех странах, которые хотят соответствовать запросам времени, требующими уточнения ценностных ориентаций, их большей определенности. Преимущества НРД, особенно протестантского толка, – в их высокой социальной активности, готовности помочь с решением психологических, социальных и духовных проблем, главная из которых для молодого человека – наличие перспектив на будущее. Рекрутируя своих последователей, религиозные организации нередко делают упор именно на одиноких людей – молодежь, лиц пожилого и среднего возраста. Не оставлены вниманием и люди семейные, (особенно многодетные), чье возмужание еще не состоялось в полной мере из-за нерешенности бытовых проблем. В том числе, и в силу отсутствия социальных гарантий – при кажущемся их изобилии (льготный проезд, бесплатное питание детей в школе и т.д.) в сегодняшней России (полная невозможность получить социальное жилье, дать детям нормальное образование и т.д.) [64].

Пример внимательного отношения к последним являет движение русских общин, имеющее одно из организационных подразделений в рамках Движения Иконы Державной Божьей Матери – (согласно Р. Лункину, НРД «православной ориентации»). Налет молодежного экстремизма, поддерживаемый подобными организациями явно и неявно (в последнем случае – через систему клубов по изучению боевых искусств и т.д.) связан с националистическим крылом «легального» православия. Активность этого крыла направлена в основном на подростковую аудиторию. Однако события на Манежной площади показали, что такая молодежь – способная за себя постоять, вплоть до пролития крови, – уже подросла. Интересно, что в начале так называемого «периода религиозного Возрождения» 1985-го – 1990-ых гг. (совпавшего, как уже отмечалось, с периодом Перестройки) представители НРД и РПЦ формировали ряды своих последователей

сходным образом, – чему автор этих строк оказался свидетелем на примере работы Тверской епархии и такого яркого ее представителя, как о. Борис Ничипоров). Этот проповедник, заметный своим темпераментом и сравнительно высоким уровнем светского образования (психфак МГУ им. М.В. Ломоносова, защита кандидатской диссертации по психологии), во второй половине 1980-ых гг. развернул свою деятельность в качестве священника Ильинской церкви села Селихово Конаковского района Тверской области. Его общественная активность состояла, в том числе, в привлечении местной интеллигенции на светские собрания в клубе г. Конакова (Дворец культуры им. Воровского). Основными «светскими» слушателями были поначалу учительницы местных общеобразовательных школ, школы музыкальной и художественной, а также представители других образовательных и научных учреждений города и района (изостудии, энергетического техникума, филиалов московских и тверских вузов, исследовательских баз, подразделений АН СССР, находившихся на данной территории и т.п.).

Как дипломированный психолог, автор книг и блестящий проповедник – да и просто как опытный человек, – отец Борис при решении задачи увеличения численности своей паствы грамотно делал ставку на людей психологически депривированных (а именно такую категорию составляла в это время российская интеллигенция, «выброшенная» реформами на обочину жизни), дезориентированных, находящихся в процессе душевного и духовного поиска; а также – на детей («через них в храм пойдут и их родители»), подростков и молодежь. Богословской основой данного подхода выступает учение Блаженного Августина о линейном времени и характере человеческой истории, составляющей духовно-психологическую проекцию взросления человека от младенчества к старости. Согласно этому подходу бремя нераскаянного греха в молодости, как правило, меньше, чем в зрелые периоды жизни. Отсюда – сравнительно большая открытость молодой души всему новому, воспринимаемому с доверием и надеждой на благо [81].

Однако привлечение людей в храм решает с точки зрения представителей РПЦ лишь часть проблемы. Другая (и, с точки зрения светского аналитика, наиболее существенная) ее часть – это регулярная работа с прихожанами в рамках прихода. Степень «регулярности» при этом в РПЦ определяет священноначалие. Так, для Приморья и Владивостокской кафедры (Владыка Вениамин) в те же годы частота посещения таинства причастия определялась для мирянина готовностью к нему; Тверская епархия (Владыка Виктор) полагала достаточным посещение 1 раз в календарный месяц. Сегодня в московских приходах речь идет о полноценном участии в литургии не менее 1 раза в неделю [24].

Итак, поскольку подростки и юношество – это будущее любой организации, явная или скрытая заинтересованность в привлечении этого контингента имеется у любой религиозной организации. В то же время, сравнительная «нестабильность» психической организации людей молодого возраста составляет особую привлекательность как поле возможных манипуляций и вместе с тем пространство «чистого листа», годного для не столь откровенно манипулятивных педагогических усилий. Задача формирования толерантности в этой среде, с нашей точки зрения, имеет ряд обязательных условий негативного и позитивного плана [24].

К негативным условиям относятся:

1. Запрет на слияние светской и духовной систем образования (принцип свободы совести, соединенный с принципом разделения Церкви и государства).

2. Запрет на деятельность «не апробированных» НРД на территории России.

3. Запрет на использование в ходе религиозно-культовых действий психотехник (термин требует четкого правового уточнения, закрепленного в соответствующем законодательстве).

К позитивным условиям относятся:

1. Развитие системы религиозного просвещения средствами научно обоснованного религиоведческого подхода при обязательном соблюдении норм толерантности со стороны педагогов и учащихся.

2. Стандартизация системы школьного образования по общегосударственным ценностным лекалам (формирование гражданского сознания, в котором толерантность признается важной гражданской ценностью, предполагающей уважение к свободе совести – в том числе, и в ее конфессиональной интерпретации).

3. «Разблокировка» системы религиозного образования как одного из социально одобряемых институтов, одновременно с качественной подготовкой кадров, способных грамотно работать со светской аудиторией. Это не означает создания армии полуграмотных «теологов вообще», и возможно лишь с привлечением университетских образовательных ресурсов в соединении с ресурсами духовных образовательных учреждений.

Модернизация образования в контексте Болонского процесса ставит целью образовательного процесса формирование ключевых компетентностей (компетенций). Совет Европы принял определение пяти ключевых компетенций молодых европейцев, особое значение среди которых занимают компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе. Для того, чтобы контролировать проявление расизма, ксенофобии и развитие климата нетолерантности, образование должно «оснастить» молодых людей межкультурными компетенциями, такими как принятие различий, уважение других и способность жить с людьми других культур, языков и религий.

Проект государственного образовательного стандарта третьего поколения выдвигает требования к общим и специальным компетенциям выпускника. К числу общенаучных компетенций, в частности, относятся способность и готовность к:

– гражданской активности, заинтересованности и сопричастности к происходящим в обществе и государстве социально-экономическим, политическим и культурно-нравственным процессам;

– проявлению расовой, национальной и религиозной толерантности.

Формирование толерантной личности, способной к реализации личных и профессиональных компетенций в условиях современного полиэтнического пространства становится объективным требованием времени.

Как социальный термин, **толерантность** используется для характеристики ситуаций диалога культур, достижения консенсуса, рационального обосно-

вания приоритетности поиска путей мирного и стабильного сосуществования в условиях многообразия. Термин **интолерантность** (нетерпимость) используется для описания ситуаций проявления насилия, дискриминации, нарушения прав человека, нагнетания социальной нестабильности, стремления к жесткому единообразию.

Несмотря на частое использование относительно нового для российского сознания термина, единства в его понимании и применении пока не наблюдается, а диапазон расхождений во мнениях о том, что такое толерантность и каковы ее границы, достаточно широк. Одни авторы пишут о толерантных отношениях и установках, другие – о толерантности как свойстве личности, третьи – о навыках толерантного поведения. В литературе можно найти подходы к толерантности как ценностной ориентации, групповой норме, форме социального взаимодействия, механизму общения, результирующей характеристике выхода из конфликтной ситуации, культуре ведения диалога, профессиональной компетенции специалистов, работающих с людьми – врачей, психологов, политиков, управленцев, педагогов. При этом многочисленные описания и определения в качестве сущностных признаков выделяют разные аспекты толерантности, наполняя само понятие многослойным содержанием, связывая его с разнообразными факторами и детерминантами. В отечественной психологии термин толерантность использовался еще в 60-е гг. XX века Б.Г. Ананьевым. В трудах отечественных социальных психологов имеются прямые или косвенные упоминания о толерантности, о возможных социальных контекстах ее проявления и развития: общении, социальном взаимодействии, межличностных и межгрупповых отношениях, социальном познании, групповой динамике, конфликтах, ценностных ориентациях, социальных нормах, мотивации, организационной культуре, менеджменте, массовидных процессах, социальной и культурной адаптации, социально-психологическом тренинге и др. (В.С. Агеев, Г.А. Андреева, А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, В.Л. Васильев, Р.М. Грановская, Н.В. Гришина, И.Н. Гурвич, О.И. Даниленко, А.И. Донцов, Е.К. Завьялова, В.Г. Каменская, Е.С. Кузьмин, Л.В. Куликов, В.Н. Куницына, Н.М. Лебедева, И.М. Никольская, Н.Н. Обозов, В.Н. Панферов, Б.Д. Парыгин, Л.А. Петровская, Ю.П. Платонов, Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкий, В.Е. Семенов, Е.В. Сидоренко, З.В. Сикевич, О.С. Советова, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, Н.С. Хрусталева, Н.Ю.Хрящева, В.А. Чикер, Э.С. Чугунова и другие).

В рамках основных психологических школ толерантность прямо или косвенно соотносится с целым рядом хорошо изученных явлений. Так, психоаналитический подход позволяет интерпретировать проявления толерантности-интолерантности в аспекте функционирования психологических защит и копинг-стратегий поведения, диалектики самоидентификации и внутреннего конфликта человека с внешней средой (З. Фрейд, Р. Лазарус, С. Фолькман, К. Хорни, Э. Эриксон и другие). Когнитивная психология дает почву для понимания таких важных механизмов формирования и проявления толерантности-интолерантности, как социальная категоризация, когнитивный диссонанс, социальные установки, социальные стереотипы и атрибуции, социальные пред-

ставления (Дж. Тернер, Л. Фестингер, Ф. Хайдер, С. Московичи и другие). В бихевиористической психологии моделируются отдельные аспекты проявления толерантности-интолерантности, базирующиеся на удовлетворении социальных потребностей, отреагировании социальных страхов, адекватном принятии окружения и самого себя, формировании основ агрессивного поведения – как одной из крайних форм проявления интолерантности (Б. Скиннер, Дж. Вольпе, А. Лазарус, Р. Бэрон, Д. Ричардсон, В. Ромек). Гуманистическая психология раскрывает нормативную, ценностно-ориентационную и личностно-смысловую стороны толерантности (К. Роджерс). Особое внимание уделяется вопросам толерантности в кросс-культурной и этнической психологии, в частности, в связи с понятиями идентичности, межкультурной адаптации, культурного шока (Дж. Берри, М. Плизент, Г. Тэджфел, К. Оберг, Ю. Мартин, Т. Накаяма, Д. Мацумото, Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, С.Д. Гуриева, О.С. Михалюк, Л.Г. Почебут, Н.С. Хрусталева, В. Хармз и другие).

Концепции и дефиниции толерантности, представленные в психологической литературе, отличаются большим разнообразием и трудно сопоставимы. Так, например, толерантность у разных авторов определяется как одобряемое поведение и отказ от навязывания точки зрения одного человека другим людям (Н. Эшфорд), как принятие соглашения о «правилах игры» (Дж. Салливан, Дж. Пьересон, Дж. Маркус), как способ, выражающийся в уважении точки зрения другого человека (Л.Г. Почебут), как особые отношения (С.К. Бондырева), как снижение сензитивности к объекту (Е.Ю. Клепцова), как психологическую устойчивость, систему позитивных установок, совокупность индивидуальных качеств, систему личностных и групповых ценностей (Г.У. Солдатова). У других авторов в определениях или описаниях толерантности присутствуют образные сопоставления «свое-чужое», «мы-они», «равенство-превосходство», «разные-одинаковые».

Предпринимаются попытки обозначения отличий толерантности от близких понятий, в частности, таких, как терпимость, конформность, доверие, доброта, воспитанность (А.Г. Асмолов, В.Н. Куницына, Т.П. Скрипкина). Не противоречивы, но и не сопоставимы позиции авторов, предлагающих выделять те или иные детерминанты, факторы, структурные компоненты, качества, свойства, виды, типы, эмпирические свойства толерантности (С.К. Бондырева, И.Б. Гриншпун, П. Николсон, Б. Риердон, З.В. Сикевич, М. Уолцер, И.П. Шкуратова, Е.И. Шлягина, Э. Эйдемиллер и др.).

С точки зрения гражданской позиции, толерантность — это особая ценность прав человека, она утверждает уважение к чужому мнению, к различным формам самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Толерантность вытекает из факта уважения прав других людей. Она вырастает из убеждения, что все свободны иметь собственное мнение, веру, свободны от предрассудков, каждый вправе критиковать мысли и действия других людей и власти, а также внимательно прислушиваться к критике. Она неразрывна с признанием за каждым права на творчество, на культурную самобытность, свобод-

ный выбор нравственности, с правом иметь индивидуальный облик, вести собственный образ жизни.

Принимая во внимание сложность и неоднозначность понимания самого понятия «толерантность» – «интолерантность», важно сосредоточиться на том, что смысл и значение этих слов имеет яркую активную направленность. Толерантность – это *активная нравственная позиция* и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами. А это требует навыков налаживания позитивного взаимодействия между людьми разного пола, возраста, национальной и религиозной принадлежности и т.д.

Представленная в исследованиях Пищулина Н.П., Пищулина С.Н., Коробецкого И.А. типология взаимодействия, позволяет отразить содержание понятий «толерантность-интолерантность»:

Таблица 1 Соотношение понятий
«взаимодействие» – «толерантность» – «интолерантность»

Тип взаимодействия	Понятие
Диалог	Толерантность
Сотрудничество	
Опека	
Индифферентность	Интолерантность
Подавление	
Конфронтация	
Конфликт	

Как видно из таблицы, толерантности соответствуют первые три типа взаимодействия.

В диалоге проявляется индивидуальность и постигается своеобразие другого, т.к. именно диалоговое взаимодействие подразумевает равенство позиций в общении. В структуре диалогового взаимодействия преобладают эмоциональный и когнитивный компоненты, которые могут быть охарактеризованы через высокий уровень эмпатии, чувство партнера, умение принять его таким, каков он есть, отсутствие стереотипности в восприятии других, гибкость мышления; а также через умение «видеть» свою индивидуальность, умение адекватно «принимать» (оценивать) свою личность.

Второй тип взаимодействия – сотрудничество – подразумевает совместное определение целей деятельности, совместное ее планирование, распределение сил и средств на основе возможностей каждого. Это уровень толерантного поведения, который может быть охарактеризован следующими признаками:

- контактность;
- доброжелательность (отсутствие агрессии, в том числе и самоагрессии);
- отсутствие тревожности;
- мобильность действий;
- вежливость (учтивость);

- терпение;
- доверительность;
- социальная активность.

Опека является типом взаимодействия, также соотносимым с понятием толерантности. Опека подразумевает заботу, причем эта забота не унижает достоинства опекаемого, являясь естественной этической нормой субъекта и объекта. Данный тип взаимодействия возможен только тогда, когда обе стороны принимают друг друга и терпимо друг к другу относятся, и характеризуется следующими признаками:

- эмоциональная стабильность;
- высокий уровень эмпатии;
- экстравертность;
- социальная активность;
- умение прийти на помощь.

Все перечисленные признаки характеризуют человека, свободного от догм, стереотипов, страхов, от чрезмерной потребности в опеке и стремления к подавлению окружающих (последние характеристики свойственны «гиперопеке»). Следовательно, диалог и сотрудничество связаны с пониманием такой категории, как «свобода». Характеризуя эту связь, необходимо уделить внимание ведущей мысли теоретиков и практиков педагогики сотрудничества. Если предоставить детям полную свободу, но не создать при этом отношения сотрудничества, то выпадает главное и воспитанию внутренне свободного человека – обострение совести. Именно в сотрудничестве, в желании работать вместе, в тонкой игре усилий каждого, во взаимном побуждении, которое делает ненужной требовательность, и рождается совестливое отношение к людям, работе, обязанностям.

Такие типы взаимодействия, как подавление, индифферентность, конфронтация и конфликт совместимы с понятием интолерантности. К ее симптомам, обозначенным в изданиях ЮНЕСКО, относятся:

- Язык: использование оскорбительной, высокомерной или пренебрежительной лексики, унижающей людей, которые относятся к иной культуре, расе, нации, полу, религии, людей с физическими недостатками, с нетрадиционной сексуальной ориентацией и мн.др. Осмеяние.

- Стереотипы и предубеждения, как правило отрицательные, характеризующие всех представителей той или иной группы как имеющих одинаковые свойства. Возложение вины за случившееся несчастье или наличие социальных проблем на ту или иную группу.

- Дискриминация: разные социальные статусы, лишение социальных благ, отторжение от жизни в обществе.

- Остракизм: поведение, при котором существование других нарочито игнорируется. Отказ вступать с ними в беседу, признавать их самих или культуру.

- Репрессии: насильственное лишение возможности реализации прав человека.

- Запугивание: использование физического или численного превосходства с целью унижения или лишения собственности или положения.

- Уничтожение: содержание в заключении, физические расправы, выдворение из района проживания, вооруженные нападения и убийства. Геноцид.

Среди основных критериев толерантности и их показателей Пищулин Н.П., Пищулин С.Н., Коробецкий И.А. [86] выделяют следующие:

Таблица 2 Критерии и показатели толерантности

Критерий	Показатель
Устойчивость личности	Эмоциональная стабильность
	Доброжелательность, вежливость, терпение
	Социальная ответственность
	Самостоятельность
	Социальная релаксация
Эмпатия	Чувствительность партнера
	Высокий уровень сопереживания
	Учтивость
	Экстравертность
	Способность к рефлексии
Дивергентность мышления	Отсутствие стереотипов, предрассудков
	Гибкость мышления
	Критичность мышления
Мобильность поведения	Отсутствие напряженности в поведении
	Отсутствие тревожности
	Коммуникабельность
	Умение найти выход из сложной ситуации
	Автономность поведения
	Прогностицизм
	Динамизм
Социальная активность	Социальная самоидентификация
	Социальная адаптированность
	Креативность
	Социальный оптимизм
	Инициативность

Эти критерии можно развить по направлениям:

- *Устойчивость личности* – сформированность социально-нравственных мотивов поведения личности в процессе взаимодействия с людьми иных этнических (социальных) общностей;

- *эмпатия* – адекватное представление о том, что происходит во внутреннем мире другого человека;

- *дивергентность поведения* – способность необычно решать обычные проблемы, задачи (ориентация на поиск нескольких вариантов решения);

- *мобильность поведения* — способность к быстрой смене стратегии или тактики с учетом складывающихся обстоятельств;

- *социальная активность* — готовность к взаимодействию в различных социальных межэтнических ситуациях с целью достижения поставленных целей и выстраивания конструктивных отношений в обществе.

Социально-психологический анализ проблем толерантности ставит вопрос о границах толерантности. Исследователями отмечается наличие парадокса толерантности: «неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости... во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимым к нетерпимым» (К. Поппер). Следовательно, толерантность – это не индифферентность, т.к. предполагает *активное* противодействие различным проявлениям нетерпимости.

Таким образом, психологический феномен толерантности в самом широком смысле этого понятия, является одним из стержневых в формировании современной личности, и тем более, профессионала-психолога. Актуальной является проблема изучения уровня толерантности личности. Между тем, методический инструментарий исследования толерантности характеризуется очевидным преобладанием количественных методов над качественными. Количественные методы, в свою очередь, представлены преимущественно вербальными экспресс-опросниками и разнообразными авторскими анкетами (В.В. Бойко, В.С. Магун, М.С. Мириманова, Г.У. Солдатова с соавторами, авторские коллективы Ставропольского университета, ИЭА РАН, Московского психо-социального института, центра Ю. Левады и др.). Обращений к качественным методам исследования толерантности крайне мало (А.М. Верховский, О.И. Даниленко, Н.М. Лебедева, Л.Г. Почебут, З.В. Сикевич, Т.Г. Стефаненко, Н.С. Хрусталева и др.).

Наиболее разработанными являются составляющие межэтнической толерантности, с целью диагностики которых используется самый широкий спектр методик:

1. Интервью, опросы и тестирования, направленные на изучение этнической идентичности, стереотипов и предубеждений (например, методики типа «Приписывание качеств» Д. Кац и К. Брейли, «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса и ее модификации (Л.Г. Почебут), методика М. Кун «Кто Я?»).

2. Проективные методики (типа «Незаконченные предложения», «Рисунок несуществующего животного», модификация теста Розенцвейга).

3. Лабораторные и полевые эксперименты, направленные на изучение различных компонентов толерантного отношения.

4. Метод контент-анализа сочинений студентов на различные темы (например, «Мое отношение к терроризму», «Мое отношение к религии» и т.д.).

С целью изучения межэтнической толерантности студентов приводимая далее анкета (автор анкеты Т.Г. Стефаненко [109]).

1. Оцените степень вашего согласия с утверждениями в соответствии со шкалой: от 1 – абсолютно не согласен до 7 – абсолютно согласен. Обведите соответствующий балл после утверждения.

1.1. За границей мне было бы приятно ощущать себя представителем именно своего народа: 1 2 3 4 5 6 7

1.2. Хочу, чтобы мои друзья (подруги) были представителями разных народов России: 1 2 3 4 5 6 7

1.3. Не хотелось бы, чтобы все нации постепенно смешивались, каждый точно должен знать свои корни: 1 2 3 4 5 6 7

1.4. Для человека важнее ощущать себя, прежде всего представителем своего народа, а не гражданином России: 1 2 3 4 5 6 7

1.5. Я не уверен, что являюсь представителем того народа, к которому относят меня окружающие: 1 2 3 4 5 6 7

1.6. Мне неприятно лишний раз вспоминать о своей национальности:
1 2 3 4 5 6 7

1.7. Я верю, что конфликты между народами в нашем обществе в будущем прекратятся: 1 2 3 4 5 6 7

1.8. Принадлежность к разным национальностям мешает людям, живущим в России, чувствовать себя единым народом: 1 2 3 4 5 6 7

1.9. Если бы у меня сейчас была возможность выбрать национальность, я выбрал бы ту же самую: 1 2 3 4 5 6 7

1.10. Представители разных народов в нашем обществе никогда не будут относиться друг к другу с доверием: 1 2 3 4 5 6 7

1.11. Несмотря на то, что вокруг меня живет столько разных народов, я всегда ясно осознаю, каковы мои национальные корни: 1 2 3 4 5 6 7

1.12. Когда окружающие говорят о культуре и обычаях своего народа, я испытываю некоторый дискомфорт, потому что сам не могу точно определить, к какому народу себя отнести: 1 2 3 4 5 6 7

1.13. Я готов делать все от меня зависящее, чтобы о россиянах в мире говорили с уважением: 1 2 3 4 5 6 7

1.14. Межнациональная напряженность в России сохранится и в будущем: 1 2 3 4 5 6 7

1.15. Я не люблю, когда меня лишний раз спрашивают о моей национальности, и в подобных случаях стараюсь аккуратно сменить тему разговора:
1 2 3 4 5 6 7

1.16. Полное взаимопонимание между разными народами в нашем обществе вполне достижимо: 1 2 3 4 5 6 7

2. Как бы вы чувствовали себя при общении с представителями других этнических групп, с которыми вы никогда не встречались?

Я бы себя чувствовал

Совсем некомфортно 1 2 3 4 5 6 7 абсолютно комфортно

Абсолютно спокойно 1 2 3 4 5 6 7 совсем беспокойно

Абсолютно легко 1 2 3 4 5 6 7 совсем нелегко

Совсем неуверенно 1 2 3 4 5 6 7 абсолютно уверенно

3. Насколько хорошо, на ваш взгляд, вы понимаете представителей народов Кавказа?

3.1. Я думаю, что я хорошо понимаю психологию представителя народов Кавказа

Абсолютно не согласен 1 2 3 4 5 6 7 абсолютно согласен

3.2. Я думаю, я хорошо понимаю, что значит быть представителем народов Кавказа

Абсолютно не согласен 1 2 3 4 5 6 7 абсолютно согласен

3.3. Я с трудом ставлю себя на место представителя народов Кавказа, даже если я очень хочу понять его точку зрения

Абсолютно не согласен 1 2 3 4 5 6 7 абсолютно согласен

3.4. Я плохо понимаю, каким образом представители народов Кавказа воспринимают мир и других людей

Абсолютно не согласен 1 2 3 4 5 6 7 абсолютно согласен

4. Мое отношение к представителям народов Кавказа:

4.1. Абсолютно совсем

симпатизирующее 1 2 3 4 5 6 7 несимпатизирующее

4.2. Совсем абсолютно

неуважительное 1 2 3 4 5 6 7 уважительное

4.3. Совсем абсолютно

отвергающее 1 2 3 4 5 6 7 принимающее

4.4. Абсолютно совсем

одобрительное 1 2 3 4 5 6 неодобрительное

5. Готовы ли вы взаимодействовать с представителями народов Кавказа в следующих ситуациях:

5.1. Пригласить их в гости

совсем не готов 1 2 3 4 5 6 абсолютно готов

5.2. Работать с ними в одной группе

совсем не готов 1 2 3 4 5 6 абсолютно готов

5.3. Проводить с ними вместе свободное время

совсем не готов 1 2 3 4 5 6 абсолютно готов

5.4. Поддерживать их, когда их несправедливо критикуют представители моего народа

совсем не готов 1 2 3 4 5 6 абсолютно готов

6. Отметьте на шкале, насколько вы хорошо знаете культуру и традиции:

а) Русских 1 2 3 4 5 6 7

б) Марийцев 1 2 3 4 5 6 7

в) Башкир 1 2 3 4 5 6 7

г) Татар 1 2 3 4 5 6 7

д) Чувашей 1 2 3 4 5 6 7

е) Азербайджанцев 1 2 3 4 5 6 7

Укажите, пожалуйста,

Пол

Возраст

Национальность

Анкетирование было проведено среди студентов 2-3 курсов очного отделения экономического, механического, биолого-технологического факультета БГАУ в 2010 году. Всего в анкетировании приняли участие 250 респондентов.

Анализ ответов на первый блок вопросов анкеты, направленных на осознание этнической идентичности, ее аффективного и когнитивного компонентов, показал, что 72% опрошенных испытывают позитивные переживания, связанные со своей этнической идентичностью (они считают, что за границей им было бы приятно ощущать себя представителем именно своего народа). Чувство гордости за свою национальную принадлежность коррелировало с возможностью повторного выбора своей национальности, четким осознанием своих национальных корней, желанием, чтобы о россиянах всегда говорили с уважением. Кроме того, обнаружилась прямая зависимость между степенью уважения к своей национальности и уважением к представителям других национальностей. При наличии сомнений в национальной самоидентификации, возникших у 38% опрошенных, чувство гордости за свою национальную принадлежность не возникает.

Изучение соотношения таких компонентов этнической идентичности, как «россиянин» и «русский» (чуваш, татарин, башкир и т.д.) показало, что для 55% опрошенных важнее ощущать себя гражданином России, а не представителем своего народа. Вместе с тем, 53% респондентов не хотелось бы, чтобы все нации постепенно смешивались. Около 60% опрошенных верят, что конфликты между народами в нашем обществе в будущем прекратятся. Студенты, считающие это возможным, полагали, что национальность не мешает россиянам чувствовать себя единым народом, и не считали, что никогда не будет доверия между нациями; верили, что полное взаимопонимание между нациями достижимо.

Целый ряд вопросов анкеты был направлен на изучение социальной дистанции по отношению к представителям различных национальностей. 52% респондентов согласились с тем, что доверие между представителями разных национальностей возможно. 53% опрошенных хотели бы, чтобы их друзья были представителями разных народов России. Сопоставление этих ответов с ответами на другие вопросы анкеты показало, что если студент хочет иметь друзей разной национальности, то он считает, что принадлежность к разным народам не мешает людям быть едиными, разные народы могут относиться друг к другу с уважением; у него четкое представление о своей этнической идентичности, он хочет, чтобы о россиянах говорили с уважением и уважительно относились к представителям разных национальностей.

Третий блок вопросов анкеты касался выяснения отношения респондентов к представителям народов Кавказа. Анализ результатов показал, что порядка 50% студентов считают, что хорошо понимают психологию народов Кавказа и то, как они воспринимают окружающий мир. При этом те, кто хорошо понимают, что значит быть представителем народов Кавказа, относятся к ним с уважением, готовы активно взаимодействовать с ними, поддерживать их, хорошо знают русскую и кавказскую культуру. Напротив, те, кто с трудом ставят себя на место представителей народов Кавказа (39% опрошенных), абсолютно от-

вергают их и не хотят с ними взаимодействовать в условиях одного коллектива, ходить к ним в гости и т.д. Абсолютно одобрительно к народам Кавказа относятся 60% респондентов, это именно те люди, кто хорошо знает их культуру, традиции, обычаи.

Готовы пригласить в гости представителей народов Кавказа 68% респондентов, работать в одной группе 82%, столько же опрошенных готовы проводить с ними свободное время, и, наконец, 90% готовы поддерживать представителей народов Кавказа, когда их несправедливо критикуют по национальному признаку.

Так как среди опрошенных более 20% респондентов назвали себя русскими (славянами), то понятно, почему более 20% опрошенных отвечали, что знают хорошо русскую культуру, и лишь около 12% опрошенных знают культуру других народов. Знание культуры народа напрямую коррелирует с желанием общаться с отдельными его представителями.

Таким образом, результаты анкетирования подтвердили точку зрения многих психологов о том, что существует тесная связь между позитивной этнической идентичностью и межэтнической толерантностью (Н.М. Лебедева). В то же время гиперидентичность со «своим» этносом в полиэтническом обществе сопровождается этноцентристскими стереотипами, предубеждениями по отношению к представителям других этнических групп и уклонению от тесного взаимодействия с ними. В связи с этим при формировании этнической толерантности крайне важной ставится задача формирования позитивной этнической идентичности. С точки зрения Г.У. Солдатовой, «устойчивость идентичности и ее позитивность – центральные моменты для ощущения группой психологической безопасности и стабильности». В связи с этим была поставлена задача дальнейшего изучения и развития позитивной этнической идентичности студентов.

В современной отечественной этнопсихологии этническую идентичность принято рассматривать как осознание индивидом собственной принадлежности к определенной этнической общности (В.С. Агеев, А.Г. Асмолов, Е.И. Шлягина, Н.М. Лебедева, В.П. Левкович, Н.Г. Панкова, А.А. Леонтьев, Л.И. Наumenко, В.Н. Павленко, Ю.В. Платонов, Л.Г. Почебут, Г.У. Солдатова, Г.В. Старовойтова, Т.Г. Стефаненко, Е.И. Шлягина, С.Н. Ениколопов). Этническая идентичность включает в себя три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий.

Когнитивный компонент – это знание этнодифференцирующих признаков, позволяющих конструировать у индивида представление об этносе и о своем соответствии этому этносу. Четкое представление этнодифференцирующих признаков дает возможность более тесно ощутить связь со своим народом. Объективными признаками, позволяющими ощутить принадлежность к этнической группе, являются антропологические (внешность), место рождения и проживания, язык и др. Не менее значимыми, а зачастую даже и более значимыми, являются для индивида такие этнодифференцирующие признаки как культурные ценности (верования, обычаи, традиции, историческая память и многое другое).

Аффективный компонент этнической идентичности входит в структуру общего самоотношения личности и включает в себя 1) оценку собственной этнической группы, 2) своего членства в ней и 3) статусность группы относительно других этнических групп. При этом необходимо учитывать, что три вышеперечисленных параметра могут конфликтовать между собой в условиях неблагоприятного межгруппового или внутригруппового сравнения. Так, если индивид не достаточно успешен с точки зрения образа типичного представителя конкретной этнической группы, он может отмежевываться от своего этноса, повышая тем самым самооценку путем уменьшения значимости внутригруппового сравнения. Также причиной искусственного принижения значимости внутригруппового членства может быть низкий статус этнической группы в условиях межгруппового взаимодействия. Это может приводить к расхождению реальной и декларируемой этнической идентичности.

Поведенческий компонент этнической идентичности представляет собой реальный механизм поведения в различных ситуациях внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Как показывают исследования, человек может причислять себя к этнической общности на когнитивном и аффективном уровнях, но при этом не проявлять специфических для своего этноса моделей социотипического поведения.

Согласно точки зрения Г.У.Солдатовой [106], этническая идентичность обладает целым рядом особенностей, среди которых ориентация на прошлое, мифологизм, а также способность возрастать и ослабевать в соответствии с внешними обстоятельствами. Кроме того, этническая культура, лежащая в основе этнической идентичности, разделяется на культуру для «внешнего» пользования и «внутреннего» пользования (С.В. Лурье). Поэтому, с точки зрения анализа социотипического поведения, зачастую существуют двойные стандарты эндогенного и экзогенного поведения, разница между которыми может усиливаться в ситуациях межэтнической напряженности.

Т.Г. Стефаненко отмечает, что последние десятилетия связаны с ростом этнического самосознания во всем мире [108,109]. Интерес к своим корням, поиск уверенности в завтрашнем дне, стабильности и защиты связан с обращением к двум межпоколенным социальным группам – семье и этносу. Тесное психологическое переплетение этих двух групп выражается в том, что именно семья является первым и основным (а иногда и единственным) источником знаний об этнических особенностях, свойственных тому или иному народу (старшее поколение является хранителем традиций).

Таким образом, формирование позитивной этнической идентичности должно включать взаимосвязанную работу по развитию всех трех компонентов этнической идентичности: когнитивного, аффективного, поведенческого. Изучение типа этнической идентичности с помощью методики Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой показало, что 56% студентов обладают позитивной этнической идентичностью, т.е. сочетанием позитивного отношения к своему народу с позитивным отношением к другим народам. 20% опрошенных характеризовались этнической индифферентностью, т.е. размытой этнической идентичностью, а для 10% респондентов был свойственен этноизоляционизм, т.е. убежденность в

превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия.

Изучение общего уровня толерантности с помощью экспресс-опросника «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова) показало, что для абсолютного большинства (95%) студентов характерен средний уровень толерантности. Такие результаты показывают, что для респондентов характерно сочетание толерантных и интолерантных черт: в одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявить интолерантность.

Элементы тренинговой работы, направленной на осознание и актуализацию этнической идентичности, состояли из упражнений по формированию ее когнитивного и аффективного компонентов (упражнения «Кто я?», «Цветок», «Музей родной культуры», «Моя визитка», «Групповая визитка», «Мое любимое место», интервью, незаконченные предложения). Особенность ее заключалась в том, что в тренинге принимали участие студенты социально-психологического факультета, имеющие хорошее представление как о данной форме групповой работы (социально-психологический тренинг), так и о теоретическом содержании отрабатываемых конструктов (этническая идентичность, этническое самосознание, этноцентризм, национализм, этническая толерантность). В случае если группа, принимающая участие в тренинге, не имеет представления о форме и содержании проводимых занятий, в работу вводятся дополнительные упражнения, направленные на формирование групповой сплоченности, сензитивности, эмпатии и др. Содержание же основных психологических терминов (например, этническая идентичность) можно и не раскрывать, вводя при этом такие, вполне понятные для каждого, представления как:

- Народ и осознание связи с ним;
- История народа;
- Семья (особенно прародительская), семейная история и семейные традиции.

Во время проведения тренинговой работы, направленной на осознание студентами этнической идентичности, многие упражнения явились для нас источником знаний о том, какие компоненты этнической идентичности наиболее важны для русской студенческой аудитории. Так, после проведения упражнения «Цветок» результаты распределились следующим образом.

В качестве примордиальных характеристик этноса были названы следующие признаки (15% от всех ответов): 1) иметь национальные корни (12% от всех полученных ответов); 2) жить с представителями своего народа (2%), 3) жить на исконной территории своего народа (1%). То есть студенты, давшие такие ответы, конструируют психологическое содержание понятия «этническая идентичность» на основе представления об этносе как «изначальном», об этничности как социальном понятии, основанном на неких формальных, неизменных признаках.

Большинством же студентов этнические признаки распределились по трем компонентам, относящимся именно к психологическому конструированию понятия «этническая идентичность», а именно:

Когнитивный компонент (25% ответов): 1) знать родной язык (15%); 2) изучать историю и культуру своего народа (10%).

Аффективный компонент (37% ответов): 1) чувствовать себя представителем своего народа (16%); 2) разделять ценности своего народа (12%); 3) гордиться своим народом (6%); 4) радоваться выигрышу своего народа на соревнованиях и конкурсах (3%).

Поведенческий компонент (23% ответов): 1) обладать психологическими характеристиками, свойственными своему народу (10%); 2) праздновать национальные праздники (7%); 3) есть и уметь готовить национальную пищу (2%); 4) покупать и иметь дома традиционные предметы (2%).

Разделение ответов на три вышеперечисленных компонента по многим вопросам было достаточно условно, так как многие из вопросов носили комплексный характер, и тем не менее можно сделать вывод о тенденции к преобладанию эмоциональных составляющих этнической идентичности (гордиться, радоваться, чувствовать и т.д.).

Интересными в плане осознания собственной этнической и гражданской идентичности были упражнения, направленные на постижение истории народа и страны через историю своей семьи. Студентам предлагалось выстроить на одной линии наиболее значимые события, произошедшие после их рождения и происходившие до их рождения. Получившаяся хронологическая прямая у некоторых студентов строилась иногда от таких важнейших исторических событий как крещение Руси, война 1812 года, Великая отечественная война, продолжалась знакомством родителей, а заканчивалась окончанием школы, поступлением в институт, т.е. очень личными ситуациями.

Процесс проведения тренинга осознания этнической идентичности вызвал большой интерес у студенческой аудитории. Работа в группах была эмоционально положительно окрашена. Если в начале проводимой работы студенты говорили о том, что дома, в семье практически не обсуждают вопросы этнического происхождения и национальных корней, то в процессе проведения тренингов участники с гордостью рассказывали семейные истории, незаметно для себя учились гордиться своим народом, родным городом, использовать национальную атрибутику в качестве самопрезентации, а национальные чувства – в качестве объединяющей идеи. Во время проведения ролевой игры «Суд» гораздо больше аргументов нашлось у «адвоката» и «народных заседателей» в пользу этнической идентичности, которая не должна приводить к межнациональной розни, а должна помогать налаживать межкультурные контакты, быть основой позитивного взаимодействия.

В конце проведения тренинга участникам были предложены анкеты, которые помогли тренеру оценить эффективность проделанной работы. Полученные результаты показали, что абсолютное большинство студентов проявили

высокий интерес к проблемам этнической идентичности, а уровень толерантного отношения к представителям других этнических групп заметно возрос.

Таким образом, с помощью проводимых упражнений нам удалось расширить представления студентов об этническом самосознании и компонентах этнической идентичности, а также подготовить их к толерантному межкультурному взаимодействию.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем резюмировать, что с точки зрения современной психологии высокий уровень сформированности этнической толерантности, как одной из важнейших компетенций в развитии профессионального мировоззрения студентов-психологов, связан с единством когнитивного и эмоционально-волевого восприятия межэтнической среды; способностью анализировать необходимую этнокультурную информацию; коммуникативной гибкостью; наличием индивидуально-творческого стиля общения; осознанностью и принятием собственной этнической принадлежности; ценностным отношением к Другому, восприятием его как друга; способностью к ненасильственному взаимодействию; оперативным применением теоретических знаний об этнических особенностях представителей другого этноса; сформированностью позитивно-преобразовательной позиции в условиях полиэтнической среды; способностью осуществлять выбор собственных целей и линий поведения в межэтническом пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на вышеприведенных данных, анализ исследований проблемы толерантности представляется возможным определить основные направления повышения уровня толерантности молодёжи в российском обществе.

Нет сомнений в том, что в первую очередь на выработку мер по улучшению ситуации межэтнической напряженности и формирование позитивного толерантного межэтнического взаимодействия должны быть направлены усилия государства. Это возможно при проведении грамотной государственной национальной политики, направленной на обеспечение консолидации в российском обществе.

Для реализации политики толерантности необходимо выделить приоритетные направления. Такими направлениями: можно назвать следующие: организация мониторинга социальной нетерпимости и напряженности в различных социальных группах и регионах; разработка эффективных технологий формирования социальных норм толерантности; реализация этих технологий на разных уровнях: образовательном, информационном, политическом, социально-экономическом, правовом.

Общие итоги нашего исследования позволили выявить ключевые предпосылки социальной напряженности в обществе, которые необходимо учитывать при прогнозировании социальных рисков и проектировании социально-экономических программ различного уровня:

- рост социального разнообразия общественной жизни и сложности процесса принятия решений о месте личности (социальной группы) в системе социальных, профессиональных, национальных, религиозных, политических отношений;
- неопределенность ценностей и социальных установок на уровне личности и социальной группы, возникших в результате произошедших в короткие сроки изменений политического режима, экономической системы и национально-государственного устройства страны;
- рост гипермобильности населения, обусловленный динамикой этногеографической структуры общества в условиях бурных нерегулируемых миграционных процессов и приводящий к изменению социальных дистанций между различными этническими, конфессиональными, поколенческими и социальными слоями общества, а тем самым к росту социальной напряженности;
- возникновение в обществе стереотипов восприятия проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии как привычной социальной нормы и, тем самым, явное или неявное санкционирование использования негативных образцов агрессивного поведения; в деятельности отдельных личностей и социальных групп;
- активное распространение манипулятивных технологий; формирования; установок «свой-чужие», конструирование образа врага, использование языка

вражды в СМИ, создание радикальных «сайтов; ненависти» в Интернете, основной мишенью которых являются подростки и чувствующие себя социально ущемленными слои населения.

На основе результатов социологического и социально-психологического мониторинга, проведенного в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)», принятой 25 августа 2001 года Правительством РФ, можно выделить тенденции в оценке проявлений нетерпимости в разных сферах жизни.

В первую очередь, это снижение уровня жизни, сопряжённое с низким образовательным, культурным уровнем населения.

Результаты социологического анализа факторов проявления нетерпимости в России показывают, что наиболее высокий уровень проявления нетерпимости наблюдается в местах стихийного скопления людей: на улице, в транспорте, в общественных местах и местах проведения массовых зрелищ. Фактически конкурируют в проявлениях нетерпимости сфера средств массовой информации и сфера семейной жизни. Необходимо отметить, что сфера образования оценивается как сфера наименьшего проявления нетерпимости.

Наряду с этими данными повышенного внимания заслуживают исследования СМИ ценностных ориентаций подростков, свидетелей и участников разного рода травмирующих ситуаций, доказывающие, что в современном российском обществе возникают стереотипы восприятия проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии, антисемитизма, мигрантофобии как социальной нормы.

Отвечая на вопрос о том, какое отношение в современной России распространено к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам; подростки; на первое место поставили агрессивный; национализм (18,6%), затем расизм (17,1%), дискриминацию (16,4%), насилие (14,7), нетерпимость (14,4%), терроризм; (13,4%). Только около 2% респондентов считают, что ни одно из перечисленных явлений не распространено по отношению к вышеупомянутым меньшинствам.

Показательно высок и процент тех студентов, которым безразлична эта проблема (28,2%). Настораживает также тот факт, что более трети опрошенных молодых людей относятся с безразличием к любым неформальным молодежным группам, в том числе и к скинхедам.

Следует особо подчеркнуть, что равнодушное отношение значительной части молодёжи – тех, кто определит общественную и государственную жизнь нашей страны в недалеком будущем, – к социально опасным проявлениям жестокости и экстремизма, отношение к этим явлениям как к социальной норме является убедительным доказательством необходимости активизации государственной политики в области развития толерантности в стране.

Восприятие различных проявлений социальной агрессии и экстремизма; стереотипов, приводящих к этнофобии и ксенофобии, националистических и расовых предрассудков как социальной нормы связано со все более широким

использованием пассивных и активных манипулятивных; технологий конструирования образа врага; распространением языка вражды, созданием радикальных сайтов ненависти в СМИ и Интернете.

Приведенные факты иллюстрируют необходимость расширения нормативно-правовой базы и создания системы экспертизы, позволяющей дать правовую оценку различным проявлениям жестокости, агрессии; и экстремизма. Несмотря на то, что в российском законодательстве термин «толерантность» отсутствует, оно включает в себя основные нормы, призванные обеспечивать уважение к человеческой личности, правам и свободам.

Так, статья 19 Конституции Российской Федерации устанавливает, что все равны перед законом и судом, гарантирует равенство независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, общественных объединений, других обстоятельств. Специально подчеркивается, что мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности по их реализации. Часть вторая статьи 26 закрепляет право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания и творчества. Статья 28 гарантирует свободу вероисповедания и свободу совести, статья 29 гарантирует свободу мысли и слова, а также запрещает пропаганду и агитацию, возбуждающие социальную, национальную, расовую, религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, религиозного и иного превосходства.

Соблюдение этих конституционных норм обеспечивается различными отраслями права. Так, Уголовный кодекс содержит специальную Главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод граждан», в которой устанавливается уголовная ответственность, в частности, за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений отказ в предоставлении гражданину информации, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий, проведению собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирований или участию в них.

Иные главы Уголовного кодекса также содержат нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления, которые связаны с различными проявлениями экстремизма (например, статьи 282, 282-1, 282-2).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит большое количество статей, устанавливающих уже административную ответственность за менее значимые правонарушения, но в той же сфере. Так, например, предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания, религиозных объединениях (статья 5.26), нарушение законодательства об охране труда (статья 5.27), нарушение законодательства о собраниях, митингах, шествиях и демонстрациях (статья 5.38), отказ в предоставлении информации (статья 5.39). Это перечисление может быть продолжено.

Таким образом, предусмотренный, российским: законодательством «инструментарий» достаточно разнообразен и позволяет пресекать различные по тяжести нарушения, препятствующие развитию толерантности в обществе.

Вместе с тем, реализация заложенных в законодательстве возможностей явно недостаточна, поскольку не только привлечение к уголовной ответственности по вышеназванным статьям Уголовного кодекса представляет собой редкое явление, но на практике не часто используются и нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Многочисленные исследования показывают крайне низкую информированность граждан о своих правах (как и обязанностях), явный недостаток квалифицированных: разъяснений законодательства в средствах массовой информации, включая электронные, и, наоборот, большое количество неточной и неверной информации.

В целом, ситуацию можно охарактеризовать как широкое распространение правового нигилизма, которым заражено подавляющее большинство граждан.

В этой связи вполне обоснованной является необходимость введения государственной психолингвистической экспертизы в систему деятельности органов безопасности, законодательной и исполнительной власти, средств массовой информации, направленной на объективную идентификацию радикальных экстремистских материалов в» СМИ и Интернете. Подобная экспертиза повысит эффективность правовых решений при оценке проявлений экстремизма в СМИ.

Наряду с психолингвистической экспертизой необходима гуманитарная экспертиза образовательных программ и учебников; психолого-педагогическая экспертиза игровой продукции, в первую очередь, компьютерных игр, нередко провоцирующих деструктивное поведение детей и подростков.

Результаты гуманитарной экспертизы, также проведенной в рамках вышеупомянутой Федеральной программы, показывают, что в учебниках и образовательных программах история развития, человечества, разных стран и цивилизаций преподносится как история насилия и войн, что невольно способствует формированию оценки силовых способов разрешения конфликтов как социальной нормы. В связи с этим при проектировании учебников необходимо включить в их содержание фактический материал, демонстрирующий роль сотрудничества, кооперации, взаимопонимания, веротерпимости, миролюбия, диалога в развитии разных культур.

В ситуации роста социального разнообразия в обществе именно образование может выполнять задачу конструирования социальных норм толерантности как политического инструмента обеспечения согласия, гармоничного сосуществования социальных групп с разными интересами, формирования взаимопонимания и доверия в обществе, снижения социальных рисков.

Для достижения; этой цели предлагаются несколько типов, технологий снижения напряженности в обществе и формирования установок толерантного сознания: образовательные: учебные программы, нацеленные на формирование толерантности у школьников и студентов; программы дополнительного профессионального образования, призванные повысить профессиональную компе-

тентность в вопросах формирования толерантных отношений в обществе и противодействия экстремизму, нацеленные на учителей и преподавателей вузов, социальных, работников, руководителей разных уровней; работников СМИ; государственных и муниципальных служащих, представителей правоохранительных органов; социально-психологические тренинги, направленные на осознание и изменение негативных социальных установок и формирование установок толерантности у различных социальных групп; социокультурные технологии проведения социальных кампаний, социальной рекламы, коммуникации, направленные на понижение социальной напряженности и формирование установок: толерантности в массовом сознании; технологии проведения переговоров в ситуациях социальной напряженности, направленные на непосредственное устранение социальных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов.

Итак, проведенные исследования позволяют выделить приоритеты государственной политики, способствующие формированию толерантности и снижению напряженности в российском обществе:

- достижение консолидации различных социальных групп и отдельных личностей в ситуации роста социального разнообразия общества, обеспечивающей уменьшение вероятности, социальных, политических, экономических, этнических и религиозных конфликтов;

- выделение в качестве ключевой задачи системы образования формирование социальных условий, позволяющих представителям различных групп и социальных слоев общества посредством социальной, академической и профессиональной мобильности преодолевать различные виды неравенства и достигать профессионального и личностного успеха;

- проектирование образования как института успешной профессиональной социализации, обеспечивающего развитие социально-экономического ресурса государства и приводящего через, накопление человеческого капитала к накоплению государственного капитала.

Для достижения обозначенных выше приоритетов государственной политики необходима следующая система мер по формированию толерантности, социального доверия, веротерпимости, миролюбия и противодействия экстремизму в российском обществе:

- создать общегосударственные программы социальной рекламы, стимулировать акции и кампании в общественной жизни и средствах массовой информации, формирующие установки доверия к институтам государственной власти, пропаганды толерантности, противодействия различным формам социальной агрессии, жестокости и экстремизма;

- уделять больше внимания правовому просвещению граждан, которое должно быть адресным к различным группам населения;

- организовать на федеральном, региональном и муниципальном уровнях сеть центров толерантности и мониторинга социальной безопасности для обес-

печения, формирования толерантности, веротерпимости, миролюбия, у различных групп населения и; отдельных личностей;

– создать на федеральном, региональном и муниципальном уровнях социально-психологические службы преодоления кризисных ситуаций для обеспечения социального здоровья общества, помощи жертвам насилия и жестокости;

– ввести в образовательные стандарты, профессиональной подготовки; государственных служащих, работников, правоохранительных органов, органов управления, средств массовой информации, профессионального педагогического образования программ, обеспечивающих компетентность в вопросах формирования толерантности, веротерпимости, миролюбия и противодействия, экстремизму;

– разработать и внедрить в программы дополнительного профессионального образования курса «Консультирование и ведение переговоров в ситуациях социальной напряженности» для руководителей, разных уровней; представителей; правоохранительных органов, работников социальной сферы.

Кроме того, должны быть решены еще несколько задач:

1. Необходимо обеспечить подлинную, а не фальшивую прозрачность социальных процессов.

2. Необходимо противодействовать любым попыткам манипулирования общественным мнением.

3. Необходимо раскрывать враждебную культуре мира суть любой националистической, культурно-изоляционистской мифологии, выдающей себя за сущность национальной культуры.

4. Необходимо показывать реальную эффективность договорных технологий человеческого взаимодействия и принципиальную ущербность конфронтационных технологий.

Общий вывод из сказанного выше может быть сформулирован следующим образом. Понадобится долгий и трудный путь пересмотра многих казавшихся: незыблемыми представлений и культурных установок. Определенную роль в этом процессе могут сыграть и средства массовой информации. При условии, что сами журналисты будут овладевать новой профессиональной культурой, которая отвечала бы нынешнему этапу развития России. К сожалению, нынешняя журналистика, не имеющая отчетливого представления о новых смыслах профессии – плохой помощник в деле формирования толерантности.

Проблемы толерантности для России чрезвычайно важны. Есть настоятельная необходимость бороться за то, чтобы не только на межличностном уровне, но и на уровне управленческой практики, включая деятельность органов правопорядка, различные социальные структуры, и прежде всего органы власти, обеспечивали уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия по признаку расы, пола, языка, национальной принадлежности, религии или состояния здоровья. На государственном уровне такой подход требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм, предоставления каж-

дому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аболин Б.И. Слово «толерантность» в русской лексикографии: основные элементы значения. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill4.html>.
2. Амосова О.В. Толерантность как аспект социальной справедливости // Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.28-30.
3. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Беньковой. – М. : Канон-пресс-Ц, 2001.
4. Антоновский, Ю.А. Общество как общение и разобщение // Луман, Н. Дифференциация: пер. с нем. / Н. Луман. – М.: Логос, 2006. – С.307–317.
5. Арзуманов И.А. Нормативно-правовая стратификация буддизма в контексте вероисповедной политики России XX-XXI вв.: понятийно-семантический аспект // Сиб. юрид. вестн. – Иркутск, 2009. – № 1. – С. 3–11.
6. Аринин Е.И. Толерантность как слово, термин и религиозные концепции// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.31-44.
7. Аринин Е.И. Молодежь и религия в региональном образовательном пространстве // Мировоззренческие предпочтения жителей Владимирского края: история и современность. – Владимир, 2003.
8. Асланова И.Ш. Проблемы реализации межрелигиозного диалога// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.67-73.
9. Атлас современной религиозной жизни России / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М., СПб., 2009. Т. 3.
10. Байк-шоу в Севастополе завершилось скандалом. URL: <http://www.rg.ru/2009/07/14/baykery-site-anons.html>.
11. Бардиер, Г.Л. Социальная психология толерантности: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2007. – С.6.
12. Бардиер, Г.Л. Социальная психология толерантности: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2007. – С.18.
13. Богословие ненависти. URL: <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer7/Majburd1.php>.
14. Болотина Т.В., Певцова Е.А., Миков П.В., Суслов А.Б. Права человека. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. – 224 с.
15. Болотина, Т.В., Права человека: 10 класс / Т.В. Болотина [и др.] – М., 2006. – 224 с.
16. Большой англо-русский словарь. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2000. – С.497, 1010.
17. Буддизм в Бурятии. URL: <http://www.sunhome.ru/journal/13244> (дата обращения 30.09.2011).

18. Будущие поколения – национальное достояние России. Программный документ XIII Всемирного Русского Собора // Патриарх и молодежь: разговор без дипломатии. – М., 2009.
19. Валитова Р.Р. Толерантность // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – М., 2010. Т. IV. С. 75–76.
20. Ведомости ФС РФ. – 1999. – № 20, ст. 1362.
21. Верховский А. Религиозная ксенофобия: межконфессиональный и внутриконфессиональный аспекты. URL: <http://religion.sova-center.ru/publications/194D18A/194D579>.
22. Верховский А. Цена ненависти.// Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М., Эксмо. 2009. С. 44 – 47.
23. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1197. Рост безработицы = рост преступности? 10.04.2009. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11707.html>.
24. ВЦИОМ. Сколько православных в России? 02.04.2010. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13381.html?no_cache=1&cHash=90f621197e.
25. Галимова, Е.Ш. «...Дурно пахнут мертвые слова». Что такое «гуманизм», «толерантность», «плюрализм»? URL: <http://www.voskres.ru/articles/shalimova.htm>.
26. Гараджа В.И. Веротерпимость / В.И. Гараджа // Религиоведение: энцикл. слов. – М., 2006.– С.198–200.
27. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. Т.1, М., 1976.
28. Геранина Г.А. Социально-философские аспекты формирования толерантности у учащейся молодёжи в образовательном процессе (на материале региональных исследований) // Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.108-118.
29. Глаголев В. С. Личность в США: взгляд из России // Вестник Воронежского государственного университета. – 2009. – № 2 (2). – С. 33-47.
30. Гончарова С. В. Образ человека в религиозном неомодернизме : дис. канд. философ. наук. – М., 2010.
31. Гордеев Я. Реплика о толерантности. Нет Бога, кроме Бога. URL: <http://gordyian.livejournal.com/111914.html>.
32. Гордеева. От толерантности к интересуществованию. URL: <http://studyenglish.info/article049.php>.
33. Гречко К.П. О границах толерантности/К.П.Гречко. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/ogran.php.
34. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1980. Т. 4.
35. Декларация принципов терпимости URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.
36. Декларация принципов толерантности. Толерантность. URL: <http://www.tolerance.ru/declar.html>.

37. Долгов К.М. «Буду же верить в Евангелие...» / Русский инок: март-апрель 2009 г. URL: <http://www.glinskie.ru/common/mpublic.php?num=967> (дата обращения 30.09.2011).

38. Духовная безопасность России: актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности (2005) / Иоанн (Попов) арх., А.И. Хвыля-Олинтер. М.

39. Ентелис Г.С., Щипанова Г.Д. Протестный потенциал российской молодежи. М., Юрайт. 2007. С. 27.

40. Зубков С.А. Религиозная терпимость как путь оздоровления общества// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.- С.134-136.

41. Зубок Ю.А., Чупров В.И.. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма// СОЦИС.2009.№1

42. Иванов Ф.Л. «Перспектива развития универсальной и исламской концепций прав человека в изменяющемся мире»/Ф.Л.Иванов. // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Вып. 19. – 2009. – № 15 (153). – С. 51–55.

43. Игра идентичности. Лебедев Сергей 10 декабря 2008 г. URL: <http://ei.pravaya.ru/look/16690>.

44. Игра идентичности. Лебедев Сергей 10 декабря 2008 г. URL: <http://ei.pravaya.ru/look/16690>

45. Игумен Сергей (Рыбко). Молодым сердцам Русской земли. – М., 2009.

46. Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы / Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. Киммо. Каарияйнена и Дмитрия Фурмана. Глава 1. – М.; СПб., 2007.

47. Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы / Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. проф. Каарияйнена К. и проф. Фурмана Д. Глава 1. –СПб.; М., 2000. – С. 7–48. URL: <http://www.krotov.info/history/20/1990kaar.html>.

48. Кантеров Игорь. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде. URL: <http://www.galactic.org.ua/SLOVARI/f-4.htm> (дата обращения 30.09.2011).

49. Кобзева Наталья Александровна. Особенности религиозности студентов на примере православия. URL: http://www.religare.ru/2_34064.html.

50. Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб., Питер. 2008. С. 76.

51. Комментарий дня: «Наша старуха. Патриарх имеет ровно месяц чтобы унять Б. Якеменко» 25 октября 2009. URL: <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=73392&cf=>

52. Концепция развития МОСУ. – М.: МОСУ, 2007, с. 27-28.

53. Координатор Союза Православных Братств Русской Православной Церкви вступился за архангельских неформалов. URL: <http://www.arhperspective.ru/news/print.html?article=8584>.

54. Красиков Анатолий. Глобализация и православие // Религия и

глобализация на просторах Евразии. – М., 2009.

55. Крестный ход из Подмосквья в Ярославль возглавит священник-байкер. URL: <http://www.poklonnik.ru/site.xp/053055124050057057052124.html>

56. Купина, Н.А., Хомяков М.Б. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. URL: http://bookzie.com/book_179_glava_1_Annotacija.html.

57. Кураев Андрей (диакон). Проповедь на концерте Рок-К-Небу. URL: <http://kuraev.ru/>.

58. Лебедева, Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления / Н.М.Лебедева // Этническая психология и общество. – М., 1997. – С. 104-115.

59. Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Сочинения: в 3 т. – Т. 3. – М., 1988. С. 66–90.

60. Луковская Дж. Личность и право в истории правовой мысли // Лебедь. – 2007. – №548. URL: <http://www.lebed.com/2007/art5173.htm>.

61. Луман, Н. Дифференциация: пер.с нем. / Н. Луман. – М., 2006.

62. Лункин Роман. НРД в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition40/03-lunkin-in-carnegie.htm (дата обращения 30.09.2011).

63. Лурье, С.В. Метаморфозы традиционного сознания / С.В. Лурье. – СПб., 1994.

64. Любимова Г.Б. Мера религиозной, межгрупповой, межэтнической терпимости// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. - Т.19.-С.166-172.

65. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.; Екатеринбург, 2000.

66. Малахов, В.С. Постмодернизм // Современная западная философия: Словарь. – М., 2000. – С.326.

67. Малер Аркадий Ответ Егору Холмогорову о «субкультурах» и «вла-совщине». URL: http://www.katehon.ru/html/sobitija/otvet_egoru_holmogorovu.htm.

68. Малиновский Б. Научная теория культуры // Вопросы философии. – 1983. – № 2.

69. Манько Ю.В., Оганян К. М. Социология молодежи. – СПб., 2008.

70. Метлик И.В. Религия и образование в средней школе. – М., 2004.

71. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М., 1997.

72. Минин Н.С. Православие, толерантность и поиски идентичности современной молодёжи// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.194-204.

73. Митрополит Сурожский Антоний. О встрече. – Клин, 1999.

74. Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста. URL: http://bookzie.com/book_179_glava_17_3.1._OBSHNIIE_POLOZHENIJA.html.

75. Молодежь не предмет лукавых подмен. URL: [http://christianspirit.ru/v72/72.\(9\).htm](http://christianspirit.ru/v72/72.(9).htm).
76. Молодое поколение России: Проект Доктрины. – М., 2008.
77. Никифорова Л. В. Толерантность vs. компетентность. Фундаментальные проблемы культурологии: Т. 7: Культурное многообразие: теории и стратегии / Отв. ред. Д. Л. Спивак. – М., СПб., 2009. – С. 63–70.
78. Николсон П. Толерантность как моральный идеал // Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. Толерантность. – 2002, – № 1. URL: http://virlib.eunnet.net/vestimion/01_02/007.html.
79. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. IV. – М., 2010.
80. О преподавании прав человека в общеобразовательных учреждениях РФ (проект). Рекомендации МО и Н РФ, М.: 2006.
81. о. Борис Ничипоров. Принципы православной педагогики и нравственное воспитание русских детей / Вестник духовного просвещения. – М., 1994. № 1. URL: http://azbyka.ru/tserkov/lyubov_i_semya/pravoslavnaia_pedagogika/nichiporov_printsipy_hristianskoi_pedagogiki.shtml (дата обращения 30.09.2011).
82. Паин Э. Почему помолодела ксенофобия? Курс «Противодействие ксенофобии и этнической дискриминации» Ч. 1: учеб. Пособие для сотрудников аппаратов уполномоченных и комис. по правам человека в РФ. – М.: Моск. Хельсинк. группа, 2005, с. 30.
83. Патриарх встретился с Ночными Волками. URL: <http://www.ludipesni.ru/patriarh-vstretilsya-s-nochnimi-volkami-300807.php>.
84. Патриарх и молодежь: разговор без дипломатии. – М., 2009.
85. Патриарха Кирилла приглашают выступить на рок-концерте. URL: <http://www.august.ru/6745.html>.
86. Пищулин, Н.П. Толерантное сознание этнических общностей / Н.П. Пищулин, С.Н. Пищулин, И.А. Коробецкий. – М., 2004.
87. Погодин И. В. Генезис неформальных молодежных формирований в России //Закон и право. 2008.№ 5. С. 89 – 91.
88. Подлинная этимология: толерантность. URL: <http://alexnacharov.livejournal.com/9215.html>.
89. Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: монография. – Ижевск, 1997.
90. Проект государственной программы «Гражданское образование населения РФ на 2005-2008 годы»/<http://www.sovetpamfilova.ru>.
91. Прокуратура Чувашской Республики// Информационно-справочная брошюра. «Экстремизм-угроза обществу!» Чебоксары, 2009.
92. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У.Солдатовой, Л.А.Шайгеровой. – М., 2008. – С. 140-146.
93. Радлов Э. Терпимость, понятие Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона : в 86 т. с илл., табл. и доп. материалами. URL: <http://alcala.ru/brokgauz-slovari/izbrannoe/slovar-T/T2807.shtml>.

94. Растатуева, С.Г. Репрезентация концепта «Толерантность» в русском языке. URL: <http://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-tolerantnostv-russkom-yazyke>.
95. Религии народов современной России. – М., 2002.
96. Русский марш и другие акции московских националистов. 05. 11. 2007. URL: <http://xeno.sova-center.ru/45A29F2/A16C273>.
97. Селиверстов, М. Полифония веры и разума URL: http://religion.ng.ru/printing/2006-12-06/7_poliphony.html.
98. Сибирцева Ю.А., Попова А.П. Проблема толерантности в современной межкультурной коммуникации: социально-культурные границы противодействия ксенофобии и экстремизму// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.247-258.
99. Сигов К.Б. Игра /// Современная западная философия. Словарь. – М., 2000. – С. 158–159.
100. Силантьев М.В. Толерантность в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.259-269.
101. Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социс («Социологические исследования»). – 2006. – № 11. – С. 89-98.
102. Словарь иностранных слов. – М. : Гос. изд-во иностран. и национальн. словарей, 1954.
103. Сметанин В.А. О проблемных аспектах толерантности в эволюционном ракурсе. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=459.
104. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 27, ст. 3304.
105. Соколова С.Ю., Щитко В.С., Маркин А.В, О некоторых аспектах формирования религиозной толерантности молодёжи в многоконфессиональной среде// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. - Т.19.-С.270-273.
106. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М., 1998.
107. Старые – новые – и снова старые... К публикации новых данных о религии в постсоветской России. URL: <http://old.cef.ru/3/3/a/3117/>.
108. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология /Т.Г. Стефаненко.– М., 2007. – 367 с.
109. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: практикум / Т.Г.Стефаненко. – М., 2006. – С.149-151.
110. Сторчак В. М. Толерантность в социокультурном и политическом пространстве современной России. URL: http://www.manwb.ru/articles/world_today/tolerance/Tolerance_VMStorchak/.

111. Толерантность // Василенко, Л.И. Краткий религиозно-философский словарь. – М., 1998. – С. 220.

112. Толерантность в современной цивилизации : сб. метод. материалов / разработчики М. Б. Хомяков, И. Г. Полякова – Екатеринбург, 2007. URL: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1440/3/1324430_methodbooks_Vol4.pdf.

113. Толерантность. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.

114. Толерантность. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionariesynonyms-term-86016.htm>.

115. Троегубов А.Г., Петракова И.Н. Философский анализ проблемы толерантности// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. - Т.19.-С.297-304.

116. Трофимчук Г.П.// Круглый стол: Экстремизм – угроза государственности России. Позиции участников/. – М., 2005, с.17.

117. удотворцы МВД (материал о РНЕ). URL: <http://www.realigion.ru/index.asp?nID=690&dID=692>.

118. Февралева Л.А. Диалог как фактор гуманизации поликонфессионального общества// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.305-313.

119. Филатов С.Б. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию // Религия и глобализация на просторах Евразии. – М., 2009.

120. Филиппов А.Ф. Памяти Никласа Лумана // Современная западная философия. Словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2000. – С. 234–236.

121. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. N 6

122. Фридинский С.Н. Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности // Российский следователь. 2008. № 12.

123. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/habermas.pdf> (дата обращения: 19.10.11).

124. Халиль Мона. Мифы о коптах. Христиане Египта отнюдь не являются забытым этнографическим меньшинством. URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=fresh&id=1230> (дата обращения 30.09.2011).

125. Хлопкова О.В. Воспитание толерантности личности как форма нейтрализации религиозного фактора возникновения терроризма// Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации/ Материалы международных научных семинаров. – Владимир, 2011. -Т.19.-С.313-320.

126. Хомяков В. «Толерантность» как духовно-культурная капитуляция. URL: <http://romnimvse.com/415pb.html>

127. Хомяков М.Б. Толерантность и современная цивилизация / М. Б. Хомяков // Толерантность. Екатеринбург, 2000. – С. 5–40.

128. Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003, т. VI, выпуск 4. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/4/4aHomiakov.pdf>.

129. Хомяков М. Б. Уральский межрегиональный институт общественных наук: прояснение концептуальных оснований проекта. URL: http://www.eunnet.net/vestimion/01_02/001.html.

130. Чего мы хотим от РПЦ МП? URL: http://www.religare.ru/2_58.html.

131. Человенко Т.Г. Диалектика методологических установок в современном изучении религии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Социально-экономические науки и искусство.– 2008. – № 8 (32). – С. 29–34.

132. Чибисова, М.Ю. Этническая идентичность в тренинге: методические подходы / М.Ю.Чибисова // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая психология: актуальные проблемы и перспективы развития» 21-22 ноября 2008 г.: сборник материалов. – М., МГППУ, 2008. – С. 145.

133. Что такое толерантность? URL: <http://www.otvetim.info/obshhievrospysihologii/1008>

134. Что такое Толерантность? Значение и толкование слова tolerantnost, определение термина. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/f/tolerantnost.html>.

135. Чупров В.И. //Сущность и проявления молодежного экстремизма.

136. Чупров В.И. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи. Ростов-на-Дону., Феникс. 2003.

137. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., Юристь. 2006.

138. Шнирельман В.А. «Несовместимость культур»: от научных концепций до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение: (сб. статей)/. – М.: Центр «Сова», 2006.

139. Этнологический словарь: Этнос. Нация. Общество / редкол.: Козлов В.И. [и др.] – М., 1996; вып. 1. – С.148-149.

140. Concise Oxford Dictionary of World Religion. Ed. by John Bowker, Oxford, 2000. URL: <http://www.britannica.com/eb/article?tocId=9056963>.

141. Declaration of Indulgence //Словарь Мюллера. Перевод Declaration of Indulgence. Mueller dictionary URL: http://lovetpger.ru/mueller_Declaration-%20of-%20Indulgence.html.

142. Hutmacher, Walo. Key competencies for Europe/ W. Hutmacher // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for Cultural Cooperation (CDCC) // Secondary Education for Europe Strasburg, 1997. – P.11.

143. Marshall J. John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. Cambridge University Press. Cambridge University Press.

144. Persecution and toleration. Study in Church History. vol. 21. Ed. by W.J. Sheils. The Ecclesiastical History Society. 1984.

145. The Oxford English Dictionary. Second ed., Oxford, 1989. V.XIII.

146. The Wordsworth Dictionary of Beliefs & Religions. Ed. By Rosemary Goring, Edinburgh, 1995. P.532–533.

Научное издание

Яминова Светлана Александровна

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ
В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ